

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 4 раз в год

Учредитель и издатель
Ю. Мандрика

№3 **(19)**

Главный редактор
Ю. Мандрика

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84

e-mail: mandrika@sbtx.tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Сдано в набор 10.01.2001.
Подписано в печать 17.07.2001.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «SchoolBook». Офсетная
печать.
Бумага офсетная №1.
Уч.-изд. л 9,2.
Усл.-печ. 9,3.
Тираж 300. Заказ №2412.

**Издатель
временно
приостанавливает
выпуск
журнала**

Корректор М. Кремлева
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУП «Заурал-Пресс».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

Оглавление

ГРАФОМАН – НОМО SCRIBENS

<i>С. Туров.</i> Как отдыхали сибиряки в прошлом	3
---	---

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Обязательные для местных жителей постановления городских дум Тобольской городской Думы	29
Тюменской городской Думы	38

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

<i>С. Филь.</i> Поклевские-Козелл — владельцы винокуренного завода	56
---	----

ИЗ БЛОКНОТА КРАЕВЕДА

<i>Е. Коновалова, Л. Шварева.</i> Авторы Ежегодника Тобольского губернского музея	64
--	----

СООБЩЕНИЯ

<i>В. Белобородов.</i> Демьянский бытописатель	123
<i>Д. Марьинских.</i> Александр Гумбольдт в Тобольской губернии и его контакты с губернатором Вельяминовым и доктором Альбертом	137
<i>А. Еманов.</i> Сибирский Сократ	148
<i>В. Белобородов.</i> Заграничный родственник	156

TRIVIA

Докладная записка тюменского городского головы А.И. Текутьева в комиссию о путях сообщения в Государственной Думе	158
Хроника	160

Туров Сергей Викторович, родился в 1957 г. Окончил истфак ТГУ, аспирантуру в Уральском университете. Доцент кафедры отечественной истории ТГУ, кандидат исторических наук.

Круг научных интересов: этнография русского старожильского населения Зауралья, история культуры, историческая экология. Один из авторов книги «Выдающиеся тобольские и сибирские губернаторы» (Тюмень, 2000).

Постоянный автор журнала «Лукич».

Как отдыхали сибиряки в прошлом*

В начале XXI в. к нам возвращается, казалось, навсегда утраченная русская праздничная культура. В средствах массовой информации нам старательно разъясняют, что такое Святки, Сочельник, Семик и т.п. Краснощекая музейная тетка, заведовавшая в прежние времена разделом «Свиноводство» в экспозиции «Колхозная новь», в costume «а-ля рюс» на экране телевизора старательно имитирует гадание на воске, плохо понимая смысл собственных действий. А потом затягивает «старообрядческую» песню, в которой поется про табачок и про водочку, что для старообрядцев так же дико, как для мусульман иконы. На Масленицу «Петрушка» хорошо постав-

ленным голосом самодельного артиста декламирует какую-то белиберду, отдающую вкусом пионерской речевки В общем, медная клюква под развесистым самоваром.

Как же на самом деле проходили праздники в сибирских городах в старину? А на самом деле в XVIII—начале XIX вв. святочные игры и гадания уже стали развлечением, вера в их магическую силу была утрачена. Святочные игры сменили балы и маскарады, где вместо русских плясок господствовали французская кадрили и вальсы. К середине XIX в. рождественские маскарады окончательно

* Этой публикацией мы завершаем серию материалов, появление которых стало возможным благодаря финансовой поддержке «Кволити-отель «Тюмень», а также личному участию генерального менеджера отеля Александра Матвеевича Тулупова.

входят в моду, их участники как бы заменяют собой святочных ряженных. Атмосферу сибирского маскарада описал в своем незаконченном рассказе «В маскараде» В.И. Вагин: «Огромная для сибирского города зала залита светом, она битком набита всевозможными масками, в разнообразных, большей частью, инородческих костюмах. Гул. Толкотня. В этой толпе почти теряются немногие, большей частью неженатые мужчины и женщины без масок, одетые по последней моде». На маскарады в губернских городах съезжалось до 300 человек. Здесь были чиновники высших и средних рангов, купцы. Как правило, всем им заранее рассылались приглашения. Рождественские и новогодние праздники не обходились без «иллюминации». Как могла выглядеть подобная иллюминация, можно судить по описанию празднования в Тобольске заключения мира с Турцией в 1740 году. По приказу губернских властей напротив «обывательских домов», «но не реже чем через 10 сажен друг от друга» были установлены сосны. На каждой сосне висело не менее трех фонарей со свечами. В «казенных домах» велено было зажечь в каждом окне по три свечи.

Правда, Новый год долгое время оставался, скорее, государственным праздником, чем семейным. В «благородном обществе» в этот день были приняты

визиты и поздравления. Вечером устраивали бал, обычно у главы местной администрации или в «благородном собрании». Для простых горожан еще в середине XIX в. первый день нового года был одним из двенадцати святочных дней и ничем как-то особо не выделялся.

Масленичной была восьмая неделя до Пасхи. Практически Масленица раньше (по старому стилю) приходилась на вторую половину февраля—первую половину марта. На Масленицу изготавливали, а затем сжигали чучело зимы. Обязательно устраивалось шествие ряженных. В шествии участвовали скомоорох, горбатая старуха, кривой и хромой старик и непременно медведь, т.е. человек, покрытый медвежьей шкурой, которого водил на цепи поводырь. Повсюду строились ледяные горы для катания. «Здесь, на Иртыше, устроены горы, на которые съезжался весь высший свет. Тут же бегают на коньках, и в этом упражнении вместе с молодежью отличается В.И. Штейнгель, и со всевозможной грациозностью, его ходят посмотреть», — сообщал декабрист М.А. Фонвизин в одном из писем к другому декабристу И.И. Пушину о гуляньях на Масленицу в Тобольске в 40-х годах XIX века. Катались с ледяных гор на санях, коровьих шкурах, специальных деревянных «сибирских катках». В Екатеринбурге в 30-х годах XIX в.

ледяные горы выстраивались еще с Рождества. Катались на них по воскресеньям, а во время Масленицы каждый день. В соответствии с древней традицией катались на тройках вокруг ледяных гор. Причем в Екатеринбурге долгое время сохранялся старинный вид таких поездок — катание толпой («утугой»), когда «собирается саней 30–40, иногда даже 50, и все вместе ездят по улицам из одной в другую». Одной из любимых масленичных забав сибиряков было взятие снежного города.

В последние дни Масленицы ездили на кладбище, здесь поклонялись праху родных, потом ездили к родителям и старшим родственникам с «прощальными визитами». Губернские власти на Масленицу, как и на Рождество, устраивали балы-маскарады. Самое раннее объявление о масленичном маскараде относится к 1776 году: «От Генеральского дежурства в Тобольскую полицмейстерскую контору приказа.

Завтрашняго 13 числа февраля будет в доме его превосходительства, господина генерал-поручика, лейб-гвардии пример-майора, тобольского губернатора и кавалера Дениса Ивановича Чичерина публичный маскарад. Почему Тобольская полицмейстерская контора имеет всем города Тобольска обывателям объявить: ежели кто изволит в оном быть, так

сезжаться в дом его превосходительства в маскарадном платье пополудни в пять часов». В своем «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов описывает, как губернатор Д.И. Чичерин и губернские чиновники праздновали Масленицу: «В избранный день у крыльца губернаторского стоят огромные сани, устланные коврами, с беседками, мягко и богато убранными. Д.И. с дамами и свитой садится на эту махину и отправляется в сопровождении гайдуков и драгун, а впереди другие также огромные сани с музыкантами. У известных домов поезд останавливается, музыканты бегут в прихожую, а хозяин и хозяйка ждут гостей у дверей. Первый гость подает руку хозяйке и, под музыку приплясывая, проходит комнаты при общем подражании всех гостей и тотчас выходит, увозя с собой и хозяйку, и хозяина. Таким образом заезжают в прочие дома и увеличивают поезд. Потом катаются по городу и около гор с шумною музыкою и оканчивают веселый день в доме гостеприимного губернатора».

Во время Великого поста, от Масленицы до Пасхи, какие-либо увеселения общественно-го характера считались предосудительными. В первый день Пасхи обязательным было посещение церкви. На следующий день начинались развлечения, главное место в которых зани-

мали качели. В XVIII—XIX веках было известно два типа качелей. Первый тип — пара вкопанных в землю столбов с перекладиной, к которой привязывалась доска. «Для любителей более сильных ощущений имелись так называемые перекидные качели. На двух столбах была прикреплена вращающаяся ось, от которой с краев по радиусам шли балки. На концах двух параллельных балок была подвешена кабинка, в которую и помещались желающие покататься. Ось приводилась во вращательное движение, и кабинка с земли поднималась высоко над толпой».

Кроме качелей типичным пасхальным развлечением были «скакели» — доска с упором для прыжков. Чаще всего на скакелях можно было увидеть девушек и детей. Это развлечение сибирских красавиц еще в середине XVIII века описал пруссак Вагнер, отбывавший сибирскую ссылку: «Во дворе моего хозяина, как и в соседних дворах, женщины качались на досках. Примерно на высоте в два фута от земли была сделана подпорка, на которую была положена доска длиной в 18—20 футов. На каждый конец становилась женщина. Они начинали тихо качаться, потом движения становились все сильнее, так что в конце концов одна подбрасывала другую вверх на пять футов, но каждая безошибочно с выпрямленным

туловищем и сомкнутыми ногами возвращалась на свой конец доски и подталкивала другую так же высоко и еще выше себя. Эта игра вначале показалась мне очень опасной».

На Пасху играли в свайку, городки, лапту. Бились «на кулачки», боролись «в обхватку» и «с носка», играли в «сибирские бабки» — стрельба по бабкам из лука; устраивали скачки на верховых лошадях. Любимой взрослых и детьми пасхальной забавой были игры с куриными яйцами. Яйца катали с бугорка или делали для этого специальные лотки. Другая пасхальная игра, распространенная и сегодня, — «битье яйцами».

Кроме вышеописанных праздников самыми разнообразными развлечениями и «народными гуляньями» сопровождалась ярмарки, «царские дни» (именины царских особ, дни коронации). Были в сибирских городах свои местные праздники. В Тюмени, например, таких праздников было два. Первый назывался «Ключ». Такое название этот праздник получил потому, что празднество устраивалось близ родника (ключа), считавшегося святым и находившегося где-то на западе от старого городского центра, в районе Большого Городища. Начало празднику было положено еще в начале XVIII века. В те далекие времена было подмечено, что вода родника способствует

«отвращению конского падежа». В связи с этим в девятое воскресенье после Пасхи на ключ устраивался крестный ход, а затем начиналось народное гулянье. В начале XX в. «Ключ» праздновали на девятую пятницу после Пасхи. Крестного хода уже не устраивалось, но гулянье народное проводилось с размахом.

Вторым тюменским местным празднеством было взятие за обычай отмечать посещение города его императорским высочеством цесаревичем Александром Николаевичем (Александром II Освободителем) 31 мая 1837 года. Вот как описывает этот праздник Николай Абрамов в начале 50-х годов XIX века: «В 1851, 1852, 1853 годах я был участником сего празднования. Оно ежегодно происходило единообразно: по благовесте к литургии все чиновники и служащие по выбору граждане в форменном платье, купечество и множество прочего сословия обоего пола в богатом лучшем платье наполняли пространный монастырский Троицкий храм и некоторые окружали внешность его за непомещением в церкви. Литургию совершал архимандрит с монастырским и городским старшим духовенством. По окончании оной отправлялось молебствие о здравии и благоденствии Государя императора, Государя наследника и всего августейшего дома. Из церкви

старейшее духовенство, чиновники, купечество и вообще почетное гражданство отправлялись в дом купца И.В. Иконникова, где изволил в 1837 году иметь остановление Государь наследник. Там подавался завтрак, после которого провозглашались тосты за здравие Государя императора, наследника престола и всего августейшего дома. В пять часов пополудни по предварительному приглашению городского головы отправлялись в загородную училищную рощу чиновники, купечество и лучшие из граждан с семействами числом до 300 человек и располагались в устроенных там зданиях, а также собирались тысяч до пяти разных городских и деревенских жителей. После разных роскошных, соответственных лицам и полам, угощений молодежь начинала танцевание, а другие отправлялись прогуливаться по роще. Городской голова в благонамеренной своей ревности распоряжался об угощении даже простого народа со всевозможным довольством. В 9¹/₂ часов вдруг ракета ознаменовывала в темноте воздуха полет свой огненной браздой, и вслед за тем сумрак ночи превращался в яркий, ослепительный свет: огненные фонтаны заискривались в воздухе, грохотали бураки, и множество огненных змей шипели и летели по воздуху, и, наконец, возблистало вензелевое имя Государя наследника,

окруженное лаврами и переливавшееся разноцветными огнями; над ним в транспаранте сияющая надпись: «Виновнику нашего счастья, 31 мая. Тюмень». Восторженное «ура!» вырывалось из уст зрителей и раздавалось радостно, как эхо вторилось тысячами восхищенных участников торжества. После фейерверка и гулянья публика обоего пола приглашалась городским головой в дом, находящийся в роще, и там после роскошного ужина были тосты за здоровье Государя императора, наследника престола и всего августейшего дома. Новое торжественное «ура!» долго наполняло воздух и приводило в умиление всех присутствовавших. Гулянье обыкновенно оканчивалось с рассветом другого дня». Кстати, описанный выше фейерверк тюменцы увидели впервые на таком же празднике в 1839 году. Ранее фейерверков в Тюмени не бывало. В этом отношении Тюмень сильно уступала, например, Омску, где фейерверки устраи-

вались уже в 20-х годах XIX века. Так, в 1821 году в Омске торжественно отметили прибытие в город генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского. Частью торжеств стал фейерверк, от которого, между прочим, приглашенных на торжество «большая часть киргиз разбежалась», что и неудивительно — это зрелище было для степняков делом невиданным и непонятным.

Средоточием праздничного веселья были площади. Здесь в XIX в. вместо качелей и скакелей появляются карусели. Когда появились первые карусели в Тюмени — неизвестно. В Омске их увидели в 1876 году на Пасху ученые-путешественники О. Финш и А. Брэм. Вторая неприменная принадлежность праздничной площади — балаганы, где давались различные представления или предлагалась нехитрая еда.

«Нелишне обратить внимание на балаганы на Ярмарочной площади, в особенности балаган близ трактира Бусыгина является очагом физиологических человеческих отбросов, мимо которых нельзя пройти, не зажав плотно нос», — писала тюменская «Сибирская торговая газета» в 1901 году. Но так обстояли дела в балаганах по будням. А в праздники балаганы и вся площадь приводились в порядок.

Праздничная площадь заполнялась разношерстной публикой и оглашалась криками торговцев и балаганных зазывал. Особенно хорошо расходились в балаганах и с лотков олады, блины и детские игрушки. Имеются немногие и достаточно скудные газетные описания тюменского площадного гулянья, приуроченного к празднику «Ключ»: «Завтра будет народный праздник под названием «Ключ», празднуемый на Большом Городище уже много лет на площади за домом трудолюбия. На площадь выезжают торговцы с разным бакалейным товаром, фруктовыми водами, квасом и т.д., а также с горячими пирожками, блинами, пруженцами. Бывает «Петрушка». Продаются разные простые детские игрушки. Народу бывает много и главным образом простонародье». (Сибирская торговая газета. 1906). «30 мая на большом городище на площади, носящей название «Ключ», было народное гулянье. Был устроен г. Костоусовым балаган-цирк, в котором были акробатические представления и пелись «фривольные» песни, которые были с гоготаньем приняты пьяной публикой.

Публики на «Ключе» было много, были балаганы со съестными припасами, конфектами, пряниками и фруктовой водой. Скандалов ныне не было, что крайне удивительно» (Сибирская торговая газета. 1904).

Самым излюбленным балаганным зрелищем у детей и взрослых был неизменный Петрушка, или Петр Иванович Укусов (он же Ванька Рататуй).

«На Ярмарочной площади работали балаганы, здесь давали «Петрушку» для «простонародья» и хорошо зарабатывали», — замечает тюменская газета «Ермак» в 1901 году. Кукольный народный театр существовал на Руси издревле. Во всяком случае, Адам Олеарий, бывший в России в составе голштинского посольства в тридцатые годы XVII в., писал о русских кукольниках: «Для этого они обвязывают вокруг своего тела простыню, поднимают свободную ее сторону вверх и удерживают над головой таким образом нечто вроде сцены, с которою они и ходят по улицам и показывают на ней из кукол разные представления». Театр Петрушки появляется примерно в 1840-х годах. Еще в начале XX в. популярность Петрушки была столь велика, что он являлся чуть ли не главным героем любой праздничной площади в России.

Петрушку везде давали примерно одинаково. Вот одно из описаний этого нехитрого действия, но доведенного балаганными актерами до совершенства: «В балагане, куда мы вошли вдвоем с товарищем-учителем, было много публики. Все держали себя свободно, «как дома». Парни и девушки шел-

кали орехи, ели пряники А в задних рядах, к крайнему нашему удивлению, компания «любителей» втихомолку творила обычный «намаз», поклоняясь стеклянному божку. Было душно. Пахло потом, сивушным маслом и дегтем. Сцена устроена в передней стене и очень высоко. Миниатюрные кулисы и занавес такой же величины устроены, как в настоящем театре. Устроились мы на первой скамейке, заплатив предварительно по десять копеек. Оркестр, состоящий из двух скрипок, кларнета и барабана, сыграл увертюру «По улице мостовой». Кончилась музыка. Поднялся занавес. Сцена пуста. Вдруг где-то внизу раздался визгливый голосок, кричавший «а-а-а! и, и, и! ха, ха, ха!». Из правой кулисы выскочил Петрушка Захохотал, забегал он по сцене. И вдруг сел на барьер, устроенный перед сценой. Кстати замечу здесь, что все жесты его, все движения были так согласны со словами, которые произносил спрятанный внизу комедиант, что иногда получалась полнейшая иллюзия, казалось, что все говорил сам Петрушка и что это не кукла, а живой человек. Недаром народ окрестил эту комедию «говорящими куклами». Чтобы произнести слова резким, визгливым тоном, комедиант кладет на язык у самого его корня маленький снаряд, состоящий из двух костяных пластинок,

внутри которых укреплена узкая полоска полотняной ленточки. С помощью этого снаряда и говорит комедиант. Отвечает ему его помощник, сидящий между зрителями, которого Петрушка называет «музыкантом».

Основными сценами традиционной комедии о Петрушке являлись следующие: выход Петрушки, сцена с невестой, покупка лошади и испытание ее, лечение Петрушки, обучение его солдатской службе и финальная сцена. Сам Петрушка обычно был одет «в красную рубашку, плисовые штаны, заправленные в шегольские сапожки, на голове колпак». Но секрет популярности Петрушки был не в сюжетах сцен с его участием, а в том, как подавались сюжеты. Наш герой был фриволен и асоциален. Степень фривольности и асоциальности зависела от состава публики. Если актеры-петрушечники не видели среди публики «посторонних», то Петрушка с легкостью мог прибить на сцене куклу-квартильного («фатального») надзирателя. А в мужской компании Петрушка устраивал свою свадьбу с особым цинизмом. Сначала он осматривал свою невесту Варюшку как лошадь, причем самой невинной процедурой осмотра было заглядывание в зубы. Варюшка сильно нравилась Петрушке, и ждать свадьбы ему было невтерпез. Тогда он начинал упраши-

вать невесту: «Пожертвуй собой, Варюшка!». Затем происходила заключительная сцена, при которой дамы в то время присутствовать не могли в силу требования приличий.

На праздничной площади было еще одно запретное и поэтому очень популярное развлечение — подпольные лотереи. Предшественников современных «лохотронщиков», например, омская полиция гоняла на ярмарке еще в 30-х годах XIX в., Впрочем, без особого успеха.

В конце XIX—начале XX вв. в русских городах приобретают популярность гулянья в городских садах, рощах и скверах. Тюмень не была исключением. Правда, состояние этих мест отдыха горожан оставляло желать лучшего: «одно из существующих неудобств Тюмени — это отсутствие в городе почти всякой растительности. Правда, здесь есть общественный городской сад, но он расположен на конце города и потому мало доступен для пользования жителями, да притом, как носят слухи, по отсутствию надзора гуляющие в саду далеко не могут считать себя безопасными. При таких условиях неудивительно, что тюменский городской сад не посещается публикой. Затем среди города, против церкви на Спасской улице расположен небольшой бульвар. Но он находится в ужасном состоянии, он мог бы служить прекрасным местом для

прогулки и отдыха. Кажется, с того времени, как посадили эти четыре ряда березок, ни одна заботливая рука здесь не приоткрылась; ограды почти нет, почему по траве свободно разгуливает скот обывателей, среди бульвара находится канава, полная какой-то вонючей жидкости; скамейки, дорожки — все неряшливо, безобразно до такой степени, что этому бульвару можно вполне присвоить название: «мерзость опустения». Неужели у здешнего городского управления нет ни желания, ни средств привести этот уголок в приличный вид?..

Еще к услугам тюменской публики имеется небольшой, но действительно хорошенький и прекрасно содержимый сквер у железной дороги, весь наполненный цветами, но чтобы добраться до этого садика и отдохнуть в нем, нужно совершить целое путешествие по улицам всей Тюмени и за городом пройти около версты. Есть сады в оградах церквей, но почему-то они не доступны для публики, да и в них нет ни дорожек, ни скамеек. Вот и все сады и скверы довольно обширной Тюмени, если не считать небольших садов при очень немногих домах обывателей. Некоторые из господ домовладельцев пытаются обсаживать деревьями все дома с улицы, и там, где за ними есть уход, деревья принялись прекрасно и уже дают тень» (Си-

бирская торговая газета. 1897).

В городской сад и на бульвар обычно отправлялись гулять семьями, здесь играл духовой оркестр, давались различные представления на открытой сцене, работал буфет, предлагались разнообразны игры-развлечения. Особой популярностью пользовался у тюменцев загородный Александровский сад. «8 августа в вокзале загородного сада состоялся семейно-танцевальный вечер, устроенный начальником воинской местной команды А.Д. Печковским. Публики было довольно много; вечер прошел оживленно» (Сибирская торговая газета. 1897).

«В понедельник 14 мая в Александровском загородном саду Тюменским вольным пожарным обществом будет устроено народное гулянье по разнообразной программе, а именно: «тамбола» (беспроигрышная лотерея) по 20 и по 50 к. билет, в саду с 2 до 9 часов будет играть музыка, а с 9 часов до 2 часов ночи в вокзале танцевальный вечер, во время которого артистки и артисты товарищества С.В. Валуа исполнят разнохарактерный дивертисмент. Для народа на открытой сцене будет играть «петрушка» и по-

казаны гимнастические упражнения, лазание на столбе и бегание в мешке на призы и т.д.» (Сибирская торговая газета. 1901).

Вообще в культурном отношении общество в прошлом было расколото достаточно серьезно. Так, один из корреспондентов «Сибирской торговой газеты» сетовал по поводу «народных развлечений» в городском саду: «Не мешало бы позаботиться о том, чтобы «народные развлечения» на открытой сцене были бы посодержательней и поразнообразней. Нельзя же довольствоваться тем, чтобы заставить трех-четырех несчастных фигляров «отчебучивать» плоские, балаганные «востроты».

Катание с ледяных гор, например, считалось забавой простонародной. «Благодарная публика» не могла отказать себе в этом нехитром удовольствии, но обставила катание «благородными» условностями. Представители общественной верхушки

катались обычно парами — дама и кавалер в одних санях. Катались в строго определенное время: начинали не ранее двенадцати и заканчивали не позднее двух часов дня. Считалось, что «благородным» оставаться долее «неприлично». Между тем простой народ катался с гор иногда до полуночи.

Чистая публика особенно предпочитала пикники на свежем воздухе. Первым об организации загородного отдыха сибиряков позаботился уже упоминавшийся выдающийся сибирский администратор XVIII в. губернатор Д.И. Чичерин. Правда, в этом своем устремлении он не сразу был понят: «...для пользы и удовольствия всего гражданства и для гуляния подчищены с немалым трудом близ самого города (Тобольска — С. Т.) рощи», в которых, конечно, строжайшим образом запрещалось рубить деревья; однако, «злонравный и упрямый народ делается ослушным, имея довольно места для рубки дров, но единственно из злости и упрямства в запрещенных местах рубит».

Тюменцы в конце XIX—начале XX вв. чаще всего отдыхали близ деревни Падерино, от города она отстояла на восемь верст. «Чистый воздух, леса, окружающие эту деревушку, речка с хорошей водой и сосновым лесом на ее берегу привлекают сюда, особенно в праздничные дни, тюменцев, стремя-

щихся на лоне природы наслаждаться этими благами. Одни отправляются в лес за грибами, другие устраиваются тут же в лесу за самоварами, с аппетитом уничтожая запасы привезенной провизии».

«Обыватель более культурный и более достаточный в праздник спешит вырваться из города в поле или в лес и там на вольном воздухе, на просторе наслаждается досугом. За город он везет тогда и всех своих чад и домочадцев, число которых очень часто переходит на второй десяток. Для вящих удобств захватывается самоварчик и горы кухонных изделий. Не забываются, конечно, и соуды с живительной влагой, сиречь — иерусалимской слезой. Все это здесь, на лоне природы, с удовольствием и уничтожается. Под вечер сияющие чада и домочадцы возвращаются, в виде триумфа привозя букеты черемухи» (Сибирская торговая газета. 1897).

Другим «аристократическим» развлечением были визиты. Гостей было принято встречать учтиво и хлебосольно. Хозяин на таких приемах должен был показать свое богатство и щедрость, гости обязаны были в свою очередь продемонстрировать свою воспитанность и утонченность. Кульминацией визита становилось угощение. На один стол накрывали для женщин: изюм, чернослив, варенье, кедровые орехи, брусни-

ку и к чаю пирожки или бисквит; на другой — наливки и закуски для мужчин. Пить чай досыта считалось неприличным. Считалось, что «гости должны пить одну чашку, три чашки пили родственники или близкие знакомые, а две — лакеи». На приемах было принято вести беседы о городских делах, политике. В начале XX в. культура провинциального визита с его чопорностью и обязательностью становится мишенью острословов.

«При встрече:

— Представьте мое несчастье!

— Какое?

— До того набегался по визитам, что у Кошечкиных с горничной поцеловался, а хозяйке рубль на чай дал!

С визитом.

— Дома?

— Все вышли.

— А зайти закусить можно?

— Все вышло.

Приказание.

— Авдотья!

— Что, барин, угодно?

— Смотри в оба, чтоб с визитами не пролез мой портной; этот народ на все способен» (Сибирская торговая газета. 1901).

«Средний тюменский обыватель» в праздничные или воскресные дни предпочитал пассивные виды отдыха: «посмотрите, как проводит воскресенье средний тюменский обыватель. Пройдите по тюмен-

ским улицам после обеда. У редких ворот вы не увидите обывателей и обывательниц, которые «празднуют воскресенья» с праздничными физиономиями и в праздничных костюмах. По этим костюмам вы и, кстати, можете проследить движение моды начиная со «времен очаковских и покорения Крыма» и кончая последней минутой. Есть даже обывательницы, одетые немножко «сверх моды», они перебрасываются вялыми бессодержательными разговорами и с интересом рассматривают лежащие перед ними навозные кучи и бесплодные в тюменском «жанре» вонючие лужи. В будни они не замечают этих чудных и прелестных пейзажей, но зато в праздники отдают часов по десяти на созерцание этих восхитительных тюменских красот природы. Обыватели постарше, пользуясь свободным днем, 20 часов из него «задают храповицкого». Самое высокое наслаждение дает какой-нибудь случайный инцидент, например, грызня собак или провал в одну из бесчисленных прорех тротуаров какого-нибудь празднично настроенного прохожего. Особенно интересно бывает смотреть, когда грызутся две собаки, — шерсть летит клочьями, а многочисленные зрители привстали с мест и затаили дыхание в немом восхищении. Обывателя хлебом не корми, только покажи такое зрелище»

(Сибирская торговая газета. 1901). Наконец праздничный день клонился к вечеру, он заканчивался прогулкой на сон грядущий. «Теперь пройдемся по Царской, нашему «Невскому проспекту». Время шесть часов. «Невский» кишит народом. Особенно много «чистого» служащего люда, а в числе их особенно много приказчиков, одетых с особым приказчиным шиком. Грациозные барышни, элегантные дамы в «воскресных новостях». Весь этот народ двигается и двигается без конца. Многим, может быть, надоело шлифовать тротуары, но все-таки они двигаются и двигаются, потому что в праздник «так надо», иначе и делать нечего. Часа через два гуляющих становится меньше и меньше. Как только наступает полусвет и на улице остается только «полусвет», «порядочная» публика расходится по домам. Но «ловцы человеков» только этого времени и дожидаются и начинают свои «операции». Именно в это время проходит горничными и швейками курс на «аттестат зрелости». Еще через часок и лучшая часть «непорядочной» публики куда-то исчезает. Остаются «искатели приключений» низшего сорта. Вот пронесится толпа сорванцов, сыплются «трехколесные» острофы. В это время никакой порядочной женщине пройти по улице нельзя» (Сибирская торговая газета. 1901).

Демократичнее развлечений были зрелища. Здесь, в принципе, все были равны. Были бы деньги. Всем зрелищам тюменцы в конце XIX—начале XX вв. предпочитали «тотошку» — ипподром с тотализатором. Открылся Тюменский ипподром в 1871 году. На ипподроме «достаточных» от малоимущих отличали только места согласно купленным или некупленным билетам. Более различий не было, и «спортсмен», и простолюдин одинаково сгорали в пламени азарта: «Здесь летят тысячи! Публика сгорает до самозабвения, забывая все и вся Бега, ипподром, тотализатор — вот одна из злоб дня Тюмени, которой интересуются все; бегами интересуются не только богатый класс нашего города, но и беднота, даже те, которые не в состоянии из своего скудного бюджета уделить 30–50 копеек, чтобы попасть на ипподром; эти любители лепятся на березах близлежащей рощи, влезают на забор, ограждающий круг Несмотря на довольно холодную погоду, грязь и грозивший дождь, на бег собралось очень много публики, так что почти все места были заняты Скачки прошли с большим оживлением, хотя вперед и трудно было определить, которая из 23 лошадей, записанных на бег, возьмет приз, но играли усиленно. Первый приз взял «Волосатый» П.А. Андреева, пройдя дистанцию в восемь

верст в 13 мин. $10\frac{1}{2}$ сек. Тотализатор выдавал на билет по 120 руб. После бегов оркестр исполнил народный гимн, и началась выдача призов. Тотализатор работал хорошо и, как мы слышали, получил прибыли до 900 рублей» (Сибирская торговая газета. 1897).

«Беговой сезон начался. Довлеет дневи злоба его Спортсмены, которых в Тюмени наберется очень много, взволнованы открытием сезона. Впереди предстоит целая серия бегов, тотализатор. Как тут не волноваться. Особенно когда вспомнишь о «тотошке»: тотошка — герой дня. О тотошке думают больше всего. Тотошку не любят только те, кто постоянно проигрывается. Но и ненавидя его, все-таки играют. Не могут отстать. Третьего дня был первый день бегов. Конечно, все спортсмены были в полном сборе. Звон тотализаторных рублей, маскарадные костюмы жокеев, ряд призовых столбов — все это наполняет елеем душу истинного спортсмена. Начинается бег. «Затаив дыхание», спортсмены смотрят за резвостью своих любимцев. А рубли продолжают стучать, не смолкая. Бегами интересуется не только достаточный класс, но даже и такие обыватели, которые не могут приобрести билет на галерку. Эти спортсмены влезают на деревья близлежащей рощи и оттуда наслаждаются бесплатно видами риста-

лиц. Хотя в «березовой роще» сидеть очень неудобно, но на такие пустяки из любви к спорту не обращается ровно никакого внимания. Должно быть, бывают иногда и аварии — близлежащие к ипподрому березы все обломаны. Охота пуще неволи» (Сибирская торговая газета. 1901).

Все и всегда любили и будут любить цирк. Правда, чтобы полюбить что-либо, это, по крайней мере один раз, нужно увидеть. Отдельные цирковые номера тюменцы могли лицезреть на праздничной площади в балаганах или на открытой сцене. Е.И. Расторгуев в своей брошюре «Посещение Сибири в 1837 году Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем» пишет, что выступление гимнастов («вольтижеров») тюменская публика впервые узрела в 1839 году. В конце XIX—начале XX вв. цирк уже прочно обосновался в Тюмени. Первым специальным помещением для демонстрации цирковых представлений стал «цирк-театр» Боровского: «21 августа в цирке-театре Боровского было дано первое представление prestидижитатора П.Г. Сафонова, привлекающее очень многочисленную публику. И немудрено — ловкие фокусники заглядывают сюда очень редко. Трудно что-нибудь сказать определенное по первому сеансу о фокусах г. Сазонова, большинство

его фокусов знакомо публике; в общем, он «работает» ловко, некоторые же фокусы новы и интересны. По всему вероятно, г. Сафонов лучшие свои номера приберегает к следующему сеансам. Живая картина «Слава России» удалась прекрасно. Следующий сеанс назначен на 24 августа» (Сибирская торговая газета. 1897).

Впрочем, представления могли по-прежнему устраиваться в балаганах Ярмарочной площади: «Столичный зверинец Этус. Ярмарочная площадь. Открыт ежедневно с 9 часов утра до 10 часов вечера. В первый раз в Тюмени. Редкая встреча в зверинцах. Неустранимый укротитель Франц Этус входит к шести друзьям, находящимся в одной клетке, а именно: два льва, волк, собака-дог и баран — и заставляет их покоряться его воле. На сцене большой театр обезьян при участии индийского слона. В представлении принимает участие семейство эквилибристов Нивекиных.

Представление на сцене и в клетках ежедневно в 6 и 8 часов. Кормление всех хищных зверей в 7 часов вечера, цена за вход: 1 место — 40 к., за барьером — 20 копеек. Дети до 10 лет платят половину. КATALOGI зверей — 10 к.» («Сибирская торговая газета», 1897).

Случались с циркачами и конфузы. Искусство это сложное и небезопасное: «На днях в зверинце Этус чуть было не ра-

зыгралась драма. Укротитель вошел в клетку льва, который почему-то был рассержен, и когда тот хотел было дотронуться до него палочкой, то лев с ревом кинулся на него и лапой ударил по руке, вырвав рукав и поранив сильно руку укротителя, последний немедленно выскочил из клетки. Лев был страшно разозлен и неистово потрясал клетку. Г. Этус объяснил это тем, что, по всему вероятно, кто-нибудь из публики бросил льву кусок мяса или сала. Случай этот очень напугал публику».

В 1903 г. на Ярмарочной площади появилось помещение, специально построенное для цирковых представлений товариществом Э. Строкай «летнего типа, стены деревянные под брезентовым куполом». Первое представление в этом цирке дали в июне 1903 года: «Публика много аплодировала всем исполнителям без различия. Лошади очень хорошо дрессированы, прекрасно дрессированы и собаки у китайца г. Чен-Мен-Чу, хороши и клоуны — «рыжий» и Легалов, смело ездит гротеск г. Говорин, ревнительно работает турник г. Зубрицкий» (Сибирская торговая газета. 1903).

Вообще зрелища предлагались самые разнообразные. Ничуть не менее разнообразные, чем сегодня. «На Царской улице против банкирской конторы Андреева открыт на короткое время с 10 часов утра и до 11

часов вечера самый большой музей и паноптикум П.И. Боува проездом из Москвы. 1000 новостей. Первый раз в Тюмени. Галерея великих людей мира. Этнография. Большое анатомическое отделение. Замечательно-эффектная панорама. Новость — изобретение Эдисона, чудо XIX столетия, успех во всем мире. Небывалая новость «Прекрасная галерея» (из мифологии). За вход только 30 к., дети до 10 лет 15 к., анатомический отд. 15 к.» (Сибирская торговая газета. 1901).

«14 мая тюменцам представился редкий случай послушать духовный концерт на колоколах. Концерт этот устраивает слепой звонарь Знаменской церкви Александр Костин, на знаменской временно устроенной колокольне. Начало в два часа дня. Концерт начинается гимном «Боже, царя храни», затем слепец-концертант исполнит «Славься, славься», «Достойно есть», «Взбранной воеводе» и молитву Господню. В заключение будет повторен гимн «Боже, царя храни» (Сибирская торговая газета. 1901).

«В начале будущей недели имеет быть мисс Аида Орсини «воздухоплавательница», которая на ипподроме тюменского общества охотников конского бега во вторник 22 июля даст свое представление. Перед полетом Орсини имеют быть состязания велосипедистов, борцов, скороходов и бегунов

на премии» (Сибирская торговая газета. 1897).

Впрочем, обещанное выступление «воздухоплавательницы» закончилось грандиозным скандалом: «К трем часам 22 июля на ипподром собралось очень много публики, но там не оказалось не только Орсини, но даже кассира; публика ждала до пяти часов, когда прибыл кассир. Начали выдавать билеты, сбор оказался довольно значительным несмотря на то, что многие не стали ждать и уехали. Выдали билеты, публика с нетерпением ждет полета, но оказалось, что деньги собрали, а никто из артистов на ипподром не является, сначала говорили, что надувают шар, но оказалось, что надували публику. Началось представление. Воздушного шара не было, корчагу с завязанными глазами разбивали долго, разбивший получил рубль. Далее бег на ходулях. Это окончательно надоело публике и она потребовала обратно деньги, тем более объявили, что полета не будет по какому-то капризу мисс. Вмешалась полиция и заставила возвратить деньги».

В конце XIX в. тюменцы знакомятся с «волшебным миром кино»: «В среду 22 октября в здании Тюменского реального училища будет демонстрироваться для учеников синемаграф» (Сибирская торговая газета. 1897).

К 1911 году в Тюмени было уже три «электротейатра»: «Модерн», «Вольдемар» и «Луч». Последний принадлежал тюменскому мешанину Иогану Генриховичу Шварц-Бергуи, располагался «в верхнем этаже» дома некоего Панкратьева на улице Царской.

Однако «властителем дум» в прошлом было не кино, а театр. Первое сценическое представление в Сибири отмечено в Тобольске в 1705 г.: «Мая 8 числа, в день Иоанна Богослова, в Тобольску, во время игранья комедии, возста с тучею буря жестокая и сломила над алтарем Соборной церкви крест, также и с Сергиевской церкви верх весь с маковицею и крестом. Подле оной церкви употребляли действие комедии []. В тот же час на звезде базарном сажени с три горы сползло с места глади», — сообщает летописец.

В Тобольске уже в конце XVIII в. существовал профессиональный театр и специальное помещение для него. Свои впечатления от тобольского театра того времени оставил некий Август-Фридрих-Фердинанд фон Коцебу, популярный в конце XVIII в. немецкий драматург и политический авантюрист. В 1800 году Коцебу предпринял поездку в Россию для свидания с родственниками. Император Павел I, «нерасположенный к Коцебу за либеральные мнения, высказанные им тогда в своих

сочинениях, и подозревая в нем политического агитатора», приказал арестовать его и отправить в ссылку в Сибирь. Так Коцебу попадает в Тобольск: «Из любопытства бывал я и в театре, который довольно велик и в нем один ряд лож. Каждая ложа принадлежала одному постоянному хозяину, который имеет право украшать ее по своему произволу, отчего получался самый пестрый вид. Шелковые, по большей части богатые материи всяких разных цветов висели у каждой ложи и покрывали совсем их. Внутри навешены стенные подсвечники с зеркалами. Все вместе имело вид самый азиатский, но при первом взгляде было казисто. Оркестр был несказанно плох. Актеры все были из ссыльных. В числе их была и супруга моего Росси, родом из Ревеля, которая за распутство сослана была в Сибирь, нашла моего Росси достойным себе мужем и теперь на тобольском театре играла роли благородных матерей. Декорация, гардероб, игра и голоса вообще не стоят никакой критики. Однажды играли оперу «Добрые солдаты». Название другой пьесы я позабыл. Оба раза я не мог пробыть дольше четверти часа. За вход же платят в первые места только 50 копеек».

В начале XX в. в Тюмени было два театральные здания, где ставились драматические спектакли — это театр Текутье-

ва и цирк-театр Боровского. Последнее заведение могла посетить не только чистая публика, но и «рабочий не стеснясь ни своих костюмов, ни своих кошелеков и чувствовать себя свободным». Настолько «свободным», что порой это было чревато опасностью как для здания цирка-театра, так и для самой публики: «Следовало бы усилить полицейский надзор на галерке в театре-цирке Боровского, так как там, несмотря на запрещения, не стеснясь, курят табак. При легкости и удобовоспламеняемости материала, из которого построено здание цирка, недолго и до катастрофы» (Сибирская торговая газета. 1897).

Заезжие небогатые труппы, как правило, арендовали помещение цирка-театра. Отсюда было и качество постановки, и игры актеров. «В воскресенье 13 июля в театре-цирке Боровского малороссийскою труппою была представлена драма в 6 действ Винницкого «Мазепа». Эта обстановочная пьеса прошла довольно вяло, декорации также не скрашивали игру, да от заезжей труппы и нельзя требовать хороших декораций и обстановки; цирк превращен в театр временно. Костюмы артистов не дурны, а на некоторых очень

эффектны, что не вяжется с простой обстановкой» (Сибирская торговая газета. 1897).

Впрочем, не следует думать, что театр Текутьева представлял собой идеальную сценическую площадку. Несмотря на свою внушительность — три этажа, театр Текутьева в начале XX в. также был далек от решения проблемы пожарной безопасности в полном объеме, имелись и другие проблемы самого тривиального свойства: «В оркестре налево есть дверь, из которой несетя отвратительный запах, доводящий буквально до дурноты. Неужели нельзя приделать хотя бы самый примитивный блок с гирей, чтобы хоть несколько устранить это неудобство» (Ермак. 1916).

Между тем театральная жизнь шла своим чередом: «В первый день нового года шла инсценировка по роману Сенкевича «Камо грядеши?». Пьеса эта уже давно не новая, но все же интересная, собрала гро-

мдную публику. Постановка была очень хорошая, костюмы, особенно у главных персонажей, роскошны, а у народа не всегда выдержаны. Исполнение нельзя назвать особенно стройным, хотя в главных ролях были лучшие силы и еще участвовал г. Вартминский. Любимец публики г. Легковский в роли Виниция был интересен только внешне — не чувствовалось той интенсивности, которая так ярка почти всегда у этого исполнителя. Г-жа Ленина в роли Эвники была совершенно деревянна и в сцене смерти Петрония не выразила никакого огорчения, а безучастно сидела, как кукла в витрине игрушечного магазина. Г. Вартминский был бы вполне хорош в роли Петрония, если бы внешность его подходила к облику, созданному автором, — это был хорошенький юноша современного типа, а не мыслитель, не интеллигент времени высшего расцвета человеческой мысли, не могущественный вельможа, смело бросающий дерзкие истины всемогущему Цезарю.

Очень хороша была в нежном облике Лигии г-жа Погонина. Хорош был в роли Хилона г. Голованов. Очень представительна была в маленькой роли Поннеи г-жа Шабельская, чему немало способствовал красивый и роскошный костюм. Г. Столяров в роли Нерона был бы хорош, если бы имел подходящую внешность. Урс —

г. Резанцев, был «по возможности» Урс.

Если не считать этих недостатков, то, в общем, спектакль был из лучших. Очень хороши были декорации пожара Рима. Г. Вартминскому был подарен адрес. Антракты были невыносимо длинны, спектакль закончился в час» («Ермак», 1916 г.).

Кстати, судя по сообщению некоего Г.Н. К-ского в «Сибирском наблюдателе» за 1902 год, в это время в Тюмени ставили пьесы и местных авторов. Правда, имени автора Г.Н. К-ский не сообщает, а название пьесы было «Заблудший сын».

Специфическим русским «развлечением» во все времена была и остается баня. Уже известный нам прусский почт-директор Вагнер описал устройство сибирской бани и сибирскую повадку мыться: «Русские обоюго пола имеют обыкновенные по средам и субботам посещать теплые купания. Купальные комнаты мужчин отделены от женских, и считают величайшим преступлением, если там, исключая супругов, один пол покажется в близости другого. Под предлогом, что я привык к этому, я испросил разрешения помыться таким образом. Каждый раз меня сопровождали два солдата, которые купались вместе со мной, а потом вели меня в мою комнату, где меня, как и раньше, строго охраняли. Но я и то был доволен, что получал при этом

случае возможность подышать свежим воздухом.

Так как не думаю, что этот вид купания уже общеизвестен, я опишу его здесь подробнее. Почти каждый горожанин имеет в своем доме баню. Она состоит из маленькой прихожей и комнаты, в которых находится сложенная из дикого камня печь. Эти камни так пригнаны друг к другу без извести, что верху сходятся в круглый свод. Брандмауер по всем правилам сложена из дикого камня. Недалеко от печи пол примерно на два фута приподнят и имеет наклон; примерно так, как в наших караульных помещениях, сделаны нары. У другой стороны стоит скамейка шириной в два фута. У входа в комнату стоят два сосуда с холодной водой, в которую бросают раскаленные камни, чтобы нагреть воду в них до такой степени, как это желательно моемуся. Топят так сильно, что при входе несмотря на то, что в стене вырезано четырехугольное отверстие с заслонкой, через которое выходит дым и жар, от жары можно упасть в обморок. Но несмотря на это, русские нагревают комнату еще больше и поступают при этом следующим образом. Они опускают связанный из березовых прутьев веник, на котором имеются еще все листья, в холодную воду и брызгают на раскаленную докрасна печь, чем вызывают пар горячий, как шипящая

вода. Потом голые они ложатся на возвышение у печи и секут себя веником, куда только могут попасть, так сильно, что все тело краснеет, как сваренный рак. Вслед за этим русский бежит к бочке с холодной водой и льет себе висящим на ней черпаком на голову. Потом он ложится на скамейку, обмазывает все тело белым мылом — черное мыло там совсем неизвестно — и отмывает его снова теплой водой. Зимой он выходит, несколько раз поваляется в снегу и, не вытираясь, одевается. Когда он возвращается в свою квартиру, он поворачивается к образам или изображениям святых, которые по всей России стоят в верхнем углу у окна против дверей, тремя пальцами трижды бьет крест перед грудью и говорит слова: Slavo. Tibe Gospodi.

Кажется, именно Вагнер заподозрил первым из иностранцев, что русские используют бани не только для помывки: «Я никогда не мог поверить, что эти бани у русских имеют своей целью только чистоту, хотя справедливо и то, что другой пол, особенно в Сибири, отличается большой чистоплотностью. Они, собственно говоря, кажутся, устроены для похоти. Как бы полиция ни смотрела за тем, чтобы препятствовать встрече обоих полов в банях, я все же обнаружил, что мужчины переодеваются в женское платье, проникая в женс-

кие бани, а женщины в мужской одежде в мужские. Они склонны к похоти и очень изобретательны в нахождении средств для ее удовлетворения, так что, судя по моему опыту и собранным по этому пункту известиям, никакая другая нация не может с ними в этом соперничать. Даже мужья и жены поддерживают брачные отношения едва ли в других местах, кроме бани, поскольку это купание, как они говорят, способствует плодородию...».

В конце XIX—начале XX вв. в Сибири появляются специализированные банные комплексы — торговые бани. Здесь были как общие помывочные отделения, так и отдельные номера: «Имею честь довести до сведения почтеннейшей публики, что мною открываются с 25 июля сего года каменные торговые бани с приличной обстановкой в VI участке гор. Тюмени, позади городской больницы. При банях будут продаваться разные прохладительные напитки. Иван Нестеров» (Сибирская торговая газета. 1897).

Торговые бани ночью служили ночлежками для городской рвани, для пьяниц, уже утративших человеческий облик: «В грязном трактире на краю города спозаранку ютится оборванный полуголый народ. Большинство из них ночевало в банях, некоторые, более опрятные, имели приют в ночлежном доме.

С утра содержатель трактира «Косой» (так звали этого мужчину завсегдаги за то, что он походил на зайца) был занят с своими посетителями. Стариков и старух нищих, которые каждый день приносили ему подаваемые рубашки, кофты, юбки и проч., он опохмелял, иначе они не могли с канунного запоя двинуться за милостыней; жиганов, известных своей удалью и постоянной добычей с базара, он также считал своим долгом опохмелить для храбрости. Остальные завсегдаги так по целым дням просиживали в трактире и не изгонялись вон потому, что сиделец и в них видел пользу: они «вызыванивали» у входящих в трактир зажиточных людей рюмки и шкалики и тем, несомненно, приносили доход хозяину.

— С барином мы после выпьем, — говорил в одно морозное утро рослый жиган, подходя нетвердой походкой к Петрову и подавая ему стакан водки

Петров, не зная куда ему деваться, дня три-четыре тому назад зашел в этот трактир и, мучимый голодом, променял здесь свою единственную пиджачную пару на какие-то ветхие лохмотья. За это его накормили щами и угостили водкой с этих пор он ежедневно сидит в трактире у «Косого», а на ночь уходит ночевать в торговую баню с одним из жиганов, ко-

торый помог ему променять пиджачную пару».

Но это уже полностью опустившиеся пьяницы-профессионалы, а на любительском уровне пьянство было едва ли не излюбленным занятием сибиряков, когда к тому представлялась возможность: «Посмотрим теперь, что делает в праздник обыватель менее культурный, рабочий и мастеровой, например обыватель Тычковки. Этот обыватель считает своим священным долгом в праздник «нализаться», говоря их же языком. И притом не просто «нализаться», по «обнаковенному», а по-праздничному — «до положения риз», до зеленого змея, до белых слонов. Иначе и праздник не в праздник. Нализавшись, ему необходимо еще «покуражиться» — что же и за пьянство без куражу? Если он в состоянии прийти домой, то «кураж» проявляется дома и состоит в расписывании всех находящихся под рукой физиономий — «фресками и арабесками». Эту семейную драму не надо и описывать, всем известно, как «куражится» наш простолюдин. Сколько горя, сколько слез приносит каждый праздник семье такого любителя «фресок и арабесок» Те же, которые «налижутся» до того, что не в состоянии даже и куражиться, выбирают укромный уголок и изображают из себя «мертвые тела». Тяжела ты, шапка Мо-

номаха. Велосипедисты, шныряющие вечером на своих самокатах, объезжая эти «мертвые тела», изображающие из себя «бывших людей», мурлыкают из «Руслана и Людмилы»: «О, поле, кто тебя украсил мертвыми костями» (Сибирская торговая газета. 1901).

Или вот еще одна зарисовка с натуры: «Пароходская улица, изобилующая кабаками, и днем, и ночью оглашается пьяными голосами шпаны, ссорящейся между собою и со всеми проходящими... Излюбленным местом таких собраний является трактир «Россия» Вокруг сего злачного места на скамье, тротуарах и просто на земле восседают и возлежат рыцари без страха и сапог, чиня всевозможные безобразия. «Матерщина» висит в воздухе, песенка скабрезного содержания так и режет слух обывателей и прохожих» (Сибирская торговая газета. 1898).

Пить тюменские простолюдины начинали рано с тем, чтобы к зрелым годам приобрести должную закалку и не мучиться ощущением впустую прошедшей юности: «На днях близ моста ж/д жандармским унтер-офицером был подобран в бесчувственном состоянии от чрезмерной выпивки 15-летний мальчик Буторин» (Сибирская торговая газета. 1898).

Беспробудное пьянство вело к трагедиям. Пьяница прежде всего угрожал своему

собственному здоровью и даже жизни: «Вчера днем из кузницы М-ва был замечен идущий человек, на котором левая половина пиджака горела огнем; человек был пьяный и ничего не замечал. Кузнецы выбежали и залили горевшего человека, который оказался Василием В-ном. Он был значительно пьян и не замечал, что горит. Почти вся левая сторона пиджака сгорела, тело местами сильно обуглилось и отстало. В-н ничего не понимал» (Сибирская торговая газета. 1898).

А после каждого праздника город подводил печальные итоги пьяных побоищ: «Три дня праздников св. Троицы не обошлись в нашем городе по обыкновению без криминалии. Было совершено несколько драк, причем в ход пускались ножи, топоры и другое оружие. Последствием всего этого было то, что несколько человек было отправлено в городскую больницу на излечение» (Сибирская торговая газета. 1901).

Порой на почве пьянства происходили настоящие сражения между пьяницами-дебоширами и полицейскими чинами, пытавшимися призвать их к порядку: «А у нас все происшествия буйного характера. Так, в ночь на 5 июля, когда полицейский надзиратель 6-го участка г. Тихов со стражниками и караульными делал обход кирпичных сараев и успел разогнать уже две или три пья-

ные компании, при возвращении из-за угла в него кто-то выстрелил; первый выстрел пролетел над головой, г. Тихов и стражники не потеряли самообладания и побежали по направлению раздавшегося выстрела, не успели пробежать и нескольких шагов, как вновь раздался один за другим ряд выстрелов. Полицейский надзиратель оказался тяжело раненым из дробовика в живот и правую руку, один из стражников — в спину, и еще одному несколько дробинок врезалось в щеку; остальные стражники и караульные видят, что дело плохо, прибегли к оружию. Завязалась отчаянная канонада, с обеих сторон было сделано не менее сорока выстрелов. В городе и прилегающих к кирпичным сараям казармах местной команды не на шутку переполошились. Солдаты по тревоге все были разбужены и тотчас же отправлены патрули для выяснения «положения противника» «неприятель» оказался неподалеку и, расстреляв все наличные запасы пороха и дроби, сдался «в плен». Сюда же подоспели откуда-то ломовые извозчики, на телеги которых уложили «жертв боя» и отправили в больницу. Как и надо было ожидать, затеяли всю эту историю дебоширы-завсегдатаи, гроза не только мирных обывателей, но и полицейских чинов. Арестовали их и препроводили в ка-

талажную камеру, где продержали несколько дней, а затем они были выпущены на свободу под поручительство» (Сибирский наблюдатель. 1907).

Но, может быть, пьянство было занятием, свойственным только простолюдинам? Да нет, чистая публика с не меньшим рвением приносила жертвы Бахусу. Тон задавали «высшие власти». Еще во времена Д.И. Чичерина пьяный разгул губернских чиновников не знал никакого удержу: «Чичеринский полицеймейстер ездил по городу не иначе, как с бутылкой шампанского в руках и двумя трубами на крыльях дрожек, причем трубачи трубили на весь город в знак того, что полицеймейстер веселится. Тогдашние власти собирались несколько раз в лето в здешний городской сад, известный под именем прокурорского, или в палатку полкового командира; в первом случае, когда пиршество происходило в саду, то запирались с большим запасом вина и женщин в многочисленные гrotы, нарочно для этого устроенные, и не выходили оттуда по неделям, между тем как музыканты, разумеется, меняясь, не умолкали ни день, ни ночь. То же самое делалось и в палатке полкового командира с той раз-

ницею, что к увеселениям прибавлялись военные забавы, то есть стрельба из ружей и пушек».

Некий В.И. Вагин, вспоминая об Иркутске 1840-х годов, писал, что кутежам, продолжавшимся иногда сутками, предавались чаще всего «образованные и почтенные люди», например, советники губернского управления; «они создавали специальные кружки, преданные картежной игре, и посвящали ей все свое свободное время».

За начальством тянулись чиновники рангом пониже и чиновничья молодежь. Так, декабрист М.А. Фонвизин по просьбе одного из знакомых принимал участие в судьбе его сына, служившего в Тобольске. В письме к И.И. Пушкину он сообщал: «По собранным сведениям, молодой человек точно погуливает: общество, в котором он живет, не отличается нравственностью очень любит тенериф — напиток, употреб-

ляемый канцелярскими, которые еще не унизились до посещения питейных домов».

А вот описание типичного танцевального вечера для «чистой публики» в Тюмени начала XX века: «С девяти часов вечера в вокзале был дивертисмент, а после него танцы. Танцы начались довольно оживленно, но после двух-трех танцев танцующие стали заметно убывать. Некоторые разъезжались, а некоторые, почувствовав «желудочное трясение», пробивались к буфету, где согласно афише назначены были «цены обыкновенные». Буфет — это место, где все крайности сходятся. Когда же возлияния в этом злачном месте делаются «с благотворительной целью» и в поощрение отечественной промышленности, то напрасно и «волтерьянцы» твою Под упоительные звуки вальса гости выпивали, и большинство их было в самом наилучшем настроении, а у некоторых обнаружилось даже и «отсутствие всякого присутствия» («Сибирская торговая газета», 1901).

Пили! Да и как было не пить, если, как и сегодня, пьянство одним доставляло доходы другим. И тон здесь задавало государство. Первый сибирский кабак был открыт в Верхотурье, да и сам город строился на деньги от кабацких сборов города Чердыни. В 1612 году кабак открыт в То-

больске, а к концу XVII в. кабаки были уже во всех сибирских городах и, как правило, казенные. К концу XVIII в. кабаков («питейных домов») было в Тобольске двадцать, в Ишиме три, в Кургане один, в Ялуторовске два, в Туринске четыре, в Березове два, в Нарыме три. К середине XIX в. в Тобольской губернии насчитывалось 74 питейных заведения. В 1898 г. только в Тюмени действовало 48 питейных заведений «и ренских погребов с распивочной продажей два». В 1902 г. в связи с введением «казенной винной монополии» количество злачных мест было сокращено. В Тюмени, например, осталось только три буфета и три трактира. Городская Дума по этому поводу сокрушалась, предвидя падение городских сборов. Но и в казенных кабаках меньше сибиряки пить не стали. В 1906 г. в Сибири выпили 6046000 ведер водки, в 1907 г. — 5936000, в 1909 г. — 6403000, в 1912 — 6546000 ведер. Сибирь пила больше, чем европейская часть страны. Здесь в пятилетие — 1904—1908 гг. — на душу населения пропивалось 27 р. 47 к. в год, а в России соответственно только 12 р. 67 к. На этом мрачном фоне одиноко звучали голоса поборников народной трезвости: «Страна — почти без школ, без медицинской помощи, без дорог — залита водкой. Нужно одуматься!».

Литература

Абрамов Н. Город Тюмень // Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998.

Ермак. 1916.

Зинкер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII—начала XIX в. Новосибирск, 1974.

Куприянов А.И. Общественные праздники в Омске в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII—начало XX в. Новосибирск, 1985.

Лейферт А.В. Балаганы. Пг., 1922.

Маркова И.Б. Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII—начало XX в. Новосибирск, 1985.

Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII—начало XX века. Л., 1984.

О распорядках Чичерина в Тобольске (сорок архивных документов с предисловием действительного члена Тобольского губернского статистического комитета Е.В. Кузнецова) // Лукич. 1999. № 1.

Расторгуев Е.И. Посещение Сибири в 1837 году Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем // Лукич. 1999. № 6.

Русские: народная культура (история и современность). Т. 4. Общественный быт. Праздничная культура. М., 2000.

Сибирская торговая газета. 1897; 1901; 1903; 1904; 1906.

Сибирский наблюдатель. 1902; 1907.

Словицов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.

Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1979.

Щеглов И. Народ и театр. Спб., 1911.

*Обязательные для местных жителей постановления городских дум Тобольской губернии**

Тобольской городской Думы

О санитарных мерах

31 мая 1879 г.

§ 1. Воспрещается выбрасывать или свозить на улицы мусор, щепы и вообще сор и нечистоты, а равно в зимнее время вывозить на улицы снег со дворов.

§ 2. Летом мостовые должны быть очищаемы от накапливающегося на них навоза и в течение недели должны быть выметаемы один раз, именно в субботу вечером, не ранее восьми часов, а зимою тротуары должны быть очищаемы от снега во всю ширину их; образующиеся на дорогах ухабы от езды или наноса снега во время вьюги должны быть заравниваемы; весною сначала до конца таяния снега навоз, накапливающийся на улицах в течение зимы, должен счищаться в особые кучи, дабы навоз этот не мог попасть под мос-

товую и, перегнивая там, заражать воздух.

§ 3. Запрещается складывать на улицах и тротуарах материалы для построек.

§ 4. Колодцы должны устраиваться как можно дальше от помойных и выгребных ям и никак не ближе четырех сажен; колодцы должны иметь прочную оградку вышиною в $1\frac{1}{2}$ аршина и от времени до времени должны быть очищаемы; около колодцев строго воспрещается сваливать навоз и другие нечистоты.

§ 5. Запрещается мусор, навоз и другие нечистоты сваливать в реки, речки и в овраги, а равно запрещается сваливать нечистоты из отхожих мест и помойных ям на берега реки, речек и оврагов.

§ 6. Дворы при домах должны всегда содержаться в чис-

* Печатается по: Календарь Тобольской губернии на 1890 г. С. 155–178.

тоте; навоз должен сгребаться в стороне двора в одну кучу, а помой и сор должны всегда убираться в особо устроенные помойные ямы.

§ 7. Помойные ямы должны быть обшиты внутри досками и иметь деревянное дно, а сверху закрываться досками.

§ 8. Впредь до издания городской Думою особых правил об устройстве ретиральных мест выгребные ямы существующих ретиральных мест должны плотно закрываться крышками.

§ 9. Помойные и выгребные ямы должны очищаться по мере накопления нечистот.

§ 10. Нечистоты из выгребных и помойных ям должны быть вывозимы по ночам с двух до шести часов утра, и притом в закрытых бочках, и сваливаться за городом на указанных городской управою местах; накопившийся на улицах и во дворах навоз должен быть также вывозим за город на указанные городской управою места.

Примечание. 1) Полиция наблюдает, чтобы чернорабочие, занимающиеся вывозкой нечистот из помойных и выгребных ям, имели для сего непременно закрывающиеся бочки.

2) На основании постановления Тобольской городской Думы 15 апреля 1876 года для своза нечистот отведены следующие местности, именно: для подгорных жителей для своза назма и мусора — местность за старыми мучными лавками

и на задах дома Кузнецова до дома Неволлина; для своза экскрементов, т.е. нечистот из выгребных и помойных ям, — местность в подслюзном предместье ниже городской скотобойни; нагорные же жители все вообще нечистоты должны отвозить в «глубокий буерак».

§ 11. Запрещается спускать нечистоты из помойных и выгребных ям в реки, речки, овраги и канавы.

§ 12. На речках внутри города запрещается устраивать плотины без разрешения и указания городской управы.

§ 13. Запрещается выпускать на улицы скот как крупный, так и мелкий.

§ 14. Запрещается домовладельцам устраивать при своих дворах бойни, а равно колоть во дворах мелкий скот.

§ 15. В мясных лавках полки, скамьи и другие принадлежности должны быть содержимы в опрятности; мясо должно быть накрыто чистыми холщовыми покрывалами. В одном помещении с мясом разрешается торговля дичью, маслом, салом и зеленью, но с тем, чтобы продукты эти хранились отдельно один от другого. Но в мясных лавках и вообще во всяких других торговых помещениях и около них строго воспрещается держать или складывать невыделанные кожи.

§ 16. Запрещается раскладывать мясо, дичь и рыбу на земле; боты же и лодки, столы

и лотки, с которых продается рыба, должны быть содержимы в чистоте.

§ 17. Запрещается продажа мяса скота палого или убитого в такое время, когда он находился в болезненном состоянии; запрещается также наддувать мясо с тем, чтобы придать ему лучший вид.

§ 18. Продавцам квасу воспрещается держать оный в бочонках с медными кранами, а если квас продается в кадках, то последние должны содер-

жаться в постоянной чистоте и опрятности.

§ 19. Запрещается производить торговлю съестными припасами, кондитерскими и другими, тому подобными изделиями в одном помещении с москательным ядовитым товаром.

§ 20. Запрещается в реках и речках, выше и в пределах города мочить кожи, лен, коноплю, полоскать крашенные изделия, а равно запрещается мыть белья с тех плотов, откуда берется вода для питья.

О противопожарных мерах и порядке отбывания карцулов

31 мая 1879 г. (Утв. губерн. по город. дел.
присут. 30 июня 1879 г.)

§ 1. При устройстве крыш запрещается употреблять сколье, сено и солому.

§ 2. Домовладельцы обязаны наблюдать, чтобы дымовые трубы в домах их были в постоянной исправности и вычищаются по крайней мере один раз в месяц; самые же трубы должны выводиться над крышей не менее $1\frac{1}{2}$ аршина.

§ 3. Запрещается высыпать под крыши домов и других строений и вообще в опасных местах горячую и теплую золу, вынимаемую из печей.

§ 4. Курение сигарет, папирос и трубок строго воспрещается как на улицах, так и конюшнях, чердаках, сеновалах и тому подобных опасных местах.

§ 5. Керосин должен храниться при лавках в каменных кладовых со сводами и с железной крышей, без деревянных полов, а с каменными или земляными. В лавках же для розничной продажи дозволяется иметь керосина от одного до трех пудов и держать его не в стеклянной или глиняной, а непременно в металлической посуде, которая при том всегда должна устанавливаться на железный таз.

§ 6. Во дворах бочек из-под спирта, керосина, смолы, дегтя и других легко воспламеняющихся веществ не складывать; сено и солому для домашнего употребления складывать во дворах не иначе, как под плотную крышей.

§ 7. Содержать при домах склады сена с промышленною целью воспрещается, а места для этого отводятся по указанию городской управы.

§ 8. Воспрещается иметь склады смолы, дегтя вообще в торговых рядах и помещениях, а торгующие оными обязываются иметь для торговли смолы и дегтем от 5 до 10 ведер, которые, т.е. бочонки, держать при том на телегах; освободившиеся же от этих веществ бочки и бочонки вблизи торговых помещений не держать, а отвозить в безопасные места.

§ 9. Места для складов смолы, дегтя и вообще для легко воспламеняющихся веществ отводятся по указанию городской управы.

§ 10. Торговля фосфорными спичками в лавках, лавочках и вообще в торговых помещениях должна быть произведена не иначе, как из железных ящиков, в которых они и должны постоянно содержаться и выставляться покупателям на показ; раскладывать же такие спички в особых пачках по полкам среди прочих товаров воспрещается.

§ 11. Домовладельцы обязаны иметь в каждой улице при существующем распределении участков ночных десяточных караульных, которые должны содержать караул с 1 октября по 1 апреля с семи часов вечера до шести часов утра, а с 1 апреля по 1 октября — с 9 часов вечера до пяти часов утра.

§ 12. Обязанность содержать караулы относится ко всем без исключения обывателям города, какого бы звания и ведомства они ни были, имеющим в городе недвижимую собственность или занимающим таковую из найма на правах хозяина.

§ 13. В каждом участке должен быть староста, избираемый обывателями участка и утверждаемый в должности городской управой; на обязанности старосты лежит общее наблюдение за исправностью караула в участке.

§ 14. Люди моложе 17 лет от роду и дряхлые старики в участковые караульные по найму не допускаются.

§ 15. Ночные караульные нанимаются при обоюдном согласии или рекомендации участкового старосты и местной частной полицейской управы.

§ 16. Сделанная обывателями участка раскладка на вознаграждение караульного должна быть для них обязательною.

§ 17. Ночные караульные снабжаются из местной полицейской части расчетными книжками, заготавливаемыми городской управой, в которых означаются: звание, имя, отчество и фамилия караульного, количество назначенного ему содержания, звания и фамилии домовладельцев и отметка о времени уплаты жалованья караульному; жалование караульному, при безукоризненности его службы, должно быть уплачиваемо домовладельцами без

малейшего задержания и обязательно в течение первых трех дней вновь наступившего месяца за таковой же истекший.

О порядке отправления в городе извозного промысла

15 февраля 1880 г., утверж. губ. по город. дел. присут.

§ 1. В городе назначается для бирж 8 пунктов, на которых должны находиться извозчики:

- 1) На площади против тюремного замка.
- 2) На углу Кузнечной улицы, около Кокуя.
- 3) Около Богородского моста.
- 4) Против Захарьевской церкви.
- 5) Против Собрании.

Для ломовых извозчиков:

- 1) Около Богородского моста.
- 2) Против Захарьевской церкви.
- 3) На мучном базаре.

§ 2. Желающие заниматься извозным промыслом представляют в городскую управу удостоверение полицейского управления в том, что со стороны полиции не встречается препятствий к разрешению им заниматься извозничеством, вносят установленную плату и получают свидетельства и жестяной ярлык с выбитым на нем номером, затем являются в городское полицейское управление, где предъявляют паспорта тех лиц, которые будут ездить, и получают бесплатно второй экземпляр жестяного ярлыка с тем же номером, который прибавляется на экипаж.

Примечание. 1) Хозяева в случае перемены работников обязаны немедленно предъявлять в полицейское управление паспорта новых работников.

2) Ярлыки изготовляются городской управою в двух экземплярах: один выдается извозчикам, а другой присылается в полицейское управление.

§ 3. К занятию извозным промыслом допускаются лица не моложе 17 лет. Хозяевам, под опасением потери права на извозный промысел, запрещается нанимать в работники лиц нетрезвого поведения и пользующихся дурною репутациею, а также и наказанных в Сибири по суду за кражу или буйство.

Примечание. По требованию полицеймейстера хозяин обязан немедленно переменить работника.

§ 4. Экипажи должны быть прочны и содержимы в исправности; одежда извозчиков должна быть не изорвана и вообще приличная. Экипажи свидетельствуются по распоряжению полицеймейстера, и если окажутся неисправными или ветхими, то задерживаются и в езду допускаются не прежде, как по их исправлении. Если же от непрочности экипажа произойдет несчастие с седоком, то хозяин того

экипажа подвергается взысканию на основании 129 статьи устава о наказаниях, налаг. мир. суд.

§ 5. Извозчики обязаны один ярлык носить на спине сверх кафтана, а другой прибить: на летнем экипаже — на переднее левое крыло, а на зимнем — на левой стороне переднего щитка (передка).

§ 6. Извозчики не должны оставлять лошадей без присмотра и не должны толпиться у подъездов трактирных заведений и питейных домов, а также останавливаться среди улиц.

§ 7. Подавать экипажи должны тихо, *по очереди*, а не скакать в перегонку; при езде держаться правой стороны; езда должна быть умеренно-скорая и осмотрительная; обгонять экипажи, когда от этого происходит стеснение, воспрещается. За неосмотрительную и непомерно скорую езду извозчики подвергаются взысканию на основании 123 статьи устава о наказаниях, налаг. мир. суд.

Примечание. Седок не лишается права, по своему усмотрению, требовать с биржи извозчика и неочередного.

§ 8. У клубов и вообще в местах большого съезда экипажей извозчики должны останавливаться по указанию чинов полиции; в случае ослушания виновные подвергаются взысканию по 30 статье уст. о нак., налаг. мир. суд.

§ 9. Извозчики должны быть трезвы и не надоедать проходящим предложением своих услуг, а также насмехаться над проходящими, кричать, свис-

тать и вообще нарушать общественный порядок и тишину; виновные в сем подвергаются взысканию на основании 39 статьи устава о наказаниях, налагаемых мир. суд.

§ 10. Вещи, оставленные седоками, извозчики обязаны немедленно представлять в ближайшую часть за неисполнение сего и присвоение оставленного виновные подвергаются взысканию по 178 статье устава о наказ. налаг. мир. суд.

§ 11. По требованию полицейских чинов, а также полицейских служителей извозчики обязаны бесплатно везти поднятых на улице заболевших, ушибленных, пьяных, скоропостижно умерших и т.п. Равным образом извозчики обязаны бесплатно везти полицейских чиновников и служителей, преследующих воров, грабителей и других подозрительных личностей, бегущих в виду преследующих их полицейских чиновников и служителей.

§ 12. Надзор за извозчиками на каждой бирже возлагается на биржевого старосту, избранного ими из своей среды, и которого они должны слушаться; кто будет избран старостою — должно быть заявлено полицейскому управлению и городской управе.

§ 13. За езду извозчики получают плату *в час по 20 коп.* и за конец по нагорной и по подгорной частям города, кроме Подчувашинского предместья,

по 10 коп., а за конец из подгорной в нагорную часть — по 15 коп.; весной и осенью, с 15 марта по 1 мая и с 1 августа по 1 ноября, плата увеличивается за один конец на 5 коп. и за час на 5 коп.

Примечание. 1) Летом от паромных пристаней во все места подгорной части извозчики получают по 30 коп. и во все места нагорной части города по 40 коп.

2) Извозчики в тележках и пошевнях (ломовые) получают плату ниже легковых на 5 коп. в час и на 5 коп. за один конец. За перевозку тяжестей ломовые извозчики получают плату по взаимному с кладчиком соглашению.

3) Если извозчик нанимается для катания, то плата назначается по взаимному со-

глашению с нанимателем; равно назначается плата по взаимному соглашению с нанимателем в первый день Рождества Христова и Пасхи, и в Новый год.

§ 14. Лицам, занимающимся извозным промыслом (хозяевам), замеченным три раза в неисполнении настоящих правил, полицеймейстер имеет право запретить занятие этим промыслом и отобрать от них выданные им из городской управы свидетельства, которые и возвращают в управу.

§ 15. Правила эти каждый извозчик обязан иметь при себе.

§ 16. Виновные в неисполнении правил, изложенных в §§ 2, 3, 5, 6, 11, 12, 13 и 16, подвергаются взысканиям на основании 29 статьи устава о наказаниях, налаг. мир. суд.

О фонарях около питейных заведений

4 ноября 1884 г. (Утвержд. губ. по гор. дел. присут. 1 декабря того же года)

Содержатели питейных заведений в г. Тобольске должны иметь у входа в их заведения по одному фонарю по образцу употребляемых для освещения городских улиц, и за-

жигать в этих фонарях огонь ежедневно с наступлением сумерек и погашать не ранее прекращения в этих заведениях торговли спиртными напитками.

О мерах против сапа и других болезней животных

12 апреля 1885 г. (Утвержд. губ. по гор. дел. присут. 1 мая того же года)

§ 1. Воспрещается продажа лошадей, имеющих сап, обнаруживающийся истечением слизи из носовой полости, опухолью подчелюстной железы,

или же присутствием холодных опухолей, желваков и язв на различных частях тела.

§ 2. Воспрещается владельцам употребление лошадей,

имеющих указанные признаки болезни.

§ 3. Трупы лошадей, имевших при жизни вышеобъясненные признаки, непременно должны быть зарываемы или сожигаемы вместе с кожами. Строжайше воспрещается снимать кожи с лошадей, павших от этой болезни.

§ 4. Все владельцы лошадей должны объявлять полиции и ветеринару о появлении на лошадях признаков болезни, указанных в первом пункте, для производства тщательного ветеринарно-полицейского освидетельствования таких животных.

§ 5. Если при ветеринарно-полицейском осмотре у лошади обнаружены будут несомненные признаки сапа (носового или кожного), то такую лошадь, как неизлечимую и опасную для других животных и людей (если не последует согласия владельца на немедленное убиение ее), он, владелец, обязывается держать в отдельном помещении, из которого она не может быть выводима впредь до падежа (из циркуляра МВД от 25 января 1884 г. № 120).

Примечание. 1) Затем, за обязательно убиваемых животных, о заболевании которых будет сделано хозяевами *первых трех случаев* заболевания своевременное заявление полиции или ветеринарному врачу, Тобольское городское полицейское управление выдает таким хозяевам вознаграждение из городских сумм

в размере половинной стоимости заболевшего животного.

§ 6. Безусловно, воспрещается при сибирской язве, овецкой и коровьей оспе и чуме рогатого скота употребление всех продуктов животных, как для обработки их, так равно и в пищу. При жемчужной болезни (легочной чахотке) и трихинозе, если владельцы таких животных пожелали бы употребить продукты последних исключительно для обработки, то это разрешается им не иначе, как по свидетельству врача.

§ 7. При чуме рогатого скота и вообще при появлении повальных болезней в городе владельцы обязываются заболевших немедленно разобачить от здоровых животных и о появлении болезни давать знать полиции (из «Основных правил» состоящего при МВД Ветеринарного комитета 1882 г.).

§ 8. Запрещается жителям города покупать скот в селениях и степных участках, где существует повальная болезнь, а равно и наоборот, т.е. если бы появилась в городе эпизоотия, воспрещается отсюда выгон скота в селения. При покупке животных владельцы обязываются требовать от продавцов надлежащий, засвидетельствованный полицией документ, что покупаемое животное из места благополучного, т.е. свободного от эпизоотии.

§ 9. Подобные же удовлетворения должны предъявлять ветеринарному врачу и лица,

занимающиеся убоем скота, перед свидетельством последнего.

§ 10. Занимающиеся кожевненным делом также обязываются на покупаемый ими товар иметь всегда надлежащее санитарное свидетельство.

§ 11. При появлении в городе чумы рогатого скота и других повальных болезней жители обязываются павших животных отвозить на свои средства к местам, отведенным для сего городом, где таких животных зарывают в ямы глубиною три аршина, содержимые городским общественным управлением караульные; причем всякому строго воспрещается снимать кожи с палого скота, для чего перед зарыванием его в землю городские караульные должны изрезать все покровы так, чтобы никакого употребления из них

сделать было нельзя (т. XIII Св. Зак. ст. 1724—1728).

§ 12. Вывозя павшее животное, смотреть, чтобы истекающие из трупа животного жидкости не падали на дороге, и зарывать в ямы вместе с павшими животными и подстилку, на которой оно лежало.

§ 13. Для предупреждения бешенства собак не позволяется травить их другими собаками, дразнить их, жестоко с ними обращаться и вообще делать все то, что может приводить их в ярость. Собак злых владельцы обязываются держать на привязи или надевать на них намордники.

§ 14. Если собака взбесилась, владелец обязывается немедленно доводить об этом до сведения полиции и ветеринарного врача для принятия с их стороны соответствующих мер.

О воспрещении торговли в воскресные и праздничные дни

3 ноября 1888 г. (Утверж. губ. по город. дел.
присут. 4 января 1889 г. за № 2)

§ 1. Воспрещается производить торговлю из всех торговых помещений, находящихся на базарах с мануфактурными, колониальными, галантерейными и мелочными товарами, в воскресные и двенадесятые праздники: с 1 октября по 1 мая — с 5 часов утра до 6 часов вечера и с 1 мая по 1 сентября — с 5 часов утра до 8 часов вечера, а в высокатор-

жественные царские праздники — с 5 часов утра и до 12 часов дня.

§ 2. Торговля же из лавок рыбных, мясных и хлебных воспрещается в помянутые в § 1 сих постановлений дни с 1 мая по 1 сентября с 9 часов утра до 5 часов вечера и с 1 сентября по 1 мая — с 9 часов утра до 5 часов вечера; но не воспрещается торговля из этих помеще-

ний во время прихода срочных лавочек и торговых помещений пароходов. при домах воспрещается с 9 часов утра и до 3 часов дня.

§ 3. Торговля из мелочных часов утра и до 3 часов дня.

О воспрещении прасолам скупать сельские продукты ранее первого часа дня и вне базарных площадей

30 января 1889 г. (Утв. губерн. по город. дел. присут. 15 февраля того же года)

§ 1. Воспрещается всем торговцам и прасолам скупать до первого часа дня, т.е. до полудня, оптом привозимые на существующие в Тобольске базары всякого рода предметы продовольствия, как то: муку, мясо, рыбу, овес, сено, солому и всякого рода овощи.

§ 2. Воспрещается совершенно производить торговлю перечисленными в § 1 предметами продовольствия и сельскими произведениями вне городских базарных площадей и скупать таковые во время подвоза их в город на базары, за городом, в улицах и на постоянных дворах.

Тюменской городской Думы

О санитарных мерах

4 августа 1879 г. (Утвержд. губ. по город. дел. присут.)

§ 1. Каждый домовладелец обязан двор, конюшни, хлеба и прилегающие к его месту канавы содержать в постоянной чистоте и опрятности. Накопившийся против каждого дома на улицах мусор подметать каждую неделю по субботам и увозить на указанные места.

§ 2. Навоз, помои и другие нечистоты по мере накопления их вывозить из двора на отведенные для того места; сваливать же эти нечистоты и снег внутри города — на реку или в лога — положительно воспрещается.

§ 3. Воспрещается выливать на улицу или в канавы, находящиеся под тротуарами, помои, а также выбрасывать какие-либо нечистоты, а равно и павших домашних животных, как то: собак, кошек, куриц и проч.

§ 4. Помойные ямы должны быть устроены особо внутри двора, содержаться постоянно закрытыми, а вычищать их обязательно не менее одного раза в неделю; ямы эти ни в каком случае не должны иметь выхода на улицу.

§ 5. Ретирадные места содержать в чистоте и опрятности, избегая того, чтобы ретирадные ящики и ямы не переполнялись нечистотами, которые вывозить утром рано или вечером поздно в указанные места непременно в закрытых помещениях. Для уничтожения зловония необходимо обмазывать стенки ретирадных ящиков дегтем, в самые же ящики вливать раствор железного купороса и засыпать отхожие ямы сухой землей, смешанною с углем или золою.

§ 6. В училищах, постоялых дворах, гостиницах, клубах и вообще во всех тех местах, где живет много народу, должны быть обязательно устроены отхожие ямы и поставлены бочки или чаны на ходу для помоев; в ретирадные места должно вливать два раза в неделю раствор железного купороса, и самые нечистоты должны быть ежемесячно вывозимы; бочки же вывозить по мере накопления сих последних помоями. Кроме того, в упомянутых в этом пункте местах должен постоянно находиться в запасе железный купорос в количестве от 10 до 20 фунтов.

§ 7. В предупреждение развития заразы на рогатый скот необходимо как можно более заботиться о чистоте коровьих хлевов, тщательно вымывать стены и полы их, особенно тех, где в предшествовавшие годы были случаи чумы; стены и двери мазать дегтем. Но при пер-

вых признаках заболевания скота хозяин обязан тотчас же, отделив больную скотину от здоровой, немедленно сообщить о сем городской управе или полиции. Павших животных, нечистоту от них, помет и подстилку немедленно вывозить из города и зарывать в указанных городской управою местах.

§ 8. Мойка шерсти на реке Туре внутри города, безусловно, воспрещается; а мойка эта должна производиться ниже жилых строений по течению воды.

§ 9. Мытье белья должно производиться на плотках ниже того места по течению, где берут воду. Купанье и мытье животных в тех местах, где берут воду, воспрещается.

§ 10. Безусловно, воспрещается останавливаться близ водокачки и плотов, где черпают воду для питья, баркам и каюкам с различными припасами, как, например, с соленою рыбой.

§ 11. Бойку крупного и мелкого скота, по освидетельствовании его, производить непременно в устроенных для сей цели за городом городских бойнях, но отнюдь не при домах или мясных лавках.

§ 12. Лавки и полки, на которых производится продажа мяса и рыбы, иметь всегда в чистоте и опрятности; мясо от жара, пыли и мух покрывать чистыми холщовыми пологами, и чтобы торговцы мясом и их прислуга всегда имели на себе чистые фартуки. Колодки и сту-

ля для рубки мяса, предварительно продажи, должны быть очищены и вымыты.

§ 13. Воспрещается продажа на рынке и в городе недоброкачественных и попортившихся мяса, рыбы, овощей и прочих съестных продуктов, а также недопеченного хлеба и попортившихся кваса и других напитков.

§ 14. Домашних животных по городу не распускать, а дер-

жать их в приспособленных для того помещениях.

§ 15. Жилые помещения при фабриках, заводах, постоялых дворах и других промышленных заведениях, где собирается много рабочего народа, должны иметь достаточно чистого воздуха по числу живущих. Продовольствие рабочих должно быть непременно из свежих продуктов.

О противопожарных мерах

3 июня 1880 г. (Утвержд. губ. по город. дел. присут.
17 июня того же года)

§ 1. Все печи и очаги в деревянных зданиях должны быть сложены в нижних этажах не с пола, а с земли, или же на каменных фундаментах, а в верхних — над печами нижнего этажа. Печи не должны плотно прилегать к стенам или переборкам, между ними следует оставлять пространство не менее, как в три вершка.

§ 2. В каменных строениях печи верхних этажей возводить на железных кронштейнах, закладываемых одновременно с возведением кирпичных стен, и не прислонять плотно к деревянным переборкам, но иметь от таковых промежутков не менее, как в три вершка.

§ 3. Пред кухонными очагами и всякого рода печами (кроме русских) прибавать к деревянному полу железные листы шириною не менее 12 вершков, а длину около ар-

шина, а перед печами на заводах пол выстилать кирпичом. Зола из печей вынимать прежде топки их, когда зола совершенно остынет, горячую же и теплую отнюдь не вынимать и под крышами домов, строений и в других опасных местах не высыпать.

§ 4. Дымовые трубы должны быть широкие, полагая дымовой ход для железных, голландских и других мелкого размера печей внутри не менее 16 кв. вершков, а для русских — не менее 36 кв. вершков. Сверх крыши трубы могут быть кирпичные или чугунные, но до крыши устраивать только кирпичные. Печи без труб или топка по-черному воспрещаются; печи и трубы должны быть из каленого кирпича. Деревянных труб на крышах не ставить. Сверх дымовых труб устраивать железные или глиняные колпа-

ки. Трубы складывать непременно на извести, а не на глине, с мазкою только внутри труб глиною.

§ 5. Печи и дымовые трубы содержать в исправности и посылать от городской управы трубочистов допускать к осмотру их беспрепятственно; чистка труб должна производиться в булочных, колбасных, гостиницах, трактирных заведениях и торговых банях два раза в месяц.

Примечания. 1) Если городским трубочистом будет замечена ветхость печей и труб, то он обязан заявить об этом домовладельцу или заведующему домом, и в случае неисправления ветхой трубы довести до сведения полиции.

2) За очистку труб с разборкою и исправлением боровиков домовладельцы обязаны платить трубочистам от 15 до 25 коп. за каждую трубу; за исправление же печей и труб плата производится по взаимному соглашению жителей с трубочистами.

§ 6. Не дозволяется иметь так называемых черных бань, а существующие такие бани или должны быть обращены в обыкновенные, если они отстоят не ближе четырех сажен от всякого другого смежного строения, или в холодные постройки, или же вовсе уничтожены.

§ 7. Бани строить как можно далее от других строений и ни в каком случае не ближе четырех сажен. Существующие

бани на ближнем расстоянии, как скоро требуют ремонта, подлежат сносу. Топку бань, как торговых, так и частных, в жаркое сухое летнее время производить в период времени от 3 до 8 часов утра, а вечером — с 6 до 8 часов с возможною аккуратностью и не оставлять бани на это время без наблюдения. К ночи же огонь в печах заливать.

§ 8. При устройстве внутри города водочных заводов и оптовых складов для спирта, вина и водок непременно должны быть соблюдаемы правила, приложенные к 317 статье устава о питейном сборе.

§ 9. Все колодцы, принадлежащие частным лицам, считаются открытыми во время пожара для пользования водою.

§ 10. Воспрещается курение табака на торговых площадях, улицах, мостах, в лавках, амбарах, сеновалах, чердаках, конюшнях, в торговых помещениях и во дворах.

§ 11. У каждого жилого здания должна быть приставлена во дворе прочная, достающая ската крыши, деревянная переносная лестница, или иметь удобный ход внутри с вышки на крышу.

§ 12. Воспрещается при холодных торговых помещениях ставить самовары внутри таких помещений, за исключением варения пищи для продажи, а также продажи горячего чая и сбитня в местах, указанных управою.

§ 13. Воспрещается устройство внутри города фабрик, заводов и мастерских, подробно перечисленных в особой ведомости, приложенной при циркуляре Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел 7 марта 1873 г.; построенные же до издания сих правил означенные фабрики и заводы безусловно воспрещается возобновлять или производить в них какой-либо ремонт, способствующий упрочению тех зданий.

§ 14. Равным образом воспрещается устройство внутри города балаганов, театров и других увеселительных заведений в деревянных зданиях, а для таких деревянных построек отводятся места на торговой хлебной площади не ближе 50 сажен от жилых и торговых помещений.

§ 15. На площади, назначенной для торговли сеном и дегтем, не иметь огня.

§ 16. В кузницах, слесарных, столярных и тому подобных мастерских по выходе из них рабочих на ночь оставшийся в горнах и печах огонь непременно заливать; днем же, когда выходят рабочие, если огонь погашен не будет, оставлять в мастерской караульного. Кроме того, во всех подобных заведениях обметать насевшую на верх потолка или под крышу сажу и не накапливать щепок и стружек, но ежедневно пред наступлением ночи выносить их во двор в безопасные места.

§ 17. Запрещается ходить с зажженной лучиной или со свечою без фонаря на чердаки, в конюшни, сараи, сеновалы, кладовые, погреба и другие домашние строения, а употреблять в этих случаях жестяные фонари со стеклами. Такие же фонари должны быть и в холодных торговых помещениях. Впрочем, для сих последних допускаются лампы со стеклами, но с тем, чтобы при этом была соблюдаема всевозможная осторожность.

§ 18. Воспрещается иметь в городе для оптовой продажи склады пороха, керосина, древесного корья, рогож, дров, леса, сена, дегтя, соломы, жира, фосфорных спичек, а таковые устраивать за городом в местах, отводимых городской управою, или в каменных со сводами кладовых с железными дверями и ставнями у окон.

§ 19. Во дворах, на открытых местах бочек из-под спирта, керосина, смолы, дегтя и других легко воспламеняющихся веществ не складывать, сено и солому для домашнего употребления складывать во дворах нежилых помещений и не иначе, как под плотную крышею, а в строениях нежилых, состоящих под одною крышею с жилыми, складывать сено и солому допускается в таком только случае, если жилое помещение от нежилого будет разделено плотною деревянною перегородкою с устройством оной под

крышей таких строений. Крыть соломою крыши, навесы, повети и проч., а также складывать на них солому и сено воспрещается.

§ 20. Продажа керосина и прочих минеральных масел в деревянных лавках и на открытых местах торговой площади с возов и ларей воспрещается.

§ 21. Хранение пороха, зажигательных спичек и других скоровоспламеняющихся веществ в кладовых и лавках, имеющих керосин и прочие минеральные масла, воспрещается и, как эти вещества, так равно дуб, пенька, лен, тряпье и другие, не должны быть хранимы на печях, чердаках и тому подобных опасных местах в домах обывателей. Склады же для хранения фосфорных спичек должны устраиваться на расстоянии не ближе 40 сажен от жилых и торговых помещений.

§ 22. Отпуск из лавок и кладовых керосина и других осветительных минеральных масел дозволяется производить только днем, причем входить в кладовые со свечою, лампою и прочим освещением воспрещается. Малолетние служители, находящиеся при лавках, к разливу и отпуску керосина и других минеральных масел не допускаются.

§ 23. Торговля фосфорными спичками во всех лавках производится не иначе, как из железных ящиков; раскладывать же спички в особых пачках по полкам среди других това-

ров воспрещается. При домах, торговых помещениях дозволяется иметь фосфорных спичек не более пяти ящиков, сделанных из железа.

§ 24. Воспрещается производить в городе стрельбу из ружей, пистолетов и других огнестрельных орудий.

§ 25. Каждый домохозяин обязан иметь в летнее время около двора или внутри его бочку, чан или полубочье, наполненные водой. В случае же пожара являться на таковой с бочкою, телегою, ведрами, топорами, баграми, одним словом, с принадлежностями, могущими быть полезными для тушения пожаров. Торгующие при торговых помещениях также обязываются иметь чаны или полубочья, наполненные водой.

§ 26. Для каждых двух кварталов, содержащих не более как от 10 до 15 дворов, иметь особого караульного, который пост свой обязан отбывать по прямому направлению улиц, наблюдая за домами до половины кварталов в поперечных улицах. За правильным исполнением караульными своих обязанностей (сверх надлежащего надзора полиции) наблюдают объездные ночные старшины (они же пожарные старосты), которые в своих участках распоряжаются наймом и увольнением караульных, а также распределением платы караульным, получаемой с жителей участка по соглашению с последними.

*О распорядке торговли на базарах,
в торговых и промышленных заведениях*

11 июля 1881 г. (Утверж. губ. по город. дел. присут.)

§ 1. Мясникам, как местным городским, так и окрестных селений, занимающимся бойкою скота и продажей мяса в городе, вменяется в непрременную обязанность производить торговлю мясом из лавок, для того устроенных.

§ 2. Крестьянам, приезжающим на базар для торговли мясом скота собственного убоа, дозволяется торговля с возов на местности, находящейся против мясных лавок.

§ 3. На той же местности разрешается производить торговлю привозящим для продажи на рынок дичь, колотую домашнюю птицу и поросят и не иначе, как только с возов. Раскладывать для продажи дичь, колотую домашнюю птицу и т.п. на земле, хотя бы с подстилкою под нее рогож, парусины, клеенок, воспрещается. Неколотая живность, как то: птица, поросята и т.п. — может быть для продажи расставлена в порядке и на земле около возов в особых свободных помещениях, т.е. плетеных из прутьев корзинах и коробках, но не связанных под крылья и за ноги. Это последнее строго воспрещается.

§ 4. Продажа рыбы, овощей, ягод и других съестных продуктов производится или в построенных городом лавках, или же на отводимых управою местах. Не

воспрещается означенными предметами производить торговлю с возов; раскладывать же их на земле, хотя бы и с подстилкою рогож и т.п., воспрещается.

§ 5. Хлебопеки, калачники, крендельщики и другие лица, продающие хлеб и всякое печенье, обязываются продавать его с возов, крендели не ставить на земле пирамидами, но ставить таковые на столах или подвешивать на вешалках. Доски весов при развешивании хлеба и других печений должны быть всегда чистыми и очищены от ржавчины и других вредно влияющих на здоровье предметов; почему на таких весах воспрещается перевешивать, кроме хлеба и вообще печения, что-либо другое, в особенности сырое, соленое и свежее мясо, сырую, соленую и свежую рыбу.

§ 6. При торговле мясом, рыбою, овощами, хлебом и печениями в точности соблюдается § 12 обязательных постановлений, утвержденных тоб. губ. по город. дел. присут. 4 августа 1879 г., т.е. чтобы лавки, полки, скамьи, на которых производится продажа мяса, рыбы, хлеба и съестных продуктов, были постоянно чистые, продаваемые с них предметы прикрыты чистыми холщовыми скатертями или полотном. Без

этих условий продажа мяса, рыбы, овощей, печеного хлеба и т.п. воспрещается.

§ 7. Воспрещается развозить по базару между рядами пряничные изделия, продающие на базаре из рук разные предметы не должны ходить врассыпную по всему базару, но обязываются держаться тех мест, где продаются товары и продукты, однородные с принесенными для продажи.

§ 8. Воспрещается сбитьщикам продажа сбитня в разнос, в чайниках с горячими угольями.

§ 9. Не воспрещается торговля мясом и рыбою в торговых помещениях, находящихся при домах, но с тем, чтобы выходы из помещений были на улицу и чтобы при продаже мяса и рыбы торгующими соблюдалась в точности обяза-

тельные постановления для жителей г. Тюмени, утвержденные тоб. губ. по город. дел. при-сут. 4 августа 1879 г.

§ 10. Не производится на базаре и в магазинах торговля по воскресным дням с 5 часов утра до 9 часов вечера, а в праздничные и высокаторжественные дни — с 5 до 12 часов дня. Исключение составляют: кондитерские, булочные, лица, торгующие хлебом и сеном. Торговля исключительно мясом и рыбою производится в воскресные и праздничные дни до 9 часов утра. В случае, если базарный день придется в высокаторжественный или праздничный день, ограничений для торговли не существует. Также не существует ограничений для торговли и в ярмарку, учрежденную в Тюмени с 15 января по 5 февраля.

О порядке отправления в городе извозного промысла

27 августа 1881 г. и 17 марта 1887 г. (дополнительные)

§ 1. В городе назначаются для бирж 4 пункта, на которых должны находиться извозчики:

а) на площади против дома купца Тюфина,

б) по Знаменской улице против дома мещанки Шестаковой,

в) около лавок гостинодворской площади и

г) за Тюменкою, против дома купца Колокольникова.

§ 2. Желаящие заниматься извозным промыслом представ-

ляют в городскую управу удостоверение полицейского управления в том, что со стороны полиции не встречается препятствий к разрешению им заниматься извозничеством, вносят установленную плату и получают свидетельство и жестяной ярлык с выбитым на нем номером, затем являються в полицейское управление, где предъявляют паспорта тех лиц, которые будут ездить, и получают бесплатно второй экземпляр жестяного ярлыка с тем

же номером, который прибавляется на экипаже.

Примечания. 1) Хозяева в случае перемены работников обязаны немедленно предъявлять в полицейское управление паспорта новых работников.

2) Ярлыки заготавливаются городской управою в двух экземплярах: один выдается извозчикам, а другой отсылается в полицейское управление.

Дополнение. На выдаваемых из городской управы извозчикам жестяных ярлыках, кроме номера, установить следующую надпись: «извозчик должен постоянно при себе иметь обязательные постановления и выписку из оных о плате за езду» (постановление 17 марта 1887 г.).

§ 3. К занятию извозным промыслом допускаются лица не моложе 17 лет. Хозяевам под опасением потери права на извозный промысел запрещается нанимать в работники лиц нетрезвого поведения и пользующихся дурною репутациею, а также наказанных в Сибири по суду за кражу или буйство.

Примечание. По требованию полицейского управления хозяин обязан немедленно переманить работника.

§ 4. Экипажи должны быть прочны и содержимы в исправности, одежда извозчиков должна быть не изорвана и вообще прилична. Экипажи свидетельствуются по распоряжению окружного исправника, и если окажутся неисправными или ветхи-

ми, то задерживаются и в езду допускаются не прежде, как по их исправлении. Если от непрочности экипажа произойдет несчастие с седоком, то хозяин того экипажа подвергается взысканию на основании 129 статьи устава о нак., налаг. мир. суд.

§ 5. Извозчики обязаны один ярлык носить на спине сверх кафтана, а другой прибить: на летнем экипаже — на переднее левое крыло, а на зимнем — на левой стороне переднего щитка (передка).

§ 6. Извозчики не должны оставлять лошадей без присмотра и не должны толпиться у подъездов трактирных заведений и питейных домов, а также останавливаться среди улиц, а ставить на указанные места в длину тротуаров к колодам.

§ 7. Подавать экипажи должны тихо, по очереди, а не скакать вперегонку, при езде держаться правой стороны; езда должна быть умеренно скорая и осмотрительная; обгонять экипажи, когда от этого происходит стеснение, воспрещается. За неосмотрительную и непомерно скорую езду извозчики подвергаются взысканию на основании 123 статьи устава о наказ., налаг. мир. суд.

Примечание. Седок не лишается права, по своему усмотрению, требовать с биржи извозчика и неочередного.

§ 8. У клубов и вообще в местах большого съезда жите-

лей извозчики должны оставаться по указанию чинов полиции; в случае ослушания виновные подвергаются взысканию по 30 статье уст. о наказ., налаг. мир. суд.

§ 9. Извозчики должны быть трезвы и не надоедать проходящим предложением своих услуг, а также насмеяться над проходящими, кричать, свистать и вообще нарушать общественный порядок и тишину; виновные в сем подвергаются взысканию на основании 39 статьи уст. о наказ., налаг. мир. суд.

§ 10. Вещи, оставленные седами, извозчики обязаны немедленно представлять в ближайшую часть, за неисполнение сего и присвоение оставленного виновные подвергаются взысканию по 178 статье уст. о наказ., налаг. мир. суд.

§ 11. По требованию полицейских чиновников, а также полицейских служителей извозчики обязаны бесплатно возить поднятых на улице заболевших, ушибленных, пьяных, скоропостижно умерших и т.п.; равным образом извозчики обязаны бесплатно возить полицейских чиновников и служителей, следующих на пожар и преследующих воров, грабителей и других подозрительных личностей, бегущих в виду преследующих их полицейских чиновников и служителей.

§ 12. Надзор за извозчиками на каждой бирже возлагается на биржевого старосту, избранно-

го ими из своей среды, и которого они должны слушаться; кто будет избран старостою — должно быть заявлено полицейскому управлению и городской управе.

§ 13. За езду легковые извозчики получают плату в час по 40 коп.; весною и осенью — с 15 марта по 1 мая и с 1 сентября по 15 ноября — плата увеличивается за час на 10 копеек.

§ 14. За езду от пароходных пристаней легковые извозчики получают плату за конец во все места по нагорной части и на городища 50 коп., в затюменскую и заречную части — по 75 коп. с одного седока. Ломовые извозчики за езду в телегах и дровнях получают плату в час 30 коп., в весеннее и осеннее время плата увеличивается на 5 копеек.

Дополнение. Плата легковыми извозчиками должна быть взимаема: от вокзала железной дороги до пароходных пристаней, в затюменскую и заречную части города — по 75 коп., а в город — по 50 коп. за один конец без возвращения к вокзалу независимо от числа седоков (пост. 17 марта 1887 г.).

§ 15. За провоз от пароходных пристаней ломовые извозчики получают плату с одного седока с тяжестью не более 10 пудов за конец во все места по нагорной части и на городища 40 коп., в затюменскую часть и за Туру — 60 коп.

Дополнение. Ломовые извозчики за провоз от вокзала желез-

ной дороги получают плату с одного седока с тяжестью не более 10 пудов за конец во все места нагорной части, на городища и к пароходным пристаням — 40 коп., в затюменскую и заречную части — 60 коп. А затем помещающиеся с ним на одну подводку другие взрослые седоки во все означенные части платят против первого половину, а малолетние, моложе 10 лет, — по 10 коп. каждый, если при всех их будет тяжести не более 10 пудов. Если же один седок будет иметь при себе тяжести свыше 10 пудов и не более 20 пудов, то он платит за один конец в сказанные места в полтора раза более, т.е. вместо 40 коп. — 60 и вместо 60 — 90 копеек.

Примечание. Необязательно для извозчика помещать на одну подводку более четырех седоков взрослых с тяжестью при них 10 пудов (постановление 17 марта 1887 г.).

§ 16. Если извозчик нанимается для катанья, то плата

назначается по взаимному соглашению с нанимателем, равно назначается плата по взаимному соглашению с нанимателем в первый день Рождества Христова и Пасхи, и в Новый год.

§ 17. Лицам, занимающимся извозным промыслом (хозяевам), замеченным три раза в неисполнении настоящих правил, полицейское управление имеет право запретить занятие этим промыслом и отобрать от них выданные им из городской управы свидетельства, которые и возвращает в управу, а также лишаются права заниматься этим промыслом ломовые извозчики за езду в легковых экипажах.

§ 18. Правила эти каждый извозчик обязан иметь при себе.

§ 19. Виновные в неисполнении правил, изложенных в §§ 1, 5, 6, 11, 12, 13, 14, 15 и 18, подвергаются взысканию на основании 29 статьи устава о наказ., налаг. мир. суд.

По строительной части

18 ноября 1887 г. (Утверж. губ. по город. дел. присут.)

Отдел I. О порядке разрешения частных построек в городе.

§ 1. Лица, желающие произвести новые постройки на принадлежащих им местах земли, подают о том в местную городскую управу заявления, прилагая в двух экземплярах планы и фасады просимых к

разрешению построек. На этих же чертежах в соответствующем месте наносится выкопировка из высочайше утвержденного плана на г. Тюмень той местности, где предполагается постройка и первых окружающих ее кварталов.

§ 2. В представляемых планах и фасадах должны быть

очерчены и с точностью определены границы принадлежащего просителю постройки места земли, а равно указаны размеры просимых к постройке зданий и разрывы между этими зданиями, соответствующие нижеобъясненным требованиям настоящих постановлений.

§ 3. При рассмотрении означенных документов и по сверке их на месте городская управа не позднее семи дней со дня получения каждого заявления выдает надлежащее разрешение на постройку просимых обывателями строений или же отказывает в разрешении таковых, если усмотрит какую-либо неправильность или несоответствие ходатайств с требованиями настоящих постановлений. До получения же разрешения из городской управы никто не имеет права приступать к постройке всякого рода зданий, хотя бы предполагаемые к постройке здания и соответствовали требованиям правил сих постановлений.

§ 4. Всякий обыватель, получивший из городской управы утвержденный его план на производство новых построек, должен окончить наружные здания вчерне: деревянные в течение двух лет, а каменные — в течение пяти лет со дня получения им разрешения постройки. Но если в течение этого срока владельцы не воспользуются данными им разрешениями, то на осуществление разрешенных построек они обязаны испро-

сить снова из городской управы особые разрешения порядком, указанным в §§ 1 и 2 сих постановлений, не представляя особых чертежей, если не последовало особых изменений в прежде утвержденных планах.

§ 5. Перед началом построек всякий строящийся обыватель обязан прежде всего сделать во всю длину и ширину предположенных к постройке зданий огородку для склада строительных материалов, постановки лесов и вырытия ям для творил. Для устройства такой загородки строящийся имеет право временно занять $\frac{1}{4}$ часть улицы, если улица эта содержит в себе не менее 10 сажень ширины. Одновременно с возведением загороди всяким строящимся обывателем должны быть устроены временные тротуары (в виде настилки) шириною $1\frac{1}{2}$ аршина на протяжении всей загородки.

§ 6. Малозначительные исправления строений на полномерных местах и не изменяющих прежнего плана и фасада их, как то: исправление крыш, окраска их, исправление ворот и заборов и т.п. — производится жителями беспрепятственно, не доводя о сем до сведения городской управы. Об исправлениях же более значительных, как, например, о замене крыш, ворот и заборов новыми, каждый обыватель непременно доводит до сведения городской управы посред-

ством особого заявления или записью особого заявления в особой книге, имеющейся в управе. И, наконец, капитальные исправления зданий, влекущие за собою изменение прежнего фасада их, как то: подрубка стен, подводка и выделка новых этажей, прорубка новых окон и дверей — производятся каждый раз непременно с ведома и разрешения городской управы.

§ 7. О разрешении новых построек фабричных и другого рода промышленных заведений, подробно исчисленных в ежегодном публикуемом Министерством внутренних дел ведомостях, разрешение которых выходит из пределов власти городского общественного управления, фабриканты-предприниматели ходатайства свои направляют чрез г. тобольского губернатора в надлежащее учреждение.

Отдел II. О постройках на полномерных местах.

§ 8. Всякий обыватель, владея полномерным местом земли не менее десяти погонных сажень в длину на улице, в ширину и в задах по десять же сажень, находящимся в кварталах, предназначенных по высочайше утвержденному плану на г. Тюмень к застройке, имеет право производить всякого рода жилые и нежилые постройки, соблюдая при этом относительно деревянных строений следую-

щее правило: по правой стороне, выходя со двора, строения могут быть воздвигаемы, отступая от соседней межи один аршин, необходимый для стока воды, но если здания устраиваются с одним скатом крыши и со стоком воды во двор строящегося, то таковые постройки здания могут быть производимы и на самых межах. С левой же межи требуется отступить непременно четыре сажени, а с задней — две сажени. Кроме того, между всеми надворными строениями обязательно должны быть оставляемы 4-саженные интервалы. Постройка бань, кроме обязательного 4-саженного отступа, производится насколько возможно далее от остальных строений, лишь бы оставались от соседних меж указанные выше разрывы.

Примечание. 1) Всякое исправление возведенных самовольно и без всякого разрешения неправильных построек на левой и задней межах, безусловно, воспрещается.

2) Малозначительный ремонт дозволяется только тех неправильных зданий, которые построены по разрешениям подлежащих властей, но капитальный ремонт или перестройка сих зданий строго воспрещается.

3) Постройка всякого рода зданий на меже, занятой неправильною постройкой соседа, разрешается только в таком случае, если заявивший желание строиться устранит не-

правильную постройку соседа посредством полюбовного с ним соглашения или судебного процесса, или же возведет на меже брандтмауэр.

4) В случаях обнаружения неправильных построек обывателей, стесняющих соседей строиться на правой меже и вынужденных начать иски и процессы, городское общественное управление во всех таких случаях оказывает ближайшее содействие и неукомнительное состояние в административных учреждениях к своевременному окончанию начатых обывателями дел к преследованию неправильных построек и приведению решений суда в исполнение.

§ 9. Возведение каменных построек разрешается без определения размера длины и ширины их; но в зданиях, имеющих длину более двенадцати сажен, требуется устройство брандтмауэров в крышах на каменных капитальных стенах чрез каждые 12 сажен. Точно так же каменные здания могут быть воздвигаемы на межах с обеих сторон с отступом лишь по одному аршину от соседних меж, кроме случаев устройства крыш с одним скатом во двор строящегося или отвода воды на улицу. В сих последних случаях каменные здания могут быть возводимы и на самых межах. Соблюдение же 4-саженного разрыва между другими надворными строениями (принадлежащими одному владельцу) обязательно и для каменных зданий.

Подъезды в каменных зданиях снаружи могут быть устраиваемы шириною не менее пяти аршин. Равным образом (если позволяют размеры усадьбы) и деревянные здания могут быть возводимы произвольной длины, но в таких зданиях чрез каждые 12 сажен устраиваются каменные брандтмауэры от земли и по верху крыши на один аршин и с соблюдением интервалов, требуемых § 8 настоящих постановлений для соседних меж и внутренних построек на усадьбе.

Примечание. В размер длины деревянных зданий, строящихся без разрывов, но с брандтмауэрами, входят и состоящие в одной связи постройки, произведенные не по прямой линии, т.е. выступившие от межи во внутрь двора и составляющие ломаные линии.

§ 10. Если в исключительных случаях потребуются возведение деревянных строений на левых межах, то это допускается только с обязательством прежде возведения деревянных строений устраивать по левым мегам каменные брандтмауэры во всю длину предполагаемых зданий вышиною от земли и по верху крыши не менее, как на один аршин.

§ 11. В зданиях всякого рода, воздвигаемых на межах, не дозволяется устраивать окон и других отверстий без согласия хозяина, заявленного указанным в законе порядком в подлежащем месте.

§ 12. Все старые постройки, назначенные по утвержденным городской управою чертежам к сломке, должны быть сломаны до начала построек, разрешенных к возведению вновь. Точно так же, прежде возведения новых построек, возводятся сначала каменные брандтмауэры, назначенные по чертежам, и затем уже производятся самые постройки.

Примечание. Назначенные по чертежам к сломке старые постройки при возведении новых каменных могут оставаться до окончания их вчерне. Но затем старые постройки сламываются обязательно.

§ 13. Каменные или полукаменные, а равно деревянные двухэтажные свыше восьми аршин вышины постройки должны быть крыты исключительно железом и другими материалами, трудно поддающимися действию огня. Деревянные же здания вышиною менее восьми аршин, кроме железа, могут быть крыты и тесом. Соломенных крыш на всякого рода зданиях, безусловно, не допускается.

§ 14. Окраска крыш и наружных стен зданий производится масляными и другого рода красками, но окрашивание их смолою и другими легко воспламеняющимися веществами не допускается.

§ 15. Относительно печей и прочего внутреннего устройства в жилых зданиях должны быть в точности выполняемы правила действующего строительного ус-

тава и обязательные постановления, изданные Тюменскою городской Думою на основании 103 статьи городского положения 3 июня 1880 г. и утвержденные тоб. губ. по город. дел. присут. 17 июня 1880 года.

Примечание. В каменных двухэтажных домах, имеющих вышину от земли до подоконников верхнего этажа не более пяти аршин, должны быть два выхода с лестницами всякого рода, но в домах, имеющих вышину более пяти аршин до подоконников, обязательно должен быть наружный вход с каменною или из другого несгораемого материала лестницею. В домах же, имеющих длину более 12 сажен и вышину более пяти аршин до подоконников второго этажа, обязательно иметь два выхода с несгораемыми лестницами; в деревянных же двухэтажных домах длиною не менее восьми сажен обязательно устраивается не менее двух выходов.

Отдел III. О постройках на маломерных местах.

§ 16. Все обывательские усадьбы в кварталах, предназначенных по высочайше утвержденному плану на город Тюмень к застройке, хотя и не имеют размеров, указанных в § 8 сих правил, могут быть застраиваемы зданиями всякого рода при следующих условиях: а) деревянные постройки могут быть возводимы вышиною не более восьми аршин, соблюдая при этом правило, изло-

женное в § 8 сих постановлений относительно отступов от правой и левой меж и внутренних 4-саженных разрывов между надворными постройками; б) каменные здания на маломерных местах возводятся во всем согласно с правилами, изображенными в § 9 настоящих постановлений для полномерных мест, и с неперменным соблюдением порядка, указанного в том же § 9 для внутренних 4-саженных разрывов между надворными постройками; в) на всем протяжении маломерных мест могут быть возводимы по улице сплошные каменные здания с устройством въездов во дворы в стенах зданий не менее двух сажен ширины.

§ 17. Ремонт существующих зданий на маломерных местах, построенных самовольно и без всякого разрешения, безусловно, воспрещается. Относительно же малозначительного ремонта в зданиях, возведенных хотя и неправильно, но с разрешения надлежащих правительственных или общественных учреждений, соблюдается правило, изложенное во втором примечании § 8 сих постановлений.

Отдел IV. О постройке кузниц и торговых бань.

§ 18. Каменные одноэтажные со сводами кузницы могут быть возводимы и внутри обывательских кварталов, но с тем, чтобы трубы в этих кузницах были устраиваемы поверх кры-

ши коленом, которое бы входило в подставленный на прочных устоях чан с водою для падающих искр. Полы в кузницах обязательно должны быть или земляные, или же выложенные кирпичом, а двери и вообще все отверстия должны замыкаться железными ставнями.

§ 19. Во всех обывательских кварталах могут быть устраиваемы торговые бани только в каменных зданиях, которые, если будут устраиваться на межах или с брандмауэрами, то в стенах этих не должно быть никаких отверстий или окон. Окна и двери в банях должны устраиваться с железными ставнями.

§ 20. Деревянные бани могут быть устраиваемы на всем протяжении Ляминского оврага, начиная от кузнечной плотинки и до затюменского моста, — в овраге перед заводом г-жи Довыдовской и на всех окраинах города не ближе двадцати сажен от жилых строений.

§ 21. На протяжении всех каменных и деревянных зданий, предназначенных для бань, обязательно должны быть устраиваемы для стока воды трубы, проводимые в колодцы с фильтрами, набитыми древесным углем. Колодцы эти устраиваются непременно по середине дворов и никак не ближе, как по шести сажен ото всех соседних меж, а в оврагах тоже должны быть устраиваемы трубы с фильтрами ниже торговых бань.

Отдел V. О постройках на запланнанных и выгонных городских местах земли.

§ 22. Существующие строения на местах земли, не показанных по высочайше утвержденному плану на г. Тюмень к застройке, остаются до уничтожения их. Всякая поддержка или исправление их вовсе не допускается, а возведение новых зданий на сих местах совершенно воспрещается.

Примечание. Владельцы мест земли, не вошедшей по плану в кварталы, назначенные к застройке, и поэтому не имеющие возможности строиться на этих местах, могут возбуждать ходатайства перед городским общественным управлением, которое по надлежащем обсуждении и отводит таким лицам количество земли в свободных незастроенных кварталах, но назначенных по городскому плану к застройке.

§ 23. Находящиеся на выгонных городских землях частные строения, как занимающие землю на правах временного арендного пользования, исправляются и ремонтируются впредь до сноса их по усмотрению городского общественно-го управления. Возведение новых зданий на выгонных местах земли производится также с разрешения общественного управления и учреждения подлежащей властью на сроки, устанавливаемые городским управлением.

Отдел VI. О содержании в порядке заборов и загородей, окружающих пустопорожные места внутри кварталов.

§ 24. Все пустопорожные места земли, принадлежащие частным лицам и находящиеся в кварталах, предназначенных по высочайше утвержденному плану на г. Тюмень к застройке, должны быть непременно огорожены: в центральных жилых кварталах — прочными деревянными заборами, а на окраинах города допускается огораживать частоколом, плетнем или перилами в четыре прожилины.

Отдел VII. О наблюдении за правильностью построек и о порядке преследования нарушения настоящих постановлений и правил строительного устава.

§ 25. Наблюдение за правильностью построек в городе принадлежит городской управе с архитектором и местной полиции по принадлежности.

§ 26. Всякий обыватель, допустивший производство неправильных или самовольных построек без надлежащего разрешения или же построивший здания с отступлением от выданного разрешения и требований настоящих постановлений, подлежит преследованию и ответственности по суду.

§ 27. Преследования о неправильных или самовольных постройках вчиняются городской управою в лице члена ее и

архитектора чрез местную полицию или же по ее непосредственному усмотрению, и затем составленные акты препровож-

даются по принадлежности для наложения на виновных соответствующего по закону взыскания и наказания.

О воспрещении прасолам скупать на базарах сельские произведения ранее 11 часов утра

5 октября 1888 г. (Утвержд. губ. по город. дел. присут.).

§ 1. Воспрещается производить торговлю сельскими произведениями вне городских базарных площадей и скупать таковые во время подвоза их в город на базары, за городом и в улицах.

§ 2. Также воспрещается всем торговцам и прасолам

скупать до 11 часов утра каждого дня оптом привозимые на существующие в г. Тюмени базары всякого рода предметы продовольствия первой необходимости, как то: муку, крупу, мясо, рыбу, овес, сено, солону, дрова и разного рода овощи.

Филь Сергей Генрикович родился в 1960 г. в Омске. Окончил филфак местного госуниверситета. Преподавал литературу, а также славянские языки, занимался туризмом и бизнесом. В настоящее время — заведующий отделом польской культуры ТОКМЦ-НКиНТ, вице-президент Конгресса поляков в России. Тема исследований — поляки в России.

Поклевские-Козелл — владельцы винокуренного завода*

В 100 км к юго-востоку от Тюмени и в 25 км от Ялutorовска располагается старинное сибирское село Падун, издавна известное своим винокурненным заводом. История этого старейшего предприятия области теперь может считаться во многом проясненной благодаря документам госархивов Тюменской и Омской областей, а также опубликованным воспоминаниям польских ссыльных. Ее кульминацию в досоветский период составляет восстановление заводского комплекса в кирпиче на пепелище сгоревшей казенной винницы и техническая модернизация при Поклевских-Козелл, владевших им в период 1861—1914 гг.

«Тобольская губерния. Список населенных мест по сведе-

ниям 1868—1869 годов» за 1871 г. указывает на то, что винная поварня была основана в Падуне между 1740—1748 гг. верхотурским купцом Максимом Михайловичем Походяшиным¹, начинание которого стоит в одном ряду с деяниями купцов-устроителей Талицкой, Ертарской, Боровлянских, Успенской и Екатерининской винокурен Зауралья в 1730—1780-е гг.

Строили заводы тогда по традиционной схеме, учитывая наличие речки, леса и глины для выделки кирпича. Сооружая плотину, образовывали пруд, — источник воды для производства. Так и был поставлен на речке Ук,

* Настоящая статья является второй из цикла, посвященного Поклевским-Козелл. См.: Филь С.Г. А.Ф. Поклевский-Козелл — основатель Западно-Сибирского речного пароходства // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1998. Тюмень, 1999. С. 29—48.

¹ Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов. СПб., 1871. С. ССXXXIV.

у искусственного пруда, питаемого 33 ключами чистой воды, первый деревянный завод.

Лишь в 1756 г. было издано запоздалое узаконение об отдаче на откуп питейного сбора в Сибирской губернии². Государство взяло под контроль доходную отрасль, изъяв заводы у владельцев и начав выдавать подряд на поставку вина (откуп). В это время откупщиком Падунского завода, использующего труд каторжан и прикрепленных к нему поселенцев, стал граф Петр Иванович Шувалов³.

В последующие 80 лет казенный завод № 3264 в Падуне неоднократно перестраивался по мере обветшания пестрой чередой откупщиков. Но никогда не был первым по мощности, значительно уступая Талицкому (г. Талица Свердловской области находится в 219 км на восток от Екатеринбурга и в 130 км на запад от Тюмени) и Успенскому (село Заводоуспенское Свердловской области расположено на расстоянии около 70 км на юго-запад от Тюмени).

В последний раз сосновая винница была возведена в заводе в 1832 г.⁴, а к концу 1830-х встал вопрос об упразднении одного вовсе «по ветхости его во всех частях и по истреблению в

дачах его строевого и дровяного лесу», о чем гласит отношение за № 1329 генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова (1789–1868) министру финансов России графу Е.Ф. Канкрину (1774–1845) от 3 октября 1842 г. Отказывая в аренде предприятия «алатырскому купецкому сыну Орлову» и намереваясь «не преминуть войти в надлежащее соображение» относительно учреждения нового завода «на речке Бочанке»⁵, П.Д. Горчаков руководствовался мнением, продиктованным тремя описаниями строений Падунской винокурни, составленными с надлежащей тщательностью его фаворитом, ассессором Тобольской казенной палаты Альфонсом Поклевским-Козелл (1809–1890) в результате ее ревизии к 15 сентября 1841 г.⁶ Они красноречиво свидетельствовали о необходимости вложения значительных средств в реконструкцию.

Попытка властей решить проблему деньгами арендаторов закончилась неудачей. Их комиссионеры купцы Левашев и Н.Я. Балакшин, ссылаясь на контракт, заключенный в Правительствующем Сенате, объяснением от 28 августа 1842 г. наотрез отказались приступать к «поправкам и починкам» на

² Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1832–1882 гг. Сургут, 1993. С. 164.

³ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1788.

⁴ ГАОО. Ф.3. Оп. 1. Д. 1977. Л. 90.

⁵ ГАОО. Ф.3. Оп. 1. Д. 1977. Л. 93.

⁶ ГАОО. Ф.3. Оп. 1. Д. 1977. ЛЛ. 20–24 об.; 57–59; 60–61 об.

заводе, подчеркнув, что их дело «поддерживать существование его, но не более»⁷.

Эра государственной монополии на винокурение, предполагающая выдачу подряда на поставку вина временщикам, незаинтересованным вкладывать средства в казенную собственность и использование подневольного труда, переставшего быть производительным, миновала. Стремясь выйти из кризиса, власти разрешили в 1843 г. устраивать частным лицам винокуренные заводы в Сибири⁸. Заводчики новой формации предпочли выкупать у казны старые корпуса, нежели налаживать дело на непроверенном месте. Но ситуацию, сложившуюся конкретно с Падунским заводом, разрешил уничтоживший его пожар⁹.

А. Поклевский о Падуне не забыл. Правда, выкупать у казны было нечего. В 1861 г. крестьянское общество деревень Падун и Пугино уступило ему земельный участок под устройство завода¹⁰. Он построил его недалеко от пепелища старого, начав выпускать продукцию уже в 1863 г¹¹. Производство носило сезонный характер: с октября по май свободные от земледелия крестьяне охотно трудились на заводе.

К началу 1860-х гг. отставной надворный советник Поклевский, ставший тюменским I-й гильдии купцом, был широко известен как наиболее состоятельный владелец западносибирского речного флота, включающего пароходы, коноводки и баржи, а также арендатор винокуренных и стекольных заводов в Томске, Тарском, Тюменском, Ялуторовском округах Тобольской губернии и соседней Пермской губернии. В 1861–1869 гг. он часто бывал в Падуне, живя с семьей в богато украшенной пропиленной резьбой двухэтажной деревянной усадьбе у пруда с ведущей к нему через липовую аллею белокаменной лестницей. Именно в этот период он выкупил у казны заводы Тюшевского и Демаринского имений, два Шадринских, Ертарский и Талицкие, став «винокуренным генералом» и осев в Талице. Ряд других заводов, в том числе Екатерининский (располагался в селе Екатерининское в 20 км на юго-восток от г. Тара) и Успенский, он брал в аренду или отписывал на имя супруги Анжелики Иосифовны Поклевской-Козелл из дома Рымша (1830–1901). Ей принадлежал, например, Сергинский (Сарагульский) завод около Туринска. Распродав флот, Поклевский вложил

⁷ ГАОО. Ф.3. Оп.12. Д.1977. Л. 85–86 об.

⁸ Щеглов И.В. Хронологический перечень. С.323.

⁹ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 16.

¹⁰ ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 1319.

¹¹ ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 66. Л. 6.

деньги в десятки жилых домов, сотни трактирных и складских построек. Значительные средства расходовал он на техническое переснащение производства.

Падунский завод, как и другие, теперь был возведен из кирпича и крыт железом. Кирпичными также были отстроены солодовня, подвал для хранения спирта и оптовый склад для пива. В то время Поклевский еще не стал владельцем Холуницких и Залазницких железодельных, чугуноплавильных и чугунолитейных заводов Вятской губернии, поэтому чаны, котлы, рельсы и т.п. он заказал в Нижнем Тагиле, а брагоперегонный аппарат системы Блюментала, аппарат Савалля и снаряд Силина выписал из-за границы¹².

Толщина стены ректификационной башни, служащей ныне купажному цеху, составляет 1,20 м у основания, а на отметке 17,5 м—0,85 м. От Поклевского досталось в наследство и здание механического цеха. Прочная старая кладка при реконструкции причиняет строителям массу неудобств. Детищем Альфонса Фомича и его потом-

ков считается и амбарный двор — шесть больших сосновых амбаров под железом. По-прежнему крепки их каменные основания, а между бревен не просушить и иголки. Решая квартирную проблему для падунцев, дирекция завода недавно перестроила два амбара в жилые дома. Вряд ли, свыше ста лет назад возводя комплекс хранилищ зерна и картофеля, Поклевские-Козелл могли предвидеть такое их функциональное назначение.

Дополнительные земли прирезались к заводу еще и в 1871 г.¹³, а полное окончание строительных работ датируется серединой 70-х. Начинать их коллежский ассessor Василий Максимович Любимов, а завершил многолетний управляющий Владислав Корзун, женатый на племяннице Альфонса, дочери его брата Винцента (1801—1861)¹⁴, похороненного в ограде церкви Петра и Павла в Талице. Монументальный памятник из мрамора сохранился по сей день. В 70-е годы в Падуне сложилась польская колония. Здесь служил фельдшером Людвиг Якимашко, пришедший по этапу с Юзефом

¹² ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 66. Л.6—6 об.

¹³ ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 13. Д. 417.

¹⁴ Посемейный список дворян Козелл (НИАБ. Ф. 2512. Оп.1. Д. 446. Л. 400) гласит: «Вдова после Фомы Козелла Анна фамилии Спинков Козеллова 36 лет (! — С.Ф.) жительствоует в Лепельском повете. Имеет сыновей Адольфа 26, Викентия 23 и Альфонса 15 лет...». Зная год рождения Альфонса — 1809, не составляет труда определить, когда родился его старший брат. Попутно исправим составителя документа: первенцем Анны и Фомы была дочь Адель, а не сын Адольф. См., например: Бонецкий А. Польский гербовник. — Варшава, 1908. Т. XII. С. 76. Дата кончины: 29 августа 1861 г., высечена на самом надгробии на польском языке.

Карнацевичем¹⁵, сюда был переведен из Омска дворянин Франц Шуневич, в 1890-е гг. управляющий Сергинским именем уже сыновей Альфонса Фомича¹⁶. Здесь до 1876 г. детей управляющего учила ссыльная Эльжбета Табенская¹⁷, немало участников Январского восстания (1863–1864) получило на заводе рабочие места¹⁸. Потомки одного из них, Франца Лебенштейна, до сих пор живут и работают в Падуне.

По словам польских ссыльных, арестованных в связи с подготовкой общепольского восстания в Сибири в 1866 г., например Г. Вашкевича, в Томской следственной комиссии, Падунский завод Ялуторовского округа Тобольской губернии служил одним из мест, где организация хранила оружие и бумаги¹⁹. С этим заводом А.Ф. Поклевского-Козелл связана и пропагандистская деятельность Феодосия Некрасова, бывшего ученика Пермской

семинарии и последователя Н.Г. Чернышевского. Высланный в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции, именно на Падунском заводе он распространял революционные воззвания Герцена и устраивал побегии польских ссыльных²⁰.

Трудно судить, в какой степени сам А.Ф. Поклевский-Козелл был в курсе происходящего. Однако известно, что повсеместно покровительствуя ссыльным землякам, «польский королек» скрывал от полиции также их тайную переписку, а его семья в Тюмени занималась передачей нелегальной корреспонденции. На «ярого поляка», как называли Альфонса Поклевского в доносах, пало подозрение полиции, и сам шеф корпуса жандармов запросил о нем подробные сведения²¹. Но дело удалось замять.

В 1862–1868 гг., в неурожай и кризис производства, в Падуне было выкурено 5876270 градусов спирта. Это третий

¹⁵ Карнацевич Юзеф (1837–1918) — в Тюмени с 1869 г., участник Январского восстания 1863–1864 гг. на территории Витебской губернии, фельдшер, один из инициаторов строительства римско-католического костела в Тюмени.

¹⁶ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 5. Д. 854. Л. 1–36.

¹⁷ *Janik Michai. Dzieje Polakow na Syberii.* Krakow, 1928. S. 380–382.

¹⁸ *Макаров А.* Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западного края после мятежа 1863 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXVI С. 96; Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень. 1963. С. 38–39, 42; *Роцевская Л.П.* История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976. С. 94; *Borowski K.R.* Na obcym chlebie, (w:) Kuczycski A. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Wroclaw. W-wa. Krakow, 1993. S. 198.

¹⁹ ГАРФ. Ф.95-Т. Оп. 1. Д. 302. Л. 117–120; ГАРФ. Ф. 109-И. 1 Эксп. 1866 г. Д. 217. Ч. III. Л. 5–6.

²⁰ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

²¹ ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

результат производительности среди 9 заводов губернии²².

Уделяя внимание наращиванию производственных мощностей, Альфонс Фомич не забывал о благотворительности, прежде всего, на ниве просвещения. В 1881–1882 гг. он стал главным жертвователем на новое здание трехклассной прогимназии в Ялуторовске²³. Здесь же в 1886 г., выделив значительные средства, он открыл подписку на бесплатную библиотеку при местном клубе²⁴. Но немало и готовых специалистов из альма-матер в Ялуторовске начало службу в заводских конторах Поклевских: выпускник 1875 г. Василий Курбановский в главной конторе, в Талице, сыновья члена окружного суда надворного советника Никанора Алексеевича Гурского, Болеслав (окончил курс в 1883 г.) и Антон (в 1888 г.), соответственно в Падуне и Талице, за ними последовали выпускники 1890 г. Павел Полячек и Иван

Луковский. После смерти А.Ф. Поклевского-Козелл в число четырнадцати почетных членов открывшегося в конце 1892 г. «Общества попечения об учащихся в уездном и приходском училищах г. Ялуторовска» входил Иван Альфонсович Поклевский-Козелл (1864–1925), продолживший дело отца²⁵.

С 1890 г. до первой мировой войны Падунский завод входил в торговый дом «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл»²⁶, бессменным распорядителем которого был Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл (1853–1929). Но принадлежал не сыновьям А. Поклевского, а их двоюродной сестре Анне (1845 — между 1882 и 1889 гг.)²⁷, а позже — ее детям, Ядвиге и Иннокентию²⁸. Поэтому он и не проходил по списку имущества, подлежащего разделу между тремя братьями Поклевскими-Козелл Викентием, Иваном и Станиславом (1868–

²² Тобольская губерния С. ССХЛII.

²³ *Палопеженцев Н.И.* Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии (историко-статистический очерк) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Выпуск II. Тобольск. 1894. С. 55.

²⁴ Там же. С. 57.

²⁵ Там же. С. 74, 76–78; Указ. соч. Выпуск III. Тобольск. 1895. С. 13–14.

²⁶ *Вольский З.* Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб., 1908. С. 484.

²⁷ Список о семействе дворянки Лепельского уезда Витебской губернии Анны Викентьевны Поклевской-Козелл от 25 мая 1882 г. (НИАБ. Ф.2512. Оп. 2. Д. 30. Л. 350–351) содержит точную дату ее рождения — 10 сентября 1845 г. По нотариальному завещанию А.Ф. Поклевского-Козелл (ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 235. Л. 11–12 об.) от 7 апреля 1889 г. она значится уже умершей. Значит, ее смерть приходится на период 1882–1889 гг. Скупую информацию об Анне Поклевской-Козелл дает и М. Яник: *Janik Michai. Dzieje Polakuw na Syberii.* Krakow, 1928. S.381.

²⁸ ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 235. Л. 11 об.

1938) в 1898 г.²⁹ В это время среди рабочих завода насчитывалось 64 поляка.³⁰ Предприятие по-прежнему производило и реализовывало спирт, столовые вина и пиво высшего сорта, отмеченные золотыми медалями научно-промышленных выставок 1887 и 1890 гг.³¹ через сеть своих трактиров, ведерных лавок и складов. Только в Ялуторовском и Тюменском округах в 1890-е гг. «Наследники» владели 2 заводами, 93 трактирами и 7 складами³², а ведь их число постоянно возрастало!

Ежегодная мощность завода при последних владельцах составляла 150 тысяч ведер 40-градусного спирта³³. Как и везде, Поклевские построили здесь для рабочих ясли, душевые, столовую, больницу, клуб. В 1897 г. в Падуне В.А. Поклевским-Козелл была построена деревянная приписная церковь во имя св. Архистратига Михаила. В ней же разместилась и основанная в

1895 г. школа. За церковь без особого штата числились «1 десятина усадьбы и 60 десятин пахотной»³⁴.

Последним управляющим завода был Антоний Егорович Лазовский, представитель ТД «Наследники А.Ф. Поклевского-Козелл» в Ялуторовском уезде, в 1919 г. с 5-й дивизией польских стрелков Сибири отступивший на восток и в итоге оказавшийся в Польше³⁵.

Сами же Поклевские-Козелл покинули страну тоже в 1919 г., а еще в 1914 г., вследствие начала войны и введенного сухого закона, завод встал³⁶.

Пущенный в 1920-м, в 1926 г. он вступил в период консервации. Получая паек, рабочие прогуливали, спирт расхищался, катастрофически не хватало сырья в конце 20-х—30-е гг.³⁷ С момента реконструкции в 1936 г. завод уже не знал сбоя.

В это время усадьба управляющего была превращена в избу-

²⁹ ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 416. Л. 15–20 об.

³⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния, СПб., 1905.

³¹ Об этом сообщают оригинальные бутылочные наклейки продукции заводов Поклевских-Козелл.

³² Список винокуренных заводов Российской империи. 1886/87, 1887/88 годы. СПб., 1890. С. 432.

³³ ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 66. Л. 31.

³⁴ Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913. С. 189. Черданцев И. На талых ключах. Талица. 1992. С. 41.

³⁵ Памятная книжка Тобольской губернии на 1911 год. Тобольск, 1911. С. 243. Показания Будриса Франциска Францисовича // Архив Тюменского регионального управления ФСБ РФ. Д. 9770 по обвинению Матусяка Иосифа Францевича, Копинского Мартина Альбертовича и др. в количестве 14 человек. Ст. 58-10-11, год производства 1937. Т. 2. Л. 32.

³⁶ ГАТО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 2. Л. 434–434 об.

³⁷ ГАТО. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 19. Л. 26.

читальню (до настоящего времени не сохранилась), из сада исчезла копия античной статуи. Начали засоряться и ручьи в верховьях речки Ук. Теперь их только 17 вместо 33-х. А саму речку, давно позабыв старое название, зовут Бардянка (от барда — «гуща, отходы винокурения»).

Поменяв не раз ведомственных хозяев за советское время, ныне АОТ спиртоводочный завод «Заводоуковский» производит ежедневно 2300 *дкал* спирта, 2 тонны углекислоты, 1000–1300 *дкал* водки. На предприятии 9 цехов и участков (в т.ч. недавно пущенный разливочный), в которых трудится около 300 человек. К услугам заводчан магазин, пекарня, бар.

Преемник Падунского винокуренного завода не забыл своего создателя. С января 1995 г. на предприятии налажен серийный выпуск водки «Поклевский», теперь дипломанта двух международных выставок, лауреата Всероссийского выставочного центра в Москве (1999 г.), обладателя золотой медали за высокое качество продукта (1996 г.). Исправив орфографическую ошибку в названии водки на наклейке (первоначально оно писалось «Паклевский»), я передал администрации акционерного общества по

ее просьбе портрет Альфонса Фомича, который вскоре стал тиражироваться на фирменных этикетках, заслуженно пропагандируя имя основателя предприятия. Кроме производства водки «Поклевский» коллектив АОТ «Заводоуковский» создал небольшой музей по истории завода, получив в дар от областного польского общества «Лятарник» копии фотографий Поклевских-Козелл и другие материалы о членах этой семьи.

Вот так в Падуне, как и Талице, Белой Холунице Кировской области и т.д., где заводы Поклевских в строю, хранят память о бывших владельцах, некогда снискавших широкую славу прогрессивным комплексным подходом к решению производственных проблем, умелым хозяйствованием и уважением к труду рабочего человека, и, таким образом, вписавших ярчайшие страницы в историю бизнеса Урала и Сибири. Смог в этом убедиться и приехавший в гости к автору этих строк из Лондона в июле 1996 г. правнук Альфонса Фомича и внук Викентия Альфонсовича, в свою очередь, тоже Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл (род. в 1929 г.), первый из представителей знаменитой фамилии посетивший Сибирь и Урал после 1919 г.

Авторы Ежегодника Тобольского губернского музея

В словаре представлено 59 авторов — ученых, краеведов, исследователей. Словарь преследует единственную цель: дать полную информацию обо всех ученых — исследователях Тобольской губернии конца XIX—начала XX века.

Круг персоналий охватывает лишь тех исследователей, которые соприкасались с краеведением (биология, география, история, археология, этнография, филология).

Словарь рассчитан на широкий круг читателей: краеведов, музейных и библиотечных работников, студентов.

При составлении его кроме опубликованных источников были использованы документы Государственного архива, Тобольского историко-архитектурного музея заповедника.

Материал расположен в алфавитном порядке. В каждой статье помещена библиография основных трудов краеведа и литература, рассказывающая о его жизни и деятельности.

Порядок расположения литературы в прямой и обратной хронологии.

Аделунг Николай Николаевич
(1857—?)
Зоолог

Родился в Штутгарте; в 1877—1878 гг. в качестве вольноопределяющегося принимал участие в русско-турецкой кампании; курс естественных наук слушал в Гейдельбергском университете, где получил степень доктора (1890), состоял ассистентом при зоологических лабораториях в Карлсруэ и Гейдельберге (1891—93) и в городском музее естествознания в Женеве (1894—1897), где специально изучал прямокрылых насекомых под руководством Н. de Saussure. С 1897 г. состоял зоологом Зоологического музея СПб АН. Напечатал ряд энтомологических работ, касающихся систематики и фаунистики прямокрылых насекомых преимущественно полярктической области. С 1903 г. состоял сотрудником по зоологии при СПб бюро по международной библиографии при СПб АН.

Год и место смерти неизвестны.

* * *

Аделунг Н.Н. К познанию фауны прямокрылых Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1905. — Вып. 15. — С. 1–18.

* * *

Брокгауз Ф.А. Аделунг Николай Николаевич / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. / Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь: В 12. — М., 1991. — Т. 1. — С. 101.

Бартенёв Виктор Викторович

(1864—1921)

Политический ссыльный, этнограф

В.В. Бартенёв родился 5 июля в Костромской области, дворянского происхождения, из семьи профессиональных революционеров Е.Г и В.И. Бартенёвых, которые основали русскую секцию I Интернационала международного товарищества рабочих. Мать Бартенёва была известной писательницей и общественной деятельницей. В 1886–1890 гг. — студент юридического факультета Петербургского университета. Был одним из основателей экономического кружка, активистом студенческого научно-литературного общества, где вместе с историком Н.М. Гевсом вёл переговоры о создании и публикации особых программ по сбору краеведческих материалов. С 1886 г. под надзором полиции, проводил кружковые занятия в рабочей среде и военно-учебных заведениях. В марте 1890 г. арестован и ненадолго выслан из столицы. В том же году примкнул к одной из первых социал-демократических организаций — группе М.И. Бруснева, вместе с матерью установил контакты с венгерской социал-демократической партией, сотрудничал в венгерской рабочей газете. 29 мая 1891 г. В.В. Бартенёв административно выслан на 4 года в Тобольскую губернию в г. Обдорск, где жил всё время один. После освобождения из ссылки 5 января 1895 г. по приказу царя уехал в Псков, где жила в ссылке его мать. На основании исследований во время ссылки Бартенёв написал книгу «На крайнем северо-западе Сибири» (1896 г.), в которой он основное внимание уделил природе, населению Обдорска, зырянскому вопросу, проблемам кочевых народов Севера и вымиранию инородцев. Тесно сотрудничал с Тобольским губернским музеем. На страницах «Ежегодника Тобольского губернского музея» напечатал статью «Понятия обдорских остяков о грехе».

Он много сделал для изучения Обского Севера: он записывал наблюдения над периодическими явлениями природы, изучал историю отдельных эпидемий, анализировал закономерности распространения болезней в значительный период времени. Изучал

этнографию. Выступал против расовой теории, отстаивал право народов на самостоятельное развитие. В 1907 г. Бартенёв переехал в Архангельск. К этому времени в его политических взглядах произошёл перелом — от социал-демократии он перешёл на конституционно-демократические позиции. В Архангельске он участвовал в краеведческом движении, был активистом весьма популярного Архангельского общества изучения Русского Севера. Как председатель, он вёл заседания общества, на которых выдвигал многие темы для обсуждения: о колонизации Севера, охране инородцев, национальном вопросе, обострившемся в революционный период, самоуправлении инородцев, охране памятников природы Севера, развитии путей сообщения между Обью и Печорой, о значении собирания и распределения народных песен. 30 января 1917 года Бартенёв выбран товарищами председателем Архангельского общества изучения Русского Севера. С июня того же года на него было возложено редактирование «Известий» — журнала общества, который имел большой авторитет в регионе. Этот материал, собранный и опубликованный Бартенёвым, имеет большую научную ценность. Как редактор «Известий» Бартенёв уже в 1919 г. предоставил в канцелярию Русского Географического общества печатное пособие по карельскому языку.

Умер в 1921 году.

* * *

Бартенёв В.В. Сообщение «Понятия обдорских остяков о грехе» // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895 — 1896. — Вып. 5. — С. 9—12.

Бартенёв В.В. Погребальные обычаи обдорских остяков // Живая старина. — 1895. — № 3 — 4. — С. 35.

Бартенёв В.В. На крайнем северо-западе Сибири: Очерки обдорского края / В.В. Бартенёв — СПб., 1896. — 154 с.

* * *

Рошевская Л.П. В.В. Бартенёв / Л.П. Рошевская, В.К. Белобородов // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX—начала XX века. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — С. 112—218.

Ретунский В.Ф. Государственные преступники. Страницы истории политической ссылки в Зауралье / В. Ф. Ретунский. — Сургут: Сев. Дом., 1992. — С. 67.

Ушакова Л.Н. Советская историография сибирской народнической ссылки 70—середина 90-х годов XIX в. / Л. Н. Ушакова. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 176—200.

Рошевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании / Л.П. Рошевская. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. — 59 с.

Омельчук А. Очерки Обдорского края // Крас. Север. — 1982 — 30 июля. — С. 7.

Рошевская Л.П. Краеведческая работа ссыльных народников в Тобольской губернии // Известия Тюменского отдела Географического общества СССР: Вып. 1 — Тюмень, 1972. — С. 5 — 10.

Швецов С.П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка: Ист.-революц. вестник. — 1928. — № 3. — С. 57–88.

Бахметьев Порфирий Иванович
(1860–1913)

Русский физик и биолог-экспериментатор

Родился 25 февраля 1860 г. Учился в Цюрихском университете (1879–1885 гг.). С 1890 по 1907 г. — профессор Софийского университета. В 1913 г. читал лекции в Университете Шаняевского (Москва). Бахметьев разработал проблемы магнетизма, электричества, биофизики и физической химии, в частности термоэлектричества. Особую известность получили его исследования явления анабиоза при переохлаждении животных (с 1897). Разработал термоэлектрический термометр для измерения температуры у насекомых и показал, что выход из состояния анабиоза возможен, если тканевые жидкости остаются в переохлаждённом, но в жидком состоянии. Бахметьев первый экспериментально вызвал анабиоз у млекопитающих (летучих мышей). Печатался на страницах «Ежегодника». Вёл переписку со Н.Л. Скалозубовым.

Умер 10 ноября 1913 года.

* * *

Бахметьев П. Биометрические исследования из области ботаники // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1908. — Вып. 18. — С. 1 — 20.

* * *

Кулагин Н. Памяти П. И. Бахметьева // Природа. — 1913. — № 10. — С. 54.

Булыгин Сергей Сергеевич
(? — ?)

Казначей, библиотекарь, преподаватель

Со 2-го июля 1906 г. — казначей распорядительного комитета музея.

В 1906 г. — распорядительным комитетом музея избран на должность библиотекаря музея. В этом же году — действительный член музея. Преподавал в Тобольском духовном мужском училище греческий язык и историю. Булыгин С.С. — кандидат духовной академии и является основоположником догматического и нравственного богословий. Печатался на страницах «Ежегодника Тобольского губернского музея».

Даты рождения и смерти не установлены.

* * *

Булыгин С.С. Хозяйственная запись А. Д. Никитина // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск., 1907. — Вып. 17. — С. 1 — 8.

* * *

Тобольский губернский музей за 25 лет его существования // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. 25. — С. 48.

Бутенко Николай Павлович

(? — ?)

Краевед

С 1 января 1899 г. состоял членом распорядительного комитета музея.

Выступал с докладом на общем собрании членов Тобольского губ. музея «По вопросу о введении в круг деятельности музея забот об изучении кустарных промыслов в губернии».

Даты рождения и смерти не установлены.

* * *

Бутенко Н.П. Картины из жизни и природы Урмана // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — 16 с.

Бутенко Н. Доклад комиссии по вопросу о введении в круг деятельности музея забот об изучении кустарных промыслов в губернии / Н. Бутенко, Н. Скалозубов // Ежегодник Тобол. губ. музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — С. 44 — 47.

Бушевич Анс Христофорович

(? — ?)

Помощник присяжного поверенного
Тобольского окружного суда

Участник экспедиции, организованной Тобольским губернским музеем в 1912 г. в район бухты Находка. Экскурсией был собран значительный коллекционный материал и составлено подробное описание своих работ. В этот список вошли 137 видов растений, с обозначением места обитания и степени распространения растений. Среди вещей, вывезенных из б. Находка, были олени упряжки и ряд работ самоедов по кости, например, прибор к ружью, а также четыре живых песца, которые воспитывались музеем в течение 5 месяцев. Затем два из них отправлены в дар Петербургскому Зоологическому саду.

Даты рождения и смерти не установлены.

* * *

Бушевич А. Экскурсия в бухту Находка летом 1912 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1914. — Вып. 22. — С. 1 — 86.

Варпаховский Николай Аркадьевич

(? — ?)

Зоолог (ихтиолог)

Родился 11 ноября 1862 года в Казанской губернии. Окончил курс физико-математического факультета Казанского университета в 1885 году со званием кандидата естественных наук. Занимался исследовательской работой, ихтиологией фауны Казанской губернии и Волжского бассейна, состоял при С.-Петербур. университете, в 1887 году получил степень магистра, впоследствии заведовал по поручению Министерства земледелия рыбным и звериным промыслами в Астраханской, потом в Архангельской губернии. В университете Н.А. Варпаховский специально занимался по ихтиологии, изучив ихтиофауну Казанской губернии, и напечатал результаты своих исследований в «Приложении к протоколам заседаний Общества естествознания» при Казанском университете (1882 год). В 1883–1885 гг. он закончил свои работы по Казанской губернии и приступил к изучению бассейна реки Волги. В 1884 году будучи на четвертом курсе Варпаховский Н.А. получил золотую медаль за сочинение по теме: «Описание разностей и оценка признаков для различия видов карповых рыб Волжского бассейна». По окончании Варпаховский Н.А. был оставлен при С.-Петербур. университете по особому предложению проф. Вагнера, Овсянникова и Богданова. Здесь Варпаховский работал до 1890 года, усиленно готовясь к профессорскому званию. В 1891 г. Варпаховский Н.А. был назначен старшим ревизором Астраханского управления рыбными промыслами. К этому времени относятся наиболее ценные труды Н.А. Варпаховского по ихтиофауне, составившие ему громкую известность не только в России, но и за границей. Далее Н.А. Варпаховский направляется в Сибирь и подробно изучает её ихтиофауну, особенно тщательно бассейн реки Оби, и печатает свои работы в ряде отдельных статей, брошюр и книг, в том числе на страницах «Ежегодника Тобольского губернского музея».

Н.А. Варпаховский принимает новое назначение и едет на Север, чтобы создать там Управление рыбными и звериными промыслами. Задача была невероятно трудная. 800000 кв. вёрст Архангельской губернии заключали в себе такое разнообразие рыб, такую пёструю картину условий рыбного промысла, что необходимо было долгое время знакомиться с местами, собирать коллекции, разрабатывать их и из сопоставленных научных выводов строить систему отдельных промыслов. На эти предварительные работы ушли первые 3 года пребывания Варпаховского на Севере, где он посетил несколько раз Белое море, да-

лее Мурман, Новую Землю, Мезень и Печёру и попутно вёл регистрацию тоней, заборов; знакомился с различными способами посолов рыбы; стараясь улучшить это дело, возбудил перед министерством вопрос о наложении пошлины на иностранную соль и выработал ряд положений по охране промысловой рыбы на Крайнем Севере и регулированию пользования водами, проект введения промысловых старост, условия успешного существования Управления рыбного промысла. В последние годы жизни им были созданы Музей Крайнего Севера, который собрал вокруг себя кружок интеллигенции; сравнительно большая библиотека по вопросам естествознания и рыбного дела, в которую пожертвовал все свои научные книги, зоологическая и химическая лаборатории. При музее была учреждена общественная читальня.

После долгой и продолжительной болезни Н.А. Варпаховский умер 12 февраля 1909 г.

* * *

Варпаховский Н.А. Зимнее заграждения на р. Оби // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 1—12.

Варпаховский Н.А. Каталог и объяснение коллекции, представленных в Тобольской губернии на художественно-промышленную выставку в Нижнем Новгороде в 1896 г. / Н. А. Варпаховский А. И. Юрасов, А. А. Дунин-Горкавич // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 4.

Варпаховский Н.А. Краткое описание фотографических снимков, сделанных во время поездок по р. Иртышу, р. Оби и в Обской губе // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — С. 1—16.

Варпаховский Н.А. Крючковые снасти Обско-Иртышского бассейна и «юрый» промысел на Иртыше // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 1—20.

Варпаховский Н.А. Несколько слов о рыбах бассейна реки Оби и местных способах приготовления рыбных товаров // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 1—21.

Варпаховский Н.А. Рыбный промысел в бассейне реки Оби // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 1—8.

Варпаховский Н.А. Сушка рыбы // Югра. — 1994. — № 8 — С. 34.

* * *

Брокгауз Ф.А. Варпаховский Николай Аркадьевич / Брокгауз Ф.А., Ефрон И. А. // Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. В 12 т. — М.: Большая рос. энцикл., 1993. — Т. 3 — С. 86.

Домогатский А. На пользу России // Рыболовство. — 1987. — № 2. — С. 18—19.

Крамер Ю. Н.А. Варпаховский / Ю. Крамер. — Архангельск: Губ. тип., 1909. — 13 с.

Газенвинкель Константин Борисович
(1850–1896)
Историк

Родился в 1850 г. Автор сочинений: «Книги разрядные как материал для истории Сибири» (Казань, 1892), «Государево жалованье послушникам сибирским» (Тобольск, 1922).

Умер в 1896 году.

* * *

Газенвинкель К.Б. Сборник действующих в Тобольской губернии узаконений и распоряжений по следственной части // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1888. — Вып. 4. — С. 160.

Газенвинкель К.Б. Епитимшики и колодники Кондинского монастыря прошлого и начала нынешнего столетия // Календарь Тобольской губернии на 1890 год. — Тобольск, 1889. — С. 261–268.

Газенвинкель К.Б. Об условиях производства формальных следствий по закону 25-го февраля 1885 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1889. — Вып. 5 — 45 с.

Газенвинкель К. Б. Государево жалованье послушникам сибирским. К истории Сибири XVII в. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1892. — Вып. 1 — 22 с.

Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных их описях, как материал для истории Сибири XVII века / К.Б. Газенвинкель. — Казань, 1892 — 79 с.

Газенвинкель К.Б. Материалы для справочно-библиографического словаря сибирских деятелей: Деятели XVI и XVII вв. Князья Шаховские, Щербатовы и Мосальские // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1892. — Вып. 1. — С. 70 — 90.

Газенвинкель К. Б. Обские пираты прошлого века // Ист. вестник. — 1893 — Т. 53. — С. 455–468.

Газенвинкель К.Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с прописью и в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века // Календарь Тобольской губернии на 1893. — Тобольск. — 58 с.

Газенвинкель К.Б. Городские и сельские приходские училища в Тобольской губернии за период времени с 1884 по 1894 гг. // Календарь Тобольской губернии на 1895 г. — Тобольск, 1894. — С. 158–164.

Газенвинкель К.Б. Материалы для справочно-библиографического словаря сибирских деятелей // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895. — Вып. 3. — С. 1–22.

* * *

Азадовский М.К. Газенвинкель Константин Борисович / Азадовский М.К. Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. — Новосибирск: Сиб. краевое изд-во, 1932. — Т. 1. С. 590.

Гордягин Андрей Яковлевич
(1865–1932)

Ботаник, эколог, физиолог растений, почвовед, профессор Казанского университета, создатель Казанской геоботанической школы

Родился 17 октября 1865 г. в Перми, где и окончил гимназию в 1884 году.

Осенью этого же года поступил на медицинский факультет Казанского государственного университета, но в 1885 г. перешел с последнего курса на физико-математический факультет, который и окончил в 1888 г. со званием кандидата естественных наук, после представления диссертации: «Растительность окрестностей Красноуфимска Пермской губернии». По окончании курса он занимается по поручению Общества естествоиспытателей почвенными и ботаническими исследованиями Казанской губернии. С 1889 г. оставляется профессорским стипендиатом на кафедре ботаники. В 1891 г. принят в приват-доценты Казанского университета и состоит вместе с тем хранителем музея при ботаническом кабинете. В 1893 г. был командирован с учебной целью внутри России, а в декабре того же года едет на съезд врачей и естествоиспытателей в Москву. В 1895–1896 гг. произвёл почвенно-ботанические исследования на юге Тобольской губернии и совершил кратковременную экскурсию в районы Акмалы и Кокчетав. В 1897 г. Гордягин вторично объездил южную часть Ишимских степей и районы Кокчетавских возвышенностей. В 1899 г. он объехал северную часть Тобольской губернии вплоть до с. Самарова и пересек с севера на юг южную часть Тобольского и весь Ишимский уезд по маршруту: Тобольск—Абалак—Черная—Балахлит—Готопутово—Абатское—Ишим—Петропавловск. Всего было пройдено на лошадях свыше 9 тысяч верст. Во время путешествия больше всего уделял внимание изучению почв, чтобы выяснить особенности растительного покрова в разных частях территории. Главный труд Гордягина по этой теме «Почвы Тобольской губернии», в котором материал описывается по группам почв: черноземные, солонцовые, подзолистые, темно-серые и серые, песчаные. В 1896 г. А. Я. Гордягин работает в Петербургском Ботаническом саду с целью обработки собранных им ботанических коллекций; в 1897 г. получает более прочное положение при Казанском университете: ему поручается чтение курса анатомии и физиологии растений, с окладом 1200 рублей. В 1898–99 годах читает уже лекции по вакантной кафедре ботаники, не оставляя вместе с тем чтения курсов анатомии и физиологии растений. В 1901 г. за сочинение «Материал к познанию почв и растительности Западной Сибири», представленное на соискание степени магистра, Андрей Яковлевич получает степень доктора ботаники за выдающиеся достоинства работы, и в сентябре того же года назначается экстраординарным профессором на кафедре ботаники. За ту же работу получил от Русского Географического общества серебряную медаль имени П.М.

Пржевальского. В 1904 г. на летние вакации командирована с учебной целью в Тургайскую, Акмолинскую области, Оренбургскую и Тобольскую губернии. Была опубликована работа «К флоре Акмолинской области». В 1908 г. получает заграничную командировку на вакационное время в Австрию и Швейцарию для ознакомления с постановкой учебно-вспомогательных учреждений по кафедре ботаники в этих странах. В этом же году принимает участие в преподавании в Казанском ветеринарном институте, а в зимние вакации в Москве и Ленинграде — изучающим организацию ботанических садов. В 1909 г. переводится в Саратовский университет на должность профессора ботаники. В 1916 г. Андрей Яковлевич получает звание заслуженного профессора. В 1919 г. он является одним из организаторов лесного факультета при университете, организует сельскохозяйственный факультет при Казанском политехническом институте. В 1922 и 1923 гг. занимает пост председателя Почвенного комитета области. В 1924 г. командирован в Ленинград на совещание геоботанической секции бюро съездов Госплана. В 1925 г. Андрей Яковлевич командирован правлением Казанского университета в Бугурусланский уезд Самарской губернии для научно-исследовательской работы в течение вакационного времени. С 1929 г. член-корреспондент АН СССР. Основные научные работы посвящены изучению почв и растительности территории востока европейской части страны, Западной Сибири и Северного Казахстана. Разработал теорию последовательности образования лесной и степной растительности, объяснил происхождение сибирских чернозёмов и солонцовых почв. Первый в России стал применять метод математической статистики в оценке геоботанических наблюдений.

Умер А.Я. Гордягин в 1932 г.

* * *

Гордягин А.Я. Очерк растительности окрестностей города Красноуфимска Пермской губернии // Труды общества естествознания Казанского университета. Вып. 18. — 1888. — С. 15.

Гордягин А.Я. Ботанико-географические исследования в Казанском и Лаишевском уездах / Труды общества естествознания Казанского университета. — Вып. 22. — 1889. — С. 3.

Гордягин А.Я. Предварительный отчёт о почвенных исследованиях в Казанском и Лаишевском уездах Казанской губернии // Труды общества естествознания Казанского университета. — Вып. 22. — 1889. — С. 36.

Гордягин А.Я. Заметки о почвообразовательной деятельности Муравьёва // Труды общества естествознания Казанского университета. — Вып. 23. — 1890. — С. 40.

Гордягин А.Я. Почвы северо-западной части Казанской губернии // Труды общества естествознания Казанского университета. — Вып. 25. — 1892. — С. 42.

- Гордягин А.А.* К биологии // Труды общества естествознания Казанского университета — Вып. 26. — 1893. — С. 47.
- Гордягин А.А.* Обзор работ общества естествоиспытателей при Казанском университете по ботанике с 1869 по 1884 г. // Труды общества естествознания Казанского университета — Вып. 27. — 1894. — С. 5.
- Гордягин А.А.* Некоторые данные о фауне Муравьёва Восточной России // Труды общества естествознания Казанского университета. — Вып. 27. — 1894. — С. 35.
- Гордягин А.А.* Растительность известковых скал на р. Туре в Пермской губернии // Труды общества естествознания Казанского университета. — Вып. 28. — 1895. — С. 5—20.
- Гордягин А.А.* Геоботанические исследования в южной полосе Тобольской губернии в 1896 г. / А. Я. Гордягин. — Тобольск, 1897. — С. 6—10.
- Гордягин А.А.* Клейстогамия и гигроскопические изгибы у некоторых злаков / // Труды общества естествознания Казанского университета. — Вып. 28. — 1895. — С. 30.
- Гордягин А.А.* О коллекции почв Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895—1896. — Вып. 5. — С. 1—21.
- Гордягин А.А.* Предварительный отчёт о геоботанических исследованиях в южной полосе Тобольской губернии, произведённых в 1896 году // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1897, — Вып. 7. — С. 1—36.
- Гордягин А.А.* Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири // Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. 34. Вып. 3. — Казань, 1900. — С. 8.
- Гордягин А.А.* Почвы Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1901. — Вып. 12. — С. 16—115.
- Гордягин А.А.* К флоре Акмолинской области // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 27. — С. 1—56.

* * *

Бабий Л.Л. Гордягин Андрей Яковлевич / Бабий Л. Л. Коханова Г.Г. // Бабий Л.Л. Биологи: Биограф. справочник. — Киев: Наукова думка, 1984. — С. 186. Казанский университет. 1804—1979: Очерки истории. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. — С. 53.

Наумов Г.В. Русские географические исследования Сибири в XIX—начале XX в. / Г. В. Наумов. — М., 1965. — 130 с.

Городков Борис Николаевич (1890 — 1953)

Ботаник, ландшафтовед, учёный-путешественник,
исследователь Сибири

Родился в Тобольске 2 февраля 1890 г. На развитие научных интересов будущего геоботаника, тундроведа, географа, почвовед и путешественника большое влияние оказал Тобольский музей, активным сотрудником которого был отец Городкова, преподаватель истории и литературы Николай Александрович Городков, увлечённый, склонный к исследовательской деятельности человек.

Несмотря на свою загруженность он уделял много времени детям, направлял их интересы, старался привить любовь к литературе, истории, природе, родного края. Борис рано становится читателем богатой библиотеки Тобольского музея, помогает отцу, выполнявшему одно время обязанности хранителя библиотеки, в благоустройстве книжного фонда. Интерес Бориса к библиотеке и географии был побуждён влиянием Тобольского музея. Исследовательские интересы юного Городкова удовлетворялись в экскурсиях по живописным тобольским окрестностям. Возвращаясь в город с образцами видов растений, насекомых, Борис садился за обработку собранного материала. Интересные экспонаты, переданные им в Тобольский музей ещё в те годы, бережно хранятся в фондах до настоящего времени. Поступив в Петербургский университет, он все студенческие каникулы проводит в экспедициях по Западной Сибири. И в 1910 году Тобольский музей поручает Б. Н. Городкову самостоятельное экспедиционное обследование реки Конды. Результаты этого исследования опубликованы в журнале «Землеведение». В 1911 году Городков изучает природу, растительность, животный мир на реке Салым. В 1912 году он описывает растительность Ишимского уезда Тобольской губернии, а в 1913 году, получив средства от Академии наук, инструменты и снаряжение от Русского Географического общества и Тобольского музея, отправляется на реку Вах (приток средней Оби), бассейн которой до этого оставался неизученным. В 1914 году молодой исследователь — на реке Полуи, в 1915-м — на Приполярном Урале. Лето 1917 года он встречает в низовьях Оби. Родной город становится для учёного отправным пунктом, от которого он уходит всё дальше на север, каждой своей экспедицией «закрывающая» очередное «белое пятно» на карте Западной Сибири. Самым большим таким пятном на территории Тюменской области был Обско-Тазовский водораздел с бассейнами рек Пур и Таз и расположенный между Обской губой и Енисейским заливом Гыданский полуостров. Места, известные своими крупнейшими газовыми месторождениями, были не только не исследованы, но их старались не посещать даже кочевники-ненцы. Именно в этих местах по инициативе Городкова в 1923 году была проведена одна из первых крупных советских экспедиций в Западной Сибири. Экспедицией была составлена карта рек Агана и Пура, собраны первые сведения о природе, ресурсах и населении этого края. Работа экспедиции получила высокую оценку Географического общества СССР, наградившего Б.Н. Городкова медалью имени П.И. Пржевальского. В 1927–1928 годах Б.Н. Городков проводит одну из самых трудных своих экспедиций — Гыданскую, которая продолжалась 14 месяцев. Гыданской экспедицией на собаках, лодках было пройдено 5 тыс. км, маршрутные ис-

следования не прекращались ни в тяжелых условиях полярной ночи, ни в весеннюю ростепель. В распоряжении учёных, специалистов появилась достоверная карта Гыданского полуострова. По материалам экспедиции Б.Н. Городковым было опубликовано 15 статей и заметок, посвященных комплексной характеристике природы, особенностям населения и хозяйства этого края. С 30-х годов начинается новый этап в исследовании и освоении Крайнего Севера. Борис Николаевич был одним из создателей Института оленеводства и с 1932 года заведовал в нём сектором геоботаники и кормов. Под его руководством за короткий срок была проведена инвентаризация кормовых угодий оленеводства всего Крайнего Севера. В 1935 году Городков проводит исследования в низовьях Лены, а в 1938 году — на острове Врангеля. Из-под его пера выходят работы: «Естественные пастбищные угодья тундровой зоны ДКВ» (1933), «Геоботанический и почвенный очерк Пенжинского района Дальневосточного края», «Материалы для познания горных тундр Полярного Урала» (1935), «Растительность Арктики и горных тундр СССР» (1938), «Ботанико-географический очерк Чукотского побережья» (1939). В 1936 году при непосредственном участии Городкова создаётся карта растительности СССР в масштабе 1: 2500000. В предвоенные годы Городков проявляет значительный интерес к вопросам геоботанического районирования. В 1937 году его приглашают на преподавательскую работу в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Ему поручается важный в цикле подготовки географа курс физической географии. В 1938 году Городков избирается заведующим кафедрой физической географии. Возглавляет физико-географический и географический факультет в целом (с 1939 по 1942 год — декан), он много сделал для улучшения подготовки преподавателей географии. Борис Николаевич мобилизует усилия сотрудников кафедры на создание первой ландшафтной карты страны в масштабе 1: 5000000. К сожалению, эта работа была прервана войной. Отдавая полностью силы для работы, он не мог создать себе даже сносных условий жизни. Немолодой уже учёный голодал. К истощению прибавился быстро прогрессирующий туберкулёз. В декабре 1942 года его положили в больницу. Внимание врачей и товарищей помогло Б.Н. Городкову встать на ноги. Едва поднявшись, он вернулся к научной работе. Борис Николаевич уделяет много времени разработке теории о движущих силах и стадиях развития растительности и природных комплексов. В 1944 году Городков возвращается в Ленинград. С 23 августа Борис Николаевич приступает к заведованию кафедрой пединститута, налаживает работу сектора «Арктика» в Бине, активно ведёт естественнонаучную программу. В трудное послевоенное время Б. Н. Городковым планируется серия новых экспедиций. В 1946 году, сле-

дую своей мечте объехать все тундры СССР, он организует экспедицию на западное побережье Таймыра. В 1948 году он отправляется в высокоширотную Арктику, посетив мыс Челюскин, остров Диксон, Октябрьской Революции, Домашний, Визе, бухту Ломоносова на Таймыре. Обработать полностью огромный материал экспедиции помешала болезнь и преждевременная смерть Б.Н. Городкова. Однако часть материалов составила основу таких работ, как «Происхождение Арктических пустынь и тундр» (1952), «Растительность и почвы о. Котельный» (1956), «Почвенно-растительный покров о. Врангеля» (1958). В 1949 году Б.Н. Городков вместе с сыном отправляется на европейский северо-восток для проверки выводов об изменении природы при хозяйственном освоении территории Печорского края. Также работы были проведены в окрестностях Салехарда. Исследуя вечную мерзлоту, он спускался в шахты, изучал деформации сооружений, вызванные мерзлотными процессами. Учёного интересовало также сельскохозяйственное использование тундры. Эта поездка была последней в экспедиционной деятельности Б.Н. Городкова. За 39 лет им было совершено 26 экспедиций. Ухудшающееся здоровье не позволило более проводить полевые исследования в суровых условиях полярных работ. Пережитая блокада и вызванная дистрофией тяжёлая болезнь подорвали здоровье Бориса Николаевича.

Утром 25 мая 53-го Б.Н. Городкова не стало. Похоронен на Большеохтинском кладбище в Ленинграде.

* * *

Городков Б.Н. Список растений, собранных на р. Салым в 1911 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 21. — С. 1–34.

Городков Б.Н. Очерк растительности низовьев реки Конды // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1912. — Вып. 20. — С. 1–61.

Городков Б.Н. Список растений, собранных на р. Салым в 1911 году // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1911. — Вып. 20 — С. 35–62.

Городков Б.Н. Река Конда. // Землеведение. — 1912. — № 3 — 4. — С. 172–211.

Городков Б.Н. Поездка в Салымский край // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1913. — Вып. 21. — С. 34.

Городков Б.Н. Краткий отчёт о совершённой в 1915 году поездке в Ленинский край Тобольской губернии // Известия Академии наук. — 1916. — Сер. 6. — Т. 10. — № 2. — С. 91–94.

Городков Б.Н. Наблюдения над жизнью кедра в Западной Сибири: [Реф. докл.] // Известия Академии наук. — 1916. — 6-я серия. — № 11. — С. 881.

Городков Б.Н. Опыт деления Западно-Сибирской низменности на ботаническую, географическую области (с картой ботанических, географических областей) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 27. — С. 56.

Городков Б.Н. Западносибирская экспедиция Российской Академии наук // Природа. — 1924. — № 7–12. — С. 3–32.

- Городков Б.Н.* Полярный Урал в верхнем течении рек Оби и Войкара // Известия АН СССР. — 1926. — № 9. — С. 747–766.
- Городков Б.Н.* Гыданская экспедиция АН СССР // Науч. слово. 1929. — № 3 — С. 94 — 99.
- Городков Б.Н.* Почвы тундры // Природа. — 1929. — № 7–8. — С. 704–707.
- Городков Б.Н.* Почвы Гыданской тундры // Труды Полярной комиссии АН СССР. — 1932. — С. 5–109.
- Городков Б.Н.* Растительность тундровой зоны СССР // Издание АН СССР. — М. — Л., 1935. — С. 3–10.
- Городков Б.Н.* Растительность Полярного и Северного Урала // Природа Урала. — Свердловск, 1936. — С. 101–118.
- Городков Б.Н.* Растительность Арктики и горных тундр СССР / Б.Н. Городков. — М.—Л., 1938. — С. 297–357.
- Городков Б.Н.* Карта растительности СССР масштаба 1: 5000000 (Арктика и Сибирь). Бот. ин-т АН СССР, 1939. — 2 с.
- Городков Б.Н.* Об особенностях почвенного покрова Арктики // Издание Государственного Географического общества: Т. 21. — № 10. — 1939. — С. 1516–1532.
- Городков Б.Н.* Движение растительности на севере лесной зоны Западно-Сибирской низменности // Проблемы физической географии. — 1946. — № 12. — С. 81–105.
- Городков Б.Н.* Предварительный отчёт о геоботанических исследованиях в северо-западной части Таймырского полуострова в 1946 г. / Б.Н. Городков. — Таймыр, 1946. — 26 с.

* * *

- Надточий Ю.* Имя тоболяка на карте мира // Тобол. правда. — 1995. — 15 февр. — С. 5.
- Козин В.В.* Слово об учёном // Югра. — 1994. — № 10. — С. 30–32.
- Надточий Ю.* Выдающийся исследователь // Тобол. правда. — 1983. — 21 сент. — С. 4.
- Козин В.В.* К верховьям неведомых рек: Жизнь и путешествия Б.Н. Городкова / В. В. Козин. — М.: Мысль, 1981. — 119 с. — Рец.: Лучинский Е. — Сиб. Огни, 1981. — № 10. — С. 188–189.
- Омельчук А.К.* Нехоженым маршрутом. // Красный Север. — 1981. — 15 янв. — С. 5.
- Козин В.В.* Гражданский подвиг: К 90-летию великого учёного и путешественника-тоболяка Б.Н. Городкова // Тобол. правда. — 1980. — 9? (3) февр. — С. 6.
- Омельчук А.* Учёный-тоболяк // Тюм. правда. — 1978. — 9 июля. — С. 3.
- Тобояков В.К.* К верховьям исчезнувшей реки / В. К. Тобояков. — М., 1930. — 120 с.

Городцов Пётр Алексеевич (1865–1919)

Исследователь устного народного творчества

Родился 10 января 1865 года в семье дьякона села Дубровичи Рязанского уезда Рязанской губернии. В 1875 году поступил в Рязанское духовное училище. В училище и семинарии, где затем

он продолжил образование, Пётр учился очень хорошо и, возможно, достиг бы некоторых высот на духовном поприще. Но в 1883 году, вероятно, под влиянием старшего брата, Пётр Алексеевич выходит из духовного звания и блестяще сдаёт вступительные экзамены в Демидовский юридический лицей в Ярославле. По окончании курса ему было предложено остаться при лицее, но он уезжает в Рязань, где принимает участие в работах своего старшего брата, известного впоследствии археолога В.А. Городцова. Они «обследовали стоянки в окрестностях сел Борки, Тумашева и Алканово Рязанской губернии». За эти работы П.А. Городцов был избран действительным членом Рязанской ученой архивной комиссии. Приказом по ведомству юстиции от 29 января 1894 года П.А. Городцов был назначен исполняющим должность судебного следователя по Тобольской губернии. С этого времени до 1908 года П. А. Городцов занимал должность крестьянского начальника одного из участков Тюменского уезда. На время работы Городцова в качестве крестьянского начальника приходится и пик его собирательной деятельности. Ему удалось наладить контакт со «знатоками»: сказителями, знахарями, общение с которыми и дало возможность записать столь обильный и уникальный материал по фольклору крестьян Тюменского уезда. Основная масса собранных им материалов датирована 1906–1908 гг. После увольнения Пётр Алексеевич переезжает в Тюмень, где с 1909 года служит присяжным поверенным, а с 1914 года — председателем отделения общества борьбы с детской смертностью в России. Одновременно он занимается интенсивной собирательской деятельностью, часто приглашая крестьян из дальних деревень к себе домой. В это же время он обрабатывает собранный ранее материал и готовит к печати. 16 июля 1919 года Пётр Алексеевич Городцов умер на пятьдесят пятом году жизни, прожив недолгую, но яркую жизнь. Его упорная многолетняя работа по собиранию устного творчества заслуживает глубокого признания, а его имя должно занимать подобающее место в ряду крупных сибирских этнографов.

* * *

Городцов П.А. Мамонт: (Западно-сибирское сказание) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1910. — Вып. 18. — 4 с.

Городцов П.А. Два гадания: (У крестьян Тюменского уезда) / П.А. Городцов. — Тюмень, 1915. — С. 67, 87–96.

Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. 26. — С. 1–65.

Городцов П.А. Сибирская язва // Записки Тюменского общества научного изучения местного края — Тюмень, 1924. — Вып. 1. — С. 53–101.

* * *

- Беспалова Л.Г.* [П.А. Городцов и его тюменские сборники УНТ] // Беспалова Л.Г. Тюменский край и писатели XVII—XIX веков / Л.Г. Беспалова, Ю.М. Беспалова. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1999. — С. 231–244.
- [Пётр Алексеевич Городцов] // Литература Тюменского края: Кн. для учителя и ученика / Под ред. Н.А. Рогачёвой. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 27–30.
- Темплинг В.Я.* Пётр Алексеевич Городцов // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала: Проблемы филологии, истории, образования: В 2 т. Тюмень, 1995. — Т. 2. — С. 170–178.
- Темплинг В.Я.* К реконструкции фольклорно-этнографического архива П.А. Городцова // Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири. — Тюмень, 1994. — С. 141–143.
- Ончуков Н.Е.* П.А. Городцов: Западно-сибирский этнограф // Сибирская живая старина. — Иркутск, 1928. — Вып. 7. — С. 122–126.

Гурский Иван Васильевич

(? — ?)

Надворный советник, воспитатель пансиона
Тобольской губернии

Автор статьи «Поездка на Северный Урал», напечатанной в вып. № 1 «Ежегодника Тобольского губернского музея». Летом 1892 года тобольским купцом А.А. Сыромятниковым снаряжена экспедиция на Северный Урал. В ней принимал участие И.В. Гурский. Цель поездки: исследования залежей медной руды, находящихся на западном склоне на берегах речки Большая Хорута, впадающей в Лембу — приток реки Усы. Маршрут экспедиции: от Тобольска до с. Самарова — на пароходе, от Самарова до села Мужы — в крытой лодке (наюк), от села Мужы — по Оби до устья реки Войнара и вверх по Войнаре до подошвы села Урал — в небольших лодках, и наконец, через Урал — на оленях, которых предполагали нанять в селе Мужы. Кроме того, А. А. Сыромятников взял на себя все хлопоты и издержки по устройству экспедиции. В ней приняли участие лесничий А.А. Андреевич, кандидаты естественных наук А.К. Боянусь, М.К. Кокшаров. Эта работа представляет собой дневник Гурского И.В., который он вёл в течение всей поездки от города Тобольска до села Мужы, по рекам Войнара и Нельк на Северный Урал.

В результате этой поездки были исследованы реки: Малая Обь, Восточная Войнара, Нельк, берег Малой Западной Харуты. Дата рождения и смерти не установлена.

* * *

Гурский И.В. Вода Иртыша в санитарном и гигиеническом отношении: Физико-химическое исследование / И. В. Гурский. — Тобольск: Тип. Тобол. губ. правл., 1892 — 39 с. — (Отг. Из «Календаря Тобол. губ. на 1893 г.»)

- Гурский И.В.* Поездка на Северный Урал // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1893. — Вып. 1. — С. 70–90.
- Гурский И.В.* Сведения о гигиенических условиях жизни воспитанников тобольской гимназии / Сост. И. В. Гурский. — Тобольск: Тип. Тобол. губ. правл. 1893. — 17 с.
- Гурский И.В.* Во что обходятся суеверия. (Жертвоприношения у северных охотников) // Урал. охотник. — 1930. — № 1. — С. 33–35.

Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич
(1885–1921)

Сельский учитель, исследователь края

Г.М. Дмитриев-Садовников — один из тех замечательных людей, которых дал Северу Тобольск. Родился 3 ноября 1885 года в семье коренного тоболяка Матвея Васильевича Дмитриева-Садовникова; детские и юношеские годы прошли в Тобольске. Окончил Тобольское уездное училище. Выучившись на псаломщика, он в 1891–1892 гг. служил в Сургутской Троицкой церкви, а в 1892–1898 годах в селе Шекуринском Берёзовского округа, где вместе с известным краеведом священником В. Н. Герасимовым занимался археологическими раскопками и участвовал в делах Тобольского губернского музея. Григорий Матвеевич прожил в Ларьяке без малого 10 лет и, что особенно примечательно, именно здесь, в лесной глуши, и сформировался как учитель, исследователь и гражданин. В конце 1903 года назначается учителем школы в селе Ларьякском Сургутского уезда. Здесь он воплотил в жизнь многие свои замыслы: занимался огородничеством (выращивал горох, редьку, свеклу, морковь и получал хороший урожай), освоил столярное дело, в Сургуте в крестьянской мастерской выучился лудить медную посуду и ремонтировать ружья, летом 1908 года овладел в Тобольске слесарным и кузнечным ремёслами. Страстный охотник, влюблённый в природу, и вообще пытливый, наблюдательный человек, с широким кругом интересов, он ежегодно совершал экскурсии в бассейне р. Вах и постепенно заявлял о себе как о подающем надежды этнографе и географе. Почти весь исследовательский путь его был связан с деятельностью Тобольского губернского музея. Начиная с 1911 года, он — один из самых активных его помощников на севере губернии и постоянный корреспондент музейного «Ежегодника». Музей регулярно получал от него экспонаты из села Ларьякского Сургутского уезда, где он начал служить учителем не позднее 1909 года, предметы для своих коллекций. Так, в 1912 году получены в виде пожертвования три экспоната и, кроме того, приобретён гербарий, собранный в долине реки Вах. В

1914 году к ним прибавились ещё 26 предметов, а в 1915 году — более десятка. Они оказались очень ценным пополнением в этнографической коллекции. «Среди этих предметов чрезвычайно любопытна семья кукол, состоящая из пяти лиц — старика отца, его жены, сына, его жены и внука; наряды этой группы удивительно выдержаны, тщательно сработаны и стильны»; остяцкая стрела «читела-папуг» «свистун стрела», которой вместо обычного костяного или железного наконечника сделан значительных размеров, полый внутри, деревянный набалдашник в форме яйца с двумя отверстиями с обеих сторон; несколько вещей инородцев Севера: великолепный нож, ножны и ручка из мамонтовой кости — работы самоедов Ямала. В середине второго десятилетия XX века интересы Г.М. Дмитриева-Садовникова переключились на Ямальский Север. К этому времени он имел и прочие связи, и общие научные интересы с хранителем фондов Тобольского губернского музея В.Н. Пигнатти и Б.Н. Городковым. В 1913 году молодой исследователь принял участие в экскурсии музея в долину реки Вах вместе с Б.И. Городковым. В 1914 году им была совершена экспедиция на реку Полуй.

За время этой поездки, продолжавшейся менее месяца, было собрано 600–680 листов цветковых растений, около 300 листов мхов, лишайников и породистых грибов, произведена маршрутная съёмка пройденного пути по реке, сделано 60 снимков, преимущественно растительности, взяты почвенные образцы, привезено несколько остяцких изображений шайтанов. Летом 1916 года он совершает поездку от Тобольского губернского музея в низовья реки Надым с общегеографическими целями: занимается маршрутной съёмкой, этнографическими и археологическими исследованиями, участвует в сборе коллекции насекомых и птиц. В Обдорске записывал частушки, в которых своеобразно преломилась тема первой мировой войны. Осенью 1918 года он стал заведовать библиотекой губернского музея и извещал через «Тобольское народное слово» о днях и часах, по которым принимал читателей. Кроме того, читал в музее лекции по родиноведению, проводил экскурсии.

В 1919 году Дмитриев-Садовников — один из ведущих сотрудников «Тобольского народного слова». В 1921 году, когда Наркомвнешторг готовил крупную экспедицию для научно-экономического исследования Обь-Урало-Печёрского Севера, предполагалось обследование рыбных и охотничьих промыслов, лесного дела, оленеводческого хозяйства, месторождений полезных ископаемых, почвенно-ботаническое обследование, изучение возможностей экспорта северного сырья. В Обдорск он с азартом вклю-

чился в эту работу в качестве сотрудника экспедиции. Спустя 5 лет его статья о рыболовных промыслах появилась в печати. Экспедиции не суждено было состояться из-за последовавших вскоре кровавых событий, охвативших весь Тобольский Север. О гибели Дмитриева-Садовникова до сих пор не имеется каких-либо точных сведений. Родственники же считают, что летом 1921 года он был схвачен на улице какими-то военными людьми и расстрелян, в эти же дни от шальной пули погиб его сын Андрей.

* * *

- Дмитриев-Садовников Г.* Ваховская область // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 21. — С. 1–8.
- Дмитриев-Садовников Г.* С реки Вах Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1909 — Вып. 19 — С. 1–21.
- Дмитриев-Садовников Г.* Богатырь реки Сабуна, правого притока реки Ваха / Г. Дмитриев-Садовников. — Тобольск, 1910. — Вып. 20. — С. 1–4.
- Дмитриев-Садовников Г.* Наблюдения над явлениями природы четырёх времён года на реке Вахе: Рукопись — Ларьякское, 1913. — 21 с. — [ТГИ-АМЗ, научный архив, д. 935].
- Дмитриев-Садовников Г.* О вымирании инородцев р. Ваха, их болезнях и лекарствах: Рукопись. — Ларьякское, 1913. — 16 с.
- Дмитриев-Садовников Г.* Лук ваховских остяков и охота с ними // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. 24. — С. 1–32.
- Дмитриев-Садовников Г.* На Вахе // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. 26. — С. 1–15.
- Дмитриев-Садовников Г.* Береста и изделия из нее у остяков р. Ваха // Живая старина. — 1916. — № 1. — С. 7.
- Дмитриев-Садовников Г.* «Безрыбье р. Иртыша // Земля и воля. — 1918. — № 35. — С. 3.
- Дмитриев-Садовников Г.* Река Надым // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1918. — Вып. 28. — С. 1 — 24; 1919 — Вып. 29 — С. 25–43.
- Дмитриев-Садовников Г.* Река Полуй // Известия Русского Географического общества. — М., 1919. — Т. 52. — С. 493–497.
- Дмитриев-Садовников Г.* Рыболовные осенние и зимние промыслы окрестностей Обдорска // Урал. Север. — 1928. — Вып. 8. Ч. 1. — С. 157–177.

Дунин-Горкавич Александр Александрович
(1854–1927)

Исследователь Севера

В конце лета 1890 года жители Тобольска приметили на улицах города приезжего в форме лесного ведомства. Выправку имел военную, на чистом, чуточку продолговатом лице выделялись большой нос и глаза, пристально-внимательные, изучающие. Среди интеллигенции прошел слух: прибыл новый лесничий Самаровского лесничества, Александр Александрович Дунин-Горкавич.

Дунин-Горкавич не был уроженцем Сибири. Он родился 10 апреля 1854 года в Гродненской губернии в семье обедневшего польского шляхтича. Родителям стоило большого труда дать сыну образование. Но способности Александра и его упорство позволили ему успешно закончить Гродненскую гимназию и Лисинское лесное училище. На Тобольский Север Дунин-Горкавич прибыл имея чин унтер-офицера. Принимал участие в 1875 году в русско-турецкой кампании. 20-летний опыт работы в Царско-сельском лесничестве, лесах Самарской и других губерниях, в Тобольск поехал по своей воле.

В то время А.А. Дунин-Горкавич не думал, что проживёт на Тобольском Севере до конца своих дней (40 лет) и вся жизнь его будет посвящена изучению Тобольского края. «Ознакомление моё с Севером происходило постепенно, — принимал Дунин-Горкавич, — сначала необходимо было входить в постоянное соприкосновение с населением по делам службы. Затем это дело меня так заинтересовало, что пришлось поставить своей задачей изучение края, связать с ним значительную долю своей деятельности».

Что же побудило главного тобольского лесничего А.А. Дунина-Горкавича заняться этой наукой (этнографией) и посвятить свою жизнь изучению коренных народностей, населяющих пространство Тобольского Севера?

Сам Дунин-Горкавич писал: «Исключительной целью, ради которой я потратил время, труд и средства, было заинтересовать известную часть общества условиями быта обитателей края и обратить внимание надлежащих сфер на его положение».

Большую роль в формировании научных взглядов Дунина-Горкавича сыграл губернский агроном, бессменный хранитель Тобольского музея Н.Л. Скалозубов. По его совету Дунин-Горкавич приступил к подбору коллекций, орудий труда и предметов быта коренных народов Обского Севера. Все библиографы отмечают скромность его личной жизни. Свои средства главный губернский лесничий вкладывал в поездки на Север, развёртывая работу в масштабах, небывалых для местного края, сначала в таёжной зоне в низовьях Оби, а затем в заполярной тундре. Он посещал юрты рыбаков и охотников, чумы ненецких оленеводов, собирал научные сведения, предметы быта для научных экспедиций, проводил топографические съёмки, которые легли в основу составленных им карт Тобольского Севера. За 5 лет он проехал по глухой тайге почти 27000 км, исследуя те места, где не ступала нога человека. Эти годы непрерывных странствий и напряжённых исследований, связанных с обработкой и приведением в систему полученного материала, дали возможность издать большую монографию в трех томах

«Тобольский Север». Книга заключает в себе общий обзор страны, естественных богатств и промышленной деятельности населения. В основу положен материал, собранный при составлении «Севера Тобольской губернии». Сюда вошло несколько отделов: о населении, торговле и транспортных путях. Кроме того, прилагается топографическая карта Тобольского Севера. Вторая часть книги содержит географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. А также к труду приложены таблицы, статистические сведения об инородцах, населяющих бассейны рек. В конце книги помещён словарь технических и местных выражений; приложена карта Тобольской губернии.

Круг интересов Дунина-Горкавича был очень широк. Он доказал необходимость водного пути с рекою Обь. В работе «О современном положении и нуждах Тобольского Севера» лесничий поставил вопрос о необходимости улучшения жизни местных рыбаков и оленеводов, требовал новых реформ, чем шокировал местных чиновников.

За свою поистине трудоемкую и кропотливую работу, за заслуги в освоении Тобольского Севера он в 1903 г. избирается пожизненным членом Русского Географического общества и за всю совокупность работ по географии Тобольского Севера получает большую серебрянную медаль имени Н.И. Пржевальского.

В 1909 году Дунин-Горкавич был избран членом-корреспондентом музея антропологии и этнографии при АН. Новый член-корреспондент передает столичному музею обширную этнографическую коллекцию. Этот щедрый дар Александр Александрович сделал с тем же бескорыстием, с каким регулярно пополнял экспозиции и фонды Тобольского музея. За работу над картой севера Тобольской губернии Русское Географическое общество удостоило Дунина-Горкавича золотой медали.

Он был научным консультантом созданного в городе Обь-Иртышского рыбопромышленного треста. По заданию Комитета Севера принимал участие в работе Приполярной переписи населения РСФСР 1926–1927 годов.

Возглавлял массовое краеведческое движение в округе; трудничал в местном журнале «Наш край»; преподавал в зооветеринарном техникуме.

Всесоюзной АН Александр Александрович причислен к ряду ученых общесоюзного значения и получил пожизненную персональную пенсию.

Жизнь Дунина-Горкавича оборвалась на 68-м году жизни. Смерть застала исследователя за письменным столом, когда он правил свою очередную рукопись.

Всего Дуниным-Горкавичем опубликовано 35 работ, среди них 3 монографии.

* * *

- Дунин-Горкавич А.А.* Каталог коллекции, представленной из Тобольской губернии на художественно-промышленную выставку в Нижнем Новгороде в 1896 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 1—8.
- Дунин-Горкавич А.А.* О состоянии лесов севера Тобольской губернии, эксплуатация их в настоящем и возможно в будущем // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 1.
- Дунин-Горкавич А.А.* Север Тобольской губернии. Опыт описания, ее естественных богатств и промышленной деятельности ее населения // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1897. — Вып. 8. — С. 1—156.
- Дунин-Горкавич А.А.* Краткий транзитный путь Обь—Кама // Рус. судоходство. — 1903. — № 7. — С. 6.
- Дунин-Горкавич А.А.* По поводу статьи «Проект казенной эксплуатации Оби» // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. 14. — С. 1—6.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север: В 3 т. — СПб.: Тобольск, 1904; 1910; 1911. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. — СПб., 1904. — 336 с. Т.2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. — Тобольск, 1910. — 354 с. — 57 с. прил. Т.3: Этнографический очерк местных инородцев. — СПб., 1911.
- Дунин-Горкавич А.А.* К учреждению пароходства на Тобольском Севере / А.А. Дунин-Горкавич. — Тобольск, 1906. — 6 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1904 году / А. А. Дунин-Горкавич. — Тобольск: Губ. тип., 1906. — 51 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* К вопросу о возможности сельскохозяйственной культуры на Тобольском Севере и о колонизации последнего // Издание Тобольского губернского статистического комитета. — Тобольск, 1907. — 52 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Опытное сельскохозяйственное дело на Тобольском Севере / А. А. Дунин-Горкавич. — Тобольск, 1907. — 8 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Северный морской путь из Атлантического в Тихий океан: (Содержание изготовленной для печати рукописи) / А. А. Дунин-Горкавич. — Тобольск: Губ. тип., 1907. — 3 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский рыбный рынок и итоги рыбопромышленности на Тобольском Севере // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1907. — Вып. 16. — С. 23.
- Дунин-Горкавич А.А.* Надежды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения / А. А. Дунин-Горкавич. — Тобольск, 1908. — 87 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Географическое описание низовьев реки Оби и условия судоходства / А. А. Дунин-Горкавич. — СПб., 1909. — 86 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Доклады по вопросам рыболовства в Тобольской губернии / А.А. Дунин-Горкавич. — Тобольск, 1910. — 56 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Краткое наставление к ведению огородной культуры на Севере / А. А. Дунин-Горкавич. — Тобольск, 1910. — 14 с.
- Дунин-Горкавич А. А.* Русско-остячко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов / А.А. Дунин-Горкавич. — Тобольск, 1910. — 58 с.

- Дунин-Горкавич А.А.* Каталог экспонатов А. А. Дунин-Горкавич по Тобольскому Северу на первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной и торгово-промышленной выставке в г. Омске к 1911 / А. А. Дунин-Горкавич. — [Тобольск], 1911. — 8 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Леса Тобольской губернии // Издание Управления Государственными Имуществами. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства, 1911. — 29 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Сведения о рыболовных угодьях Тобольского Севера: По регистрации 1914 года / А. А. Дунин-Горкавич. — Тобольск: Тобол. губ. тип., 1915. — 99 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Вопросы экономики и статистики рыбного промысла в Тобольской губернии / А. А. Дунин-Горкавич. — Тобольск, 1920. — 44 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Будущее лесов Тобольского Севера // Наш край. — Тобольск, 1926. — 15 с.
- Дунин-Горкавич А.А.* Сколько примерно вылавливается населением Тобольского Севера рыбы-сырца для своего пропитания и пропитания своих собак: (На правах рукописи) // Тобольский край. — 1926. — № 2. — С. 29–34.
- Дунин-Горкавич А.А.* Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения / А. А. Дунин-Горкавич. — Шадринск: Исеть, 1994. — 72 с. — (Б-ка журн. «Югра»).

* * *

- Полозкова Г.А.* А.А. Дунин-Горкавич, тобольский лесничий и краевед // Югра. — 1994. — № 4. — С. 23–25.
- Полозкова Г.А.* Поиски и открытия Дунина-Горкавича А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения / Г. А. Полозкова. — Шадринск: Исеть, 1994. — С. 3–10.
- Иваненко А.С.* Агроном Севера А. А. Дунин-Горкавич // Югра. — 1993. — № 11. — С. 34–39.
- Конбакова Г.* Жить в памяти народа [О тобол. лесничем А.А. Дунине-Горкавиче] // Тобол. правда. — 1993. — 14 сент. — С. 5.
- Дунин-Горкавич А.А.* // Путешественники-исследователи Тобольского Севера / Сост. И. Шевелева; Ред. Т. Пуртова. — Ханты-Мансийск, 1993. — 18 с.
- Балин В. Г.* Учёный-патриот // Югра. — 1992. — № 12. — С. 27–29.
- Прибыльский Ю.* Подвижник: К 100-летию науч. деятельности А.А. Дунина-Горкавича // Тобол. правда. — 1990. — 7 авг. — С. 7.
- Надточий Ю.С.* А. Дунин-Горкавич // Надточий Ю. С. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. — Свердловск, 1988. — С. 112–115.
- Полозкова Г.А.* «Считаю долгом изучить» // Тюмен. правда. — 1987. — 19 апр. — С. 3.
- Васильев В.И.* Деятельность А. А. Дунина-Горкавича в области этнографии Обского Севера: Основные вехи жизненного пути Дунина-Горкавича / В.И. Васильев, Ю.П. Прибыльский // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1982. — Вып. 9. — С. 141–149.
- Рычков В.* Исследователь Сибири // Тобол. правда. — 1979. — 17 февр. — С. 5.
- Полозкова Г.А.* Поиски и открытия Дунина-Горкавича // Урал. — 1977. — № 5. — С. 155–159.
- Сергиевский А.* Учёный всесоюзного значения // Ленин. правда. — 1975. — 24 окт. — С. 4.
- Коптилова М.* «Памяти исследователя»: О жизни и деятельности А.А. Дунина-Горкавича. 1927. // Наш край в документах и иллюстрациях. — Свердловск, 1966. — С. 388–393.

Пахомов Н.М. Исследователь нашего края А.А. Дунин-Горкавич // Ленин. правда. — 1963. — 9 янв. — С. 5.
Экспедиция г. Дунина-Горкавича к устьям р. Оби // Сибир. Вопр. — 1908. — № 23 — 24. — С. 90—91.

Иванцев (Иванцов) Павел Иванович
(1885—после 1920)
Ботаник

Детство прошло в с. Коневе близ Самарова, где отец служил псаломщиком Пророко-Ильинской церкви. После окончания 1 класса духовного училища служил псаломщиком церковью сёл Ситниковского и Петуховского Ишимского уезда. В мае 1909 г. перемещён из села Петуховского в церковь с. Болгаровского на р. Конде.

13 января 1911 г. был уволен от должности и службы по духовному ведомству согласно собственному прошению, работал учителем в с. Болгаровском, затем в д. Слинкиной и с. Демьянском.

Краеведением начал заниматься во время службы в Болгаровской церкви и быстро выдвинулся в число активных помощников Тобольского губернского музея. Сотрудничал с консерватором музея В. Н. Пигнатти. Вклад П. И. Иванцова в пополнение коллекции неоднократно отмечался в «Ежегоднике». В 1901 г. он собрал для музея гербарий (около 300 листов) в окрестностях с. Болгаровского. В 1911 г. через него поступили в музей образцы почв, воды и несколько предметов от Г.М. Дмитриева-Садовникова из с. Ларьякского Сургутского уезда. В 1912 г. он пожертвовал музею 24 предмета и доставил коллекцию грибов из 14 экземпляров, собранную в окрестностях Иртыша д. Слинкиной. В составе небольшого кружка лиц, принимавших участие в жизни музея, готовил экспонаты на первую Западно-Сибирскую выставку в Омске, занимался описанием вещей. В 1916 г. участвовал вместе с Г. М. Дмитриевым-Садовниковым в экспедиции Тобольского музея на р. Надым, во время которой собрал гербарий из 840 листов, до 500 образцов мхов, лишайников и древесных грибов, около 500 насекомых. В 1917—21 гг. жил на севере губернии, принимал участие в земском движении. Был избран гласным 1-го Тобольского губернского земского собрания от Берёзовского уезда, участвовал во всех заседаниях сессии 1—10 февраля 1918 года, работал в комиссии по распределению функций между губернским и уездными земствами. В 1921 году работал вместе с В.М. Новицким учителем Обдорского высшего начального училища.

* * *

Иванцов П. Материалы по статистике кондинских остояков // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1910. — Вып. 20. — С. 1–22.

Иванцов П. Изделия остояков Тобольской губернии: Объяснительный указ. к этнографической коллекции Тобольского губернского музея на Западно-Сибирской выставке в г. Омске / П. Иванцов. — Тобольск, 1911. — С. 3.

Иванцов П.И. Неотложное дело // Сиб. листок. — Тобольск, 1914. — № 14.

Иванцов П.И. Протоколы первой чрезвычайной сессии Тобольского губернского земского собрания / П. И. Иванцов. — Тобольск, 1918. — 7 с.

* * *

Белобородов В. К. [Иванцов П. И.] / Белобородов В. К., Пуртова Т.В. // В.К. Белобородов, Т.В. Пуртова. Ученые и краеведы Югры: Биобиблиог. словарь. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 110–112.

Ивановский Василий Александрович
(1862–1920)

Преподаватель богословия, историк,
консерватор музея, краевед, ботаник

Уроженец города Ростова Ярославской губернии, сын священника. В 1887 году окончил курсы учителя в Казанской духовной академии. В 1888 году назначен преподавателем Тобольской духовной семинарии, оставался в этом звании до конца своей службы (1914 г.), выйдя по расстроенному здоровью в отставку. Считался исправным преподавателем Духовной семинарии, сотрудничал в местных епархиальных ведомостях, работал в различных местных церковно-епархиальных учреждениях. Позднее начальством командирован в Тюмень. Ивановский был приглашен на службу в Тобольскую Мариинскую женскую школу, преобразованную потом в женскую гимназию, в ней он служил 11 лет (1890–1901 гг.), состоя преподавателем, а потом с 1909 года инспектором классов. Стесняемый в своей чиновнической деятельности, Ивановский оставил эту службу. С тех пор он свой досуг стал посвящать научным занятиям по ботанике. Это сблизило его с Н.Л. Скалозубовым, который убедил Ивановского не останавливать внимание исключительно на лабораторных работах по анатомии растений, а заняться морфологией их и начать коллекционировать. Кроме того, Скалозубов привлек Ивановского к работе в Тобольском губернском музее: Ивановский принял звание консерватора музея (1904–1906), начал приводить его коллекции в порядок, принимал деятельное участие в вопросах о расширении здания музея, стал членом редакционной комиссии по изданию «Ежегодника» музея и сотрудником в последнем. Ивановский принимал участие на сибирских выставках в г. Омске 1911 г., в написании и издании кни-

ги «Путеводитель по музею», где речь шла об обстановке музея витринами и т. д. Ивановский передал в музей часть своих ботанических коллекций из многих своих сборов растений. Он собрал в окрестностях Тобольска мхи, лишайники, грибы и собрал гербарий, материал препроводил в Ботанический музей Академии наук. Там побудили Ивановского к продолжению сборов, и он определял растения или собрания, давал субсидии для комплектования. В области прикладной ботаники его интересовала местная сорная трава. В летнее время Ивановский жил в окрестных деревнях Тобольска, собирал и записывал материал по местному русскому языку: пословицы, поговорки, местные обороты речи и слова. Материал по местному русскому словарю он пересылал в отделение русского языка и словесности Академии наук. В годы гражданской войны Ивановскому пришлось оставить научные занятия, продать свои микроскопы и книги. Их охотно принял Омский политехнический институт. Он состоял внештатным редактором официального органа управления Тобольской губернии — «Ведомостей Тобольского губернского комиссариата», позже «Вестника Тобольской губернии». Помещал в нём свои статьи и заметки, сотрудничал в других местных газетах — «Тобольской народной славе» и «Сибирской земской деревне», не переставая сотрудничать в «Ежегоднике» музея. С мая 1917 года исполнял обязанности консерватора музея за отсутствием лиц, могущих или проявивших желание занять эту должность в 1917–1919 годах, когда нормальный ход русской государственной жизни нарушился.

* * *

Ивановский В.А. Воскресные внебогослужбные чтения при Тобольском кафедральном соборе // Тобол. епарх. ведомости. — 1894. — № 21. — С. 398–399.

Ивановский В.А. Обличение раскола старообрядства / В.А. Ивановский. — Тобольск, 1895. — 162 с.

Ивановский В. Газетная статья о противораскольнической миссии в Тобольской епархии // Тобол. епарх. ведомости. — 1897. — № 19. — С. 439–444.

Ивановский В.А. По поводу одного вопроса противораскольнической миссии / В.А. Ивановский. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства, 1897. — 6 с.

Ивановский В.А. Краткие сведения по истории и обличию старообрядческого раскола, изложенные в вопросах и ответах / В.А. Ивановский. — Тобольск, 1899 — 147 с.

Ивановский В.А. Библиографическая заметка // Тобол. епарх. ведомости. — 1901. — № 16. — С. 409–412.

Ивановский В.А. Памяти новопреставленного иерея о. Константина Беллюсова // Тобол. епар. ведомости. — 1901. — № 15. — С. 373–380.

- Ивановский В.А.* Заметки покойного адмирала С.О. Макарова о постройке ледокола «Ермак» // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. 14. — С. 1–3.
- Ивановский В.А.* Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1905. — Вып. 15. — С. 1–34.
- Ивановский В.А.* О собрании растений для гербария тобольской флоры // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1907 — Вып. 17. — С. 1–92.
- Ивановский В.А.* О собрании растений для гербария тобольской флоры. Руководственные замечания для начинающих / В.А. Ивановский. — Тобольск, 1910. — 102 с.
- Ивановский В.А.* «Чистое болото» в окрестностях г. Тобольска // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1910. — Вып. 20. — С. 1–40.
- Ивановский В.А.* Список лиственных мхов из окрестностей г. Тобольска / В.А. Ивановский. — Тобольск, 1913. — 7 с.
- Ивановский В.А.* Пятидесятилетие существования Иоанно-Введенского женского монастыря // Тобол. епарх. ведомости. — 1914. — № 18. — С. 297–299.
- Ивановский В.А.* Сорная трава на полях деревни Башковой близ г. Тобольска // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 27. — С. 1–12.
- Ивановский В.А.* Травы, засоряющие крестьянские посевы в деревне Абрамовой около г. Тобольска // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1917. — Вып. 28. — С. 1–23.
- Ивановский В.А.* Краткий путеводитель по Тобольскому губернскому музею / Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1918. — Вып. 29. — С. 1–90.
- Ивановский В.А.* Об одной из коллекций, хранящихся в Тобольском губернском музее // Ежегодник Тобольского губернского музея.—Тобольск, 1918. — Вып. 29. С. 1–4.

* * *

- Русские ботаники: (ботаники России. — СССР): Биографо-библиогр. словарь. Т. 3. — М., 1950 г. — С. 426 — 427.
- Лавров Н.Н.* Флора грибов и слизевиков Сибири // Труды биологического научно-исследовательского института Томского университета. — Т 2. — 1938. — 164 с.
- Азадовский М.К.* Ивановский Василий Александрович // Азадовский М.К. Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. —Новосибирск. — 1931. — Т. 2. — С. 193.
- Бородин И.П.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири / И. П. Бородин. — СПб., 1908. — С. 40–41.

Катанов Николай Фёдорович

(1862–1922)

Лингвист, этнограф, археолог,
историк народов Туркестана и Сибири

Родился 18 (6) мая 1862 года в степной местности Изюм (Узюм) в 17 километрах от села Аскиз на левом берегу Абакана — приток

Енисея. Отец Фёдор Семёнович Катанов был улусным писарем. В 1874 году Н. Катанов закончил училище, и в этом же году умирает отец, 12-летнего мальчика определяют помощником писаря в Аскизскую степную Думу. В течение двух лет, до 1876 года, Катанов днём учился, а вечерами занимался письмоводством в Думе, где «познакомился достаточно с русской каллиграфией». В гимназию Катанов был определён при содействии И.П. Кузнецова-Красноярского и его отца, где очень увлекался научно-литературными трудами своего учителя. В гимназические годы Катанов близко знакомится с известным алтайским миссионером и видным учёным тюркологом В.И. Вербицким. Под его влиянием у Катанова складываются первые научные интересы. В 1889 году вышла первая научная работа Катанова «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени». Была опубликована в книге Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». В августе 1884 года 22-летний Катанов приезжает в Петербург, где 15 августа 1884 года его зачисляют на факультет восточных языков Петербургского университета по разряду арабско-персидско-турецко-татарской словесности. Параллельно с университетскими занятиями он с 1885 года занимается у В.В. Радлова, в домашних условиях изучает фонетику тюркских языков. Полученные у В.В. Радлова знания и свои записи гимназических лет, касающиеся «сагайского наречия», Катанов обрабатывает и помещает несколько публикаций на эту тему в отечественных и иностранных журналах.

Наиболее ярким событием в жизни Катанова были «четверги» на квартире Н.М. Ядринцева, которые оказали несомненное влияние на него и способствовали его развитию как учёного и исследователя Сибири. Сотрудничает в газете «Восточное обозрение» в 1887 г. и печатает там «Сказания и легенды минусинских татар» и письмо в редакцию под заглавием «Замечательное сельское училище».

В 1888 г. Катанов заканчивает университет и 30 мая 1888 г. совет университета утверждает его в степени кандидата. По представлению профессора И.Н. Берёзина Катанов был оставлен профессорским стипендиатом факультета восточных языков и состоял в этом звании до конца 1893 г., в течение всего срока своего путешествия в Сибирь и Восточный Туркестан. По окончании курса в университете Н.Ф. Катанов был командирован Академией наук и Географическим обществом в Восточный (Китайский) Туркестан. Это путешествие, длившееся 4 года (1889–1892), сыграло большую роль в формировании Катанова как исследователя и оказало влияние на всю его дальнейшую научную деятельность. Замысел поездки принадлежал В.В. Радлову, под руководством и непосредственным воз-

действием которого у Катанова складывались лингвистические и этнографические интересы в период его пребывания в Петербурге. За время своей поездки он собрал множество разнообразных материалов по языку, народному творчеству и этнографии тюркоязычных народностей Сибири и Китая. Им были тщательно обследованы «наречия» тувинцев (урянкайцев, сайонов, сайотов), тофоларов (карагасов), хакасов, казахов Семиречья, язык уйгурского населения местностей, прилегающих к китайским городам Кульджа, Чучучак, Урумчи, Хами и Турфон. Катанов впервые в науке произвёл обширные записи языка тувинцев и тофоларов и явился пионером изучения уйгурского языка Турфанского и Хамийского оазисов. Лингвистические материалы Катанова по этим языкам и поныне остаются одним из основных источников для их изучения. Находясь среди тюркоязычного населения Сибири и Восточного Туркестана, Катанов записывает отдельные слова и предложения из разговорной речи, песни, сказки, загадки, поверья, шаманские молитвы, рассказы, пословицы, сказания, обычаи и отдельные изречения. Эти материалы использовались Катановым не только для собственно лингвистических целей, но и служили ему источником для наблюдений этнографического порядка. Во время поездки определяются и нумизматические интересы Катанова, верность которым он сохранил в течение всей своей жизни. В поездке он собрал большую коллекцию денежных знаков, главным образом старокитайских (XI–XVI вв.), которую впоследствии передал в дар Азиатскому музею Академии наук. Весь 1893 г. Катанов провел в Петербурге в качестве профессорского стипендиата по кафедре турецко-татарской словесности. В течение этого периода он был занят обработкой и подготовкой к печати материалов, привезенных из экспедиций. 12 января 1894 г. Н.Ф. Катанов приехал в Казань, где его ожидала работа в Казанском университете. В 1894 г. действительный член общества археологии, истории этнографии при Казанском университете, через 3 месяца — секретарь этого общества, где много времени уделял выполнению организационных обязанностей и многочисленных поручений, значительную работу проводил в качестве редактора «Известий» общества. 31 января 1897 г. общество освободило Катанова от должности секретаря, но уже через год, 18 марта 1898 г., Катанов руководил всей работой общества в течение 16 лет — с 1898 г. до 1914 г. В первый год своего пребывания в Казани Катанов совершает поездку в село Болгары — Успенское для осмотра охраны древностей этого села и вывозит оттуда коллекцию мусульманских монет Булгарского царства и Золотой Орды. В дальнейшем Катанов проявляет постоянный интерес к материальной культуре древнего Булгарского государства на Волге. Бул-

гарские эпиграфические памятники привлекают внимание Катанова в течение всей его жизни. В «Известиях» общества Катановым было опубликовано большое количество статей и заметок по отдельным вопросам этнографии (о погребальных обрядах у тюркских племён, о свадебных обычаях татар, о народных способах лечения у башкир, татар и др.), «словесности» (о тюркских сказках и легендах, о народной татарской литературе), нумизматики, исламоведения. Он большое внимание уделял краеведческой работе. Тесные узы связывали Катанова с краеведческими музеями, в том числе и с Тобольским губернским музеем, а также с провинциальными любителями-востоковедами. Активно сотрудничал в «Ежегоднике Тобольского губернского музея», в «Кавказском вестнике». За заслуги в устроительстве и усовершенствовании Тобольского музея Катанов в 1905 г. был избран его почётным членом.

Он состоял в переписке с востоковедами Сибири, Туркестана и Кавказа, внимательно относился к нуждам провинциальной ориенталистики, непосредственно участвовал в организации Тобольского и Красноярского музеев. Работая в музеях, Катанов способствовал обогащению их коллекций, охотно пополнял их и собственными приобретениями. Так, например, предметы древности, собранные им во время поездок на родину в 1896, 1899 и 1909 гг. — ножны, скребницы, стрелы — он передал в музей университета, обществу археологии, истории и этнографии в Казанский городской музей. В 1896–1899 гг. Катанов совершает четыре поездки в районы с тюркоязычным населением. Здесь он собрал большой материал по бесписьменным тюркским языкам — материал, который ему был необходим для уже задуманного, по-видимому, «опыта». В 1907 г. получает докторскую степень. В 1915 году его утверждают в звании ординарного профессора духовной академии, в 1916 г. — статский советник. Послереволюционный период деятельности Катанова длился недолго — всего четыре года. 10 марта он скончался после операции, не дожив 2 месяцев до 60 лет.

* * *

Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895 — 1896. — Вып. 5. — С. 1–12.

Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о происхождении киргизского народа // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1897. — Вып. 7. — С. 73–75.

Катанов Н.Ф. Грамоты двух тобольских архипастырей XVIII века // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — С. 17–23.

Катанов Н.Ф. Погребальные обряды тобольских татар // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — С. 48–49.

- Катанов Н.Ф.* Император Казанского университета, почётный член, профессор и библиотечарь Иосиф Фёдорович Готвальд (1813 — 1897 г.) / Н.Ф. Катанов. — Казань, 1900. — 36 с.
- Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня / Н.Ф. Катанов. — Казань, 1903. — 40 с.
- Катанов Н.Ф.* Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских инородцах // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. 14. — С. 1—10.
- Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея) / Н. Ф. Катанов. — Казань, 1904. — 28 с.
- Катанов Н.Ф.* Религиозные войны инородцев Западной Сибири // Этногр. обозрение. — 1905. — № 2—3. — С. 292—293.
- Катанов Н.Ф.* Общество археологии, истории и этнографии за 30 лет (1878—1908). // ИОАИЭ. — 1908. Т. XXIV. — Вып. 3. — С. 238—246.
- Катанов Н.Ф.* Краткий татарско-русский словарь в транскрипциях арабской и русской / Н.Ф. Катанов. — Казань, 1912. — 265 с.
- Катанов Н.Ф.* Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках / Н. Ф. Катанов. — Казань, 1920. — 45 с.

* * *

- Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябр. период. — 2-е изд., перераб. и доп. / А.Н. Кононов. — М.: Наука, 1989. — 300 с.
- Татаринцев Б.И.* О научном наследии Н.Ф. Катанова и его месте в тюркской и тувинской филологии / Б. И. Татаринцев. — Кызыл, 1983. — С. 101—109.
- Иванов С.Н.* Н.Ф. Катанов: (очерк жизни и деятельности) / С. Н. Иванов. — 2-е изд. — М., 1973. — 114 с.
- Вайнштейн С.Н.* Этнографические исследования Н.Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1968. — Вып. 4. — С. 31—44.
- Исхаков Г.И.* Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Н.Ф. Катанова // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. — Казань, 1964. — С. 70—81.
- Самойлович А.Н.* Н.Ф. Катанов // Жизнь Бурятии. — 1925. — № 6. — С. 8—10.

Кориков-Михайлов Леонид Александрович (1876—после 1914)

Фельдшер Берёзовского уезда в конце XIX—начале XX века

Родился 8 августа 1876 г. в г. Тара. Учился в Омской центральной фельдшерской школе, но не закончил курса. Первоначально был определён на службу в Тобольский пароходовладельческий барак, где участвовал в санитарной организации водных путей Тобольской губернии, затем выполнял фельдшерские обязанности на рыболовных песках, заведовал Кушевским временным лечебным баракком. В 1896—1899 гг. — фельдшер в Берёзовском уезде. Оттуда переведён в Уват и спустя не-

сколько месяцев — в Тюкалинский уезд. С мая 1906 г. оставляет медицинскую службу и назначается частным поверенным Тобольского окружного суда, позднее (1908–1915) — присяжным поверенным в Таре. В годы работы в Берёзовском уезде поддерживал оживлённую связь с Тобольским губернским музеем. Участвовал в пополнении его коллекции присылкой вещей, собранных во время поездок по служебным надобностям. Например, в 1899–1900 гг. от него поступило около 30 палеонтологических предметов. В 1902 г. передал в библиотеку музея экземпляр рукописного журнала, издававшегося священником В.Н. Герасимовым в с. Щекуринском. Занимался изучением вогульской народной медицины, давал сообщения в «Ежегодник» о некоторых своих наблюдениях — например, о татуировке вогульских женщин. Публиковал статьи с этнографическим описанием Севера: в тобольской газете «Сибирский листок», переписывался с консерватором музея Н.Л. Скалозубовым. Фотографировал. Во время службы фельдшером в Тюкалинском уезде по прозбе Скалозубова «собрал около 2,5 пуда семян дикорастущей травы козельника, который предполагается культивировать как одно из самых ранних медоносных растений».

* * *

- Кориков Л.А.* В тумане веков: (Из вогульских преданий) / Л. А. Кориков. — Тюмень, 1906. — 13 с.
- Кориков Л.А.* Внутренние известия. Село Сартыньинское // Сиб. Листок. — 1897. — 1 июня. — С. 5.
- Кориков-Михайлов Л.А.* Внутренние известия. С. Щекуринское // Сиб. Листок. — 1897. — 4 дек. — С. 5.
- Кориков Л.А.* По Сосьве: (Из путевых заметок) // Сиб. Листок. — 1897. — 28 сент. — С. 2.
- Кориков-Михайлов Л.А.* Святое письмо, найденное в земле Баркашанской. Из д. Саратовой Серебрянской вол. Тюкалинского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, — Вып. 14. — С. 16.
- Кориков Л.А.* Сосьвинские и Ляпинские вогулы Берёзовского округа: (Очерк) / Л.А. Кориков. — Тюмень: Тип. «Сиб. торг. газ.» (А.А. Крылова), 1898. — 24 с.
- Кориков Л.А.* От Сартыньи до Щекурьи: (Из дневника фельдшера) // Сиб. Листок. — 1898. — 25 янв. — С. 6.
- Кориков Л.А.* Песня вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — С. 1–4.

* * *

- Белобородов В.К.* [Кориков-Михайлов Л. А.] // Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: Биобиблиогр. словарь / Ханты-Мансийская окр. б-ка. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 144–146.
- [Берёзовский фельдшер Кориков] // Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. — СПб, 1904. — Т. 1. — С. 138–139.

Костюрин Виктор Фёдорович
(1853–1919)Ссылный, тобольский журналист, литератор,
революционный деятель

Видный народоволец, был известен в революционной среде как Алёша Попович. Родился в Херсонской губернии, сын дворянина. Учился в Новороссийском университете в Одессе, затем служил в армии. Участвовал в южных кружках, был отправлен на каторгу на Кару, где пробыл до 1885 года. По процессу 193-х сослан в Якутскую область. В Тобольск прибыл в начале 1890-х годов и вскоре стал участвовать в работе редакции газеты «Сибирский листок», издательницей которой была его жена Мария Николаевна. В Тобольске Костюрин принимал деятельное участие в общественной работе, как член различных культурных обществ и сотрудник сибирской прессы. В 1908–1913 годах В.Ф. Костюрин входил в редакционную коллегию музея и тоже составлял каталоги коллекции музея, в частности представленную на художественно-промышленную выставку. В статье «Памяти В.Ф. Костюрина» («Тобольское народное слово» № 114 за 22 мая 1919 г.) Г. М. Дмитриев-Садовников писал: «до последних дней своей жизни он не слагал оружия и нёс раз поднятое им знамя народовольца, нёс его и в России, нёс и у нас, в Сибири, работая часто при самых трудных условиях жизни, давал всё, что мог дать, и часто служа нам, жителям отдалённых концов Севера, единственной надеждой, что вот он в своём печатном органе выступал на защиту нас».

* * *

Костюрин В.Ф. Взаимное губернское страхование сельских строений Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 1–18.

Костюрин В.Ф. Каталог. Объяснение коллекций, представленных из Тобольской губернии на художественно-промышленную выставку в Нижнем Новгороде в 1896 году // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — 18 с.

Костюрин В.Ф. Луговский Л.Е. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства [1898]. — 14 с.

Костюрин В.Ф. Современные триумфаторы / В.Ф. Костюрин. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства [1898]. — 12 с.

* * *

Дмитриев-Садовников Г.М. [Костюрин В. Ф.] // Дмитриев-Садовников Г.М. Вёрсты и строи / Ред.-сост. В.К. Белобородов. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — С. 206–207.

Рошевская Л.П. Тобольский губернский музей и политические ссылки в конце XIX в. // *Материалы научной конференции, посвящённые 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.* — Свердловск, 1975. — С. 16.

Сибирская советская энциклопедия / Под ред. М.К. Азадовского: В 4-х т. — М., 1931. — Т. 2. — С. 963.

Костюрина Мария Николаевна

(1862–1942)

Этнограф, журналист

Родилась в Тобольске, в семье коллежского советника Емельянова. Окончила Высшие Бестужевские курсы. Мария Николаевна участвовала (в Петербурге) в кружке «Народ и воля» и была, по признанию жандармерии, «одной из ведущих в кружке». За участие в революционно-народническом движении была сослана в Тобольскую губернию. Получила известность в качестве издателя и редактора «Сибирского листка», на протяжении всей жизни в Тобольске с 1893 года была бессменным членом губернского музея. В суровой ссылке она познакомилась с будущим мужем В.Ф. Костюриным. 20 января 1889 года состоялась их свадьба. В 1897 году М.Н. Костюрина вошла в состав распределительного комитета музея. Под его руководством Тобольский музей проводил активную деятельность по пополнению и систематизации книг, сбору научного и краеведческого материала, пропаганде и популяризации научных знаний, изданию «Ежегодника». Мария Николаевна активно интересовалась этнографией. Итогом её научных поисков явились статьи «Сибирские народные песни» и «Крестьянская свадьба», записанные в подгородных деревнях около Тобольска и опубликованные в ежегоднике музея, а также доклад «О народных лечебных средствах (травы и заговоры), употребляемых в Тобольском округе». Костюрина составила каталоги по этнографическому и палеонтологическому отделам музея. Вместе с другими членами комитета она занималась реорганизацией музейной библиотеки. В 1899 году М.Н. Костюрина выступила инициатором чтения платных лекций, разработав специальную программу, основанную на опыте проведения народных чтений в организованном ею Тобольском доме трудолюбия. Сама выступала с докладами: «О кометах и падающих звёздах», «Успехи авиации».

Костюрина полгода находилась в тюрьме, но суд оправдал её. После смерти мужа она уезжает в Омск, но продолжает сотрудничать с тобольской печатью, публикует в 20-е годы ряд очерков о революционном движении («Наш край»; «Каторга и ссылка»).

М.Н. Костюрина целью своей газеты ставила «Полное и все-стороннее освещение местной жизни».

* * *

Костюрина М.Н. Тобольская ремесленная школа: [Обзор] / М.Н. Костюрина. — Тобольск: Тип. тобол. губ. правл. [1893]. — 20 с.

Костюрина М.Н. Проект «Дома трудолюбия» в городе Тобольске / М. Н. Костюрина. — Тобольск [1895]. — 7 с.

Костюрина М.Н. Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях около Тобольска летом 1894 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895. — Вып. 3. — С. 1–80.

Костюрина М.Н. Крестьянская свадьба в подгородных деревнях г. Тобольска // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — с. 1–16.

Костюрина М.Н. Революционное движение в Тобольске: (Годы: 1904, 1905 и 1906). // Наш край. — 1924. — № 2. — С. 11–14.

* * *

Коновалова Е.Н. Газетчик славы не найдёт, песцовой шубы не сошьёт// Тюм. известия. — 1992. — 22 июня. — С. 6.

Данилов В.А. И другая периодическая печать в России в конце XIX—начале XX вв. // Письменность и книгопечатание: Материалы науч. конф. к 100-летию создания слов. алфавита, 200-летию книгопечатания в Сибири. — Тюмень, 1989. — С. 58–60.

Игнатова О. «Сибирский листок» // Тоб. правда. — 1984. — № 8. — С. 3.

Роцевская Л.П. Тобольский губернский музей и политические ссыльные в конце XIX в. // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тюменского историко-архитектурного музея-заповедника. — Свердловск, 1975. — С. 19.

Суровикин В.А. От Острогожска до Тобольска: Путевые впечатления: (Из писем к Л.М. Савелову) / В.А. Суровикин. — М.: Типогр.-литогр. Г.И. Простакова, 1905. — С. 30.

Крутовский Владимир Михайлович (1856–1938)

Врач, публицист, один из лидеров позднего сибирского областничества, мин. внутр. дел Временного сиб. пр-ва

Родился в 1856 году на золотых приисках в Енисейской губ. Его отец — крестьянин д. Крутой (отсюда фамилия Крутовский, а точнее — Крутовской) Владимирской губ., в детском возрасте был перевезен в Сибирь, где затем обосновал свое небольшое хозяйство. Образование Крутовский получил в Красноярской гимназии и Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, которую окончил в 1881 г. В студенческие годы Крутовский привлекался к суду по делу об организации конспиративной квартиры. После возвращения в Сибирь Крутовский два года работал сельским врачом, а затем в

течение 15 лет ординатором хирурга в Красноярской городской больнице. Пробыв некоторое время в должности помощника врачебного инспектора и покинув ее из-за подозрения в политической неблагонадежности, Крутовский посвящает себя частной врачебной практике, одновременно занимаясь общественной и политической деятельностью. В 1889 г. Крутовский основал в Красноярске фельдшерскую школу, которая привлекала своей бесплатностью и сильным преподавательским составом (в школе работали даже доктора наук) учащихся не только из Сибири, но и из Европейской России. Крутовский был основателем первой в Сибири медицинской газеты «Сибирские врачебные ведомости», а также врачебного общества в Красноярске. С 1888 года Крутовский — гласный Красноярской городской Думы. Крутовский поддерживал дружеские отношения со многими политическими ссыльными, в частности с В.И. Лениным, В.Г. Короленко, супругами Прибылевыми. В 1906 г. Крутовский был выборщиком в первую Государственную думу по красноярскому списку объединённых прогрессистов. В 1907 г. был выслан за пределы Сибири. Через два года Крутовский нелегально возвращается в Сибирь. С переселенческой экспедицией он отправляется в качестве статистика в Уссурийский край, а затем вновь живет в Красноярске. После февральской революции 1917 года Крутовский избран председателем Красноярского коалиционного комитета. Вместе с Г.Б. Патушинским Крутовский организовал в Красноярске местное отделение союза сибирских областников. В октябре 1917 г. председатель первого сибирского областнического съезда. Во второй половине декабря 1917 г. Крутовский был арестован большевиками и посажен в тюрьму. В январе 1918 года его избирают в состав Временного правительства автономной Сибири. После падения советской власти в Сибири Крутовский занял пост министерства внутренних дел Временного сибирского правительства. По своим политическим убеждениям он примыкал к народовольцам, а позднее сочувствовал эсерам, но в партию, однако, не вступал, не желая связывать себя с чисто партийной программой и дисциплиной. С 1916 года он издавал в Красноярске первый орган сибирской областнической мысли — журнал «Сибирские записки». В 1920 году с приходом в Красноярск большевиков издание журнала прекратилось. После восстановления советской власти в Сибири Крутовский занимался медицинской практикой, был преподавателем и директором фельдшерской школы, руководил врачебным обществом. В 1928 году Крутовский был отстранен от должности директора. После 10-летнего забвения Крутовский был репрессирован и погиб в 1938 году.

* * *

- Крутовский В.М.* Шира как местный лечебный курорт / В.М. Крутовский. — Томск, 1896. — 24 с.
- Крутовский В.М.* Попытки хлебопашества в Туруханском крае // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — 16 с.
- Крутовский В.М.* Предание тобольских татар о грозном царе Тамерлане // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — С. 50–67.
- Крутовский В.М.* К вопросу о возможности промышленного плодоводства на юге Минусинского уезда Енисейской губернии / В. М. Крутовский. — Красноярск, 1900. — 43 с.
- Крутовский В.М.* Очерки современного положения сельской врачебной помощи в Енисейской губернии / В.М. Крутовский. —Томск, 1902. —59 с.

* * *

Эсмексюзан В. Попутчик Ленина // Мед. газ.— 1989. — 7 ноября. — С. 3–5.

Лопарев Хрисанф Мефодьевич
(1862–1918)

Палеограф, архивист и библиограф

Родился в с. Самарове Тобольской губернии в бедной крестьянской семье. Учился в сельской школе, с малых лет проявил редкостные умственные способности. На собранные местными жителями по случаю проезда через Самарово великого князя Алексея Александровича деньги получил возможность учиться в Тобольской гимназии.

В 1882 году окончил с серебряной медалью гимназию, а в 1886 году — историко-филологический факультет Петербургского университета. Хрисанф Мефодьевич сделал блестящую служебную карьеру. Длительное время находился на ответственных должностях, в министерствах просвещения и внутренних дел, заслужил чин действительного статского советника, равный генеральскому званию. В 1896 году поступил в Публичную библиотеку, где и прослужил до самой смерти. Учёный Х.М. Лопарев известен в качестве крупного византиеведа, а также как историк и исследователь древнерусской литературы, как палеограф, архивист и библиограф. Им написано на русском, латинском и греческом языках около ста научных работ. Для Лопарева-учёного характерно пристальное и постоянное внимание к своему родному сибирскому краю. Почти каждое лето ездил отдыхать в Тобольск, в Самарово. Его корреспондентами были крупнейшие русские и европейские учёные того времени и далёкие самарские земляки, товарищи, друзья, родственники, соседи. Переписка длилась десятилетиями. Более десяти лет Х.М. Лопарев был

действительным членом Тобольского губернского музея, иногда печатался на страницах «Ежегодника», постоянно жертвовал книги в библиотеку музея. Состоял в обществе помощи существования бедным студентам Тобольской губернии. В последние годы жизни на скопленные с трудом 7000 рублей учредил в Тобольской гимназии ежегодную стипендию для лучшего ученика. Был членом Общества изучения Сибири и улучшения её быта. Но ярче всего выявился его «сибирский патриотизм» в историографической работе. Первая публикация Лопарева «Покорение Югорской земли» была посвящена родине. Первоначальный этюд постепенно перерастает в книгу, и в 1892 г. в Санкт-Петербурге выходит историко-этнографическое описание «Самарово, село Тобольской губернии и округа: Материалы и воспоминания о его прошлом Хрисанфа Лопарева с картой, планом и тремя видами». Но и после выхода в свет книги Лопарев не прекращает изучение истории села. Через четыре года (1896) выходит новое подписное издание гораздо большего объема. События революции 1917 года трагически отозвались в судьбе Лопарева — он умер голодной смертью 30 сентября 1918 года в Петрограде. Могила его неизвестна. О личности Х.М. Лопарева можно судить по дошедшим до нас характеристикам биографов, свидетельством лиц, близко знавших его: «как человек, Хрисанф Мефодьевич был необыкновенно привлекателен своей нравственной стороной: идеалист в жизни, он жил целиком наукой, её интересами, своеобразный в житейских отношениях, он был редким аскетом — учёным, принесшим, вероятно, многое в жертву своей страсти — науке».

* * *

Лопарев Х. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Матер. и воспом. о его прошлом / Х. Лопарев. — СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1892. — 80 с.

Лопарев Х.М. Покорение Югорской земли // Вост. обозрение. — 1895. — 24 окт. (№ 4). — С. 9–10.

Лопарев Х. Мелочи из прошлого Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1907. — Вып. 17. — С. 1–6.

* * *

Белобородов В.К. Хрисанф Мефодьевич Лопарев / Белобородов В.К., Пуртова Т.В. // Белобородов В.К. Ученые и краеведы Югры: Библиограф. словарь. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 170–172.

Хрисанф Мефодьевич Лопарев (К 135-летию со дня рождения) // Календарь знаменательных и памятных дат Тобольской области на 1997 год: историко-информац. справки и рекомендат. списки литературы / ТОУНБ. — Тюмень, 1997. — С. 16–18.

Белобородов В. Классика югорского краеведения // Краевед. — 1996. — 26 сент. — С. 7.

- Конев В.* Дядя и племянник Лопаревы // Югра. — 1995. — № 9. — С. 20–22.
Азадовская Л.В. Крестьяне села Самарова // Югра. — 1992. — С. 23–26.
Чагин В. Златоцвет села Самарова // Урал. — 1991. — № 8. — С. 151–154.
Конев В. Ученый из Самарова // Тюм. правда. — 1970. — 18 нояб. — С. 4.
Корытова В. Книги крестьянского сына // Тюм. правда. — 1967. — 14 мая. — С. 7.

Луговский Лев Евграфович

(1860–1898)

Краевед, общественный деятель

Л.Е. Луговский родился в 1860 г. в деревне Зодереевке Городянского уезда Черниговской губернии в семье купца. Образование получил в Черниговской классической гимназии, затем, с 1879 г. слушал лекции в Санкт-Петербургском императорском университете. Там он сближается с революционно настроенными студентами и знакомится с Марией Александровной Юшковой, которая посещала фельдшерские курсы. Луговский и его будущая супруга приняли участие в устройстве динамитной мастерской весной 1882 г., за что были арестованы и сосланы в Сибирь. Через три года срок сибирской ссылки закончился, но его семья не покинула город и стала активно участвовать в общественной жизни Тобольска. Непродолжительное время Лев Евграфович Луговский служил управляющим конторой винокуренного завода Сыромятникова, а с 17 июня 1889 г. он получил разрешение на государственную службу. С этого времени началась его творческая деятельность по изучению Тобольской губернии. Он был секретарем статистического комитета, и редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» и членом Тобольского музея. Человек очень скромный был душой музея. Ни один шаг в деятельности музея не сделан без его участия. В тяжелые минуты жизни музея на страже его интересов стоял Лев Евграфович Луговский и благодаря его настойчивости и энергии музей снова поднимался на должную высоту и снова вокруг него сплачивались местные культурные силы. Тогда он уступал место тем, кто имел больше, чем он, досуга и мог принести музею больше пользы. Таким Лев Евграфович остался в памяти своих современников. Много лет Лев Евграфович вел метеорологические наблюдения, занимал пост заведующего Тобольской метеостанцией при музее и был связан с Главной физической обсерваторией. В 1890 году Луговский принял деятельное участие в подготовке и издании «Ежегодника Тобольского губернского музея», в котором помещались материалы по изучению Тобольской губернии, а также описания коллекций, каталогов, книг и рукописей библиотеки музея. Можно сказать более — «Ежегодник» обязан своим существованием деятельности Льва Евграфовича, неуклонно, упорно в качестве секретаря редакционной комиссии собирав-

шего материал для книжек «Ежегодника» и печатавшего их, несмотря на критическое положение финансов музея. Благодаря «Ежегоднику» деятельность музея стала широко известна не только в России, но и за границей. В 1892 г. Луговский становится секретарем правления комитета и ежегодно отчитывается о его деятельности, а с 1895 г. — секретарем распорядительного комитета музея. В течение нескольких лет Луговский составлял гербарий флоры и фауны Тобольска, который несомненно представлял научный интерес. Первый хранитель Тобольского музея в 1889 г. писал, что «естественно-исторический отдел музея невелик, но имеет также интересные и ценные вещи, к таковым нужно отнести гербарий дикорастущих растений г. Тобольска и его окрестностей от Л.Е. Луговского». Луговский печатал зарисовки о наводнении в Тобольске, изучал религиозные представления северных народов, собирал фольклорные и документальные данные, стремился раскрыть содержание коллекций музея. Так, во втором выпуске «Ежегодника» Луговский опубликовал статью «Легенда о двух остяцких идолах из коллекции принадлежностей шаманского культа в Тобольском музее». Эту коллекцию ему прислал ссыльный народоволец Блинов, несколько лет проживший в Березово и Сургуте. Луговский вел переписку со многими ссыльными и как мог привлекал их к работе музея. Записывал Луговский и сибирские народные песни (летом 1894 года) в пригородных деревнях Тобольска. Летом 1896 года Лев Евграфович ездил и на север Тобольской губернии для врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений, после чего выступил на собрании членов музея с предложениями об указании санитарной помощи на рыбных промыслах. Это было одно из последних выступлений Луговского. Он скончался 21 июня 1898 г. в возрасте 38 лет. В течение 15 лет Лев Евграфович Луговский работал на пользу местного края то в качестве публициста, то в качестве естественника, заслужив глубокую признательность со стороны всех, кому дороги интересы этого края. Имя Льва Евграфовича записано в летопись музея, а в 1903 г. память его музей почтил установкой памятника над его прахом на Тобольском кладбище.

* * *

Луговский Л.Е. О поездке на север Тобольской губернии летом нынешнего года с целью врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1837. — Вып. 7. — С. 81–145.

Луговский Л.Е. Ключ к гербарии флоры Тобольска и его окрестностей: (Крат. описания и характеристики некоторых встречающихся в Тобольске и его окрестностях семейств) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1888. — Вып.1. — 44 с.

- Луговский Л.Е.* От Тобольской метеорологической станции наблюдение над грозами в гор. Тобольске в 1888 году / Л.Е. Луговский. — Тобольск, 1888. — 5 с.
- Луговский Л.Е.* Заметка (об устройстве в Тобольске двух церквей при каторжных тюрьмах №№ 1 и 2). — Тобольск: Тип. тобол. губ. правл., 1891. — 7 с.
- Луговский Л.Е.* Наводнение 1892 года в Тобольске: Табл. подъема и спада вод в реке Иртыше / Л.Е. Луговский. — Тобольск: Губ. тип., 1892. — 3 с.
- Луговский Л.Е.* Сибирская железная дорога / Л. Е. Луговский. — Тобольск: Тип. тобол. губ. правл. 1892 — 5 с.
- Луговский Л.Е.* Легенда, связанная с двумя остоянками идолами из коллекции принадлежностей шаманского культа в Тобольском губернском музее // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1894. — Вып. 2. — С. 1–3.
- Лель [Луговский Л.Е.]*. Новогодний визит: Сказоч. быль. — Тобольск: Тобол. тип. губ. правл., 1894. — 11 с.
- Луговский Л.Е.* К каталогу тюремного отдела // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. — Вып. 6. — С. 1–7.
- Луговский Л.Е.* Н.И. Емельянов (Некролог). — Тобольск [1896] — 6 с. — (Отт. из не оф. 4. «Тобол. губ. ведомостей» 1896 г.).

* * *

- Коновалова Е.Н.* К столетию «Ежегодника Тобольского губернского музея» // Сиб. тракт. — 1993. — № 6/9. — С. 26–27.
- Коновалова Е.Н.* «Ежегодник Тобольского губернского музея» (1893–1918 гг.) / Е.Н. Коновалова, Л.П. Рошцевская // Книжное дело в Сибири (конец XVII—начало XX вв.): Сб. науч. тр. — Новосибирск, 1991. — С. 152–167.
- Рошцевская Л.П.* Тобольский губернский музей и политические ссыльные в конце XIX века // Материалы научной конференции, посвящая 100-летию Тобол. ист.-археологич. музея-заповедника. — Свердловск, 1975. — С. 17.
- Рошцевская Л.П.* Краеведческая работа ссыльных народников в Тобольской губернии // Известия Тюменского отдела Географического общества СССР. Вып. 1. — Тюмень, 1972. — С. 5 — 10.
- Издательская деятельность [Тобольского губернского музея] // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. 25. — С. 52–53.
- Л.Е. Луговский: [Некролог] // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 9. — С. 1–2.

Лыткин Николай Александрович

(? — ?)

Хранитель Тобольского губернского музея, народный советник,
ветеринарный врач,
директор ветеринарно-фельдшерской школы

В 1890–1894 годах он является консерватором музея, в 1893 году — членом редакционной комиссии музея. Его статьи печатались на страницах «Ежегодника». Вся жизнь Николая Александровича была связана с деятельностью Тобольского губернского музея. 14 декабря 1890 г. Н.А. Лыткиным был сделан доклад о наличии сумм и состоянии коллекции. Как хранитель музея

он собирает археологические и исторические материалы. В отчёте за 1893 год он пишет: «промышленный отдел в этом году остался бедным. А между тем он должен служить ядром музея, как отдел, который должен содержать образцы кустарной и заводской промышленности, земледелия, рыболовства и звероловства и других отраслей промышленности Тобольской губернии».

Даты жизни и смерти неизвестны.

* * *

Лыткин Н.А. Археологический отдел Тобольского музея / Сост. Н.А. Лыткин. — Тобольск, 1890. — 17 с.

Лыткин Н.А. Краткий очерк открытия Тобольского губернского музея / Н.А. Лыткин. — Тобольск [1890]. — 5 с.

Отчёт о состоянии коллекции Тобольского губернского музея в 1893 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1894. — Вып. 2. — С. 25–26.

Лыткин Н.А. Краткое описание к распознаванию и лечению ящура рогатого скота / Н. А. Лыткин. — Курган, 1900. — 7 с.

Лыткин Н.А. Самарово и Самаровская волость: В воспоминаниях местных жителей, описаниях исследователей и путешественников второй половины XIX—начала XX вв. // Краевед. — 1995. — 29 апр. — С. 5.

Макаревский Алексей Николаевич (1863—?)

Профессор Белорусского ветеринарного института

Родился в Смоленской губернии. Окончил Харьковский ветеринарный институт. В 1888 году был сослан в Якутскую область за работу в народнических организациях. В 1895 году Макаревский переведён в Минусинский уезд, где принимал участие в работе Минусинского музея. С 1904 по 1908 гг. работал по ветеринарии в Томске и Тобольске. Живя в Сибири, сотрудничал с Тобольским губернским музеем, неоднократно печатался на страницах «Ежегодника Тобольского губернского музея» и в сибирских газетах. Его статьи посвящены вопросам оленеводства и земледелия на севере Тобольской губернии.

Даты смерти не установлена.

* * *

Макаревский А.Н. Значение оленеводства на севере Тобольской губернии, эпизоотии оленей и борьба с ними // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1906. — Вып. 16. — С. 1–22.

Макаревский А.Н. Особенности земледелия на крайнем северо-востоке Сибири в области климатического пояса холода / А.Н. Макаревский. — Тобольск, 1908. — 16 с.

Макаревский А.Н. Повальное воспаление лёгких крупного скота в азиатской России / А.Н. Макаревский. — СПб., 1910. — 20 с.

Макаревский А.Н. Эпизотию оленей и борьба с ними / А.Н. Макаревский. — Тобольск, 1910. — 15 с.

* * *

[Макаревский А.Н.] Сибирская Советская энциклопедия / Под. ред. Б. З. Шумяцкого. — М., 1932. — Т. 3. — С. 266.

Маляревский Григорий Яковлевич
(1867–1932)

Известный в Тобольской губернии педагог,
общественный деятель и картограф

Родился в с. Еланенском Курганского уезда Тобольской губернии. После окончания Тобольской духовной семинарии учился в Казани в духовной академии и университете. После успешной защиты дипломных работ: одной — со степенью кандидата богословских наук, другой — с отличием (1891), преподавал гражданскую историю в Тобольском женском епархиальном училище (1891–1894), был несколько раз инспектором и руководителем краткосрочных педагогических курсов, действовавших в Тобольской епархии. 11 марта 1894 года указом Священного Синода был назначен епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ Тобольской епархии. В 1896–1898 годах принимал участие в заседаниях училищного совета при Священном Синоде по обсуждению постановки учебного дела в школах духовного ведомства Сибирской епархии.

С 1902 года — член распорядительного комитета Тобольского губернского музея, действительный член губернского надворного советника, возглавлял Тобольский уездный комитет попечительства о народной трезвости. В 1906 году был переведён в ведомство Министерства народного просвещения (МНП) директором народных училищ Тобольской губернии. Педагогический опыт, накопленный им, был значителен и обширен. Это позволило ему создать книгу, которая была ценным методическим пособием для учителя начала XX века и давала подробные рекомендации по методике проведения уроков каждого предмета, изучаемого в церковно-приходской школе: Закон Божий, славянское чтение, церковное пение, русский язык, чистописание и счисление (арифметика). Желая помочь сельским учителям овладеть методикой преподавания по новым учебным программам, директор народных училищ Г.Я. Маляревский пишет книгу «Заметки о преподавании по новой программе одноклассной церковно-приходской школы».

Умер 9 апреля 1932 года в г. Харбине.

* * *

- Маляревский Г.Я.* К вопросу об обеспечении церковно-приходских школ // Тобол. епарх. ведомости. — 1894. — № 6. — С. 55–61.
- Маляревский Г.Я.* Киргизская противомусульманская миссия Тобольской епархии // Тобол. епарх. ведомости. — 1894. — № 15. — С. 239 — 247; № 16. — С. 263–273.
- Маляревский Г.Я.* Листок тобольского братства // Тобол. епарх. ведомости. — 1894. — № 5. — С. 49–52.
- Маляревский Г.Я.* Необходимо повысить цену церковных свеч // Тобол. епарх. ведомости. — 1894. — № 14. — С. 227–232.
- Маляревский Г.Я.* Съезд окружных наблюдателей церковных школ Тобольской епархии. 3–14 декабря 1895 года // Тобол. епарх. ведомости. — 1896. — № 2. — С. 24–28; № 3. — С. 47–52.
- Маляревский Г.Я.* Церкви-школы и часовни-школы в Тобольской епархии. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства [1896]. — 22 с. — [Извл. из «Тобол. епарх. ведомостей» 1896. № 22 и 24].
- Маляревский Г.Я.* О мерах к улучшению народного образования в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1899. — Вып. 11. — С. 1–135.
- Маляревский Г.Я.* Извлечение из отчета Тобольского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Тобольской епархии в 1899 — 1900 учебном году // Школьн. листок при «ТЕВ». — 1901. — № 5. — С. 38–40; № 6. — С. 42–46; № 7. — С. 50–53; № 8. — С. 57–61; № 10. — С. 68–72; № 11. — С. 76–82.
- Маляревский Г.Я.* Извлечение из отчёта Тобольского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Тобольской епархии за 1900–1901 учебный год // Школьн. листок при «ТЕВ». — 1902 — № 3. — С. 17–22; № 4 — С. 25–28; № 5. — С. 36–39; № 7. — С. 49–53; № 8. — С. 57–59; № 9. — С. 67–70; № 10. — С. 73–74; № 11. — С. 81–84.
- Маляревский Г.Я.* Краткосрочные педагогические курсы для учащихся церковных школ Тобольской губернии в 1905 году // Родной голос. — 1905. — № 48 (24 июля.) — С. 1–2.
- Маляревский Г.Я.* Школьные нужды и приходские попечительства / Г.Я. Маляревский. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства, 1905. — [2]. — 76 с.
- Маляревский Г.Я.* Естествознание в двухклассной церковно-приходской школе. Перечень и описание опытов и примерная программа сведений о строении и жизни животных и растений. Четвёртый год обучения / Г.Я. Маляревский. — [СПб]: Синод. тип., 1906. — 63 с.
- Маляревский Г.Я.* О реформе духовно-учебных заведений // Народное образование. — СПб., 1906. — Т. 1, Кн. 9. — С. 189–224.
- Маляревский Г.Я.* Экономические нужды средней части Тобольской губернии / Изд. Тобол. губ. тип. — Тобольск: Тобол. губ. тип., 1907. — 52 с.
- Маляревский Г.Я.* Отчёт о состоянии начальных училищ Тобольской дирекции за 1909 год / Г.Я. Маляревский. — [Тобольск, 1910]. — 36 с.
- Маляревский Г.Я.* Особенности говора крестьян-старожил Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1917. — Вып. 28. — С. 1–18.

* * *

Солодова Т.И. Проблемы и методы обучения в книге Г.Я. Маляревского «Заметки о преподавании по новой программе одноклассной церковно-приходской школы» // Религия и церковь: Сб. науч. ст. и докум. материалов: Вып. 12 — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. — С. 3–13.

Раев И. [Г.Я. Маляревский] К вопросу об открытии причетнического класса в Тобольской епархии // Тобол. епарх. ведомости. — 1905. — №16. — С. 283–286.

Мамеев Степан Николаевич
(1859–1939)

Краевед, библиограф

Родился 27 декабря 1859 года в приходе церкви села Усть-Питского Енисейского уезда. В 1863 г. отец вместе с семьёй переехал на жительство в город Тобольск. В 1871 году во время русско-турецкой войны поступил на службу рядовым из вольноопределяющихся во 2-й Западно-Сибирский линейный батальон. Проходя военную службу в разных частях войск, расположенных в городах Акмолинске, Семипалатинске, Тобольске, Тюмени, Верном, Ковем, Холорев, дослужился до чина подполковника. В 1905 году был отчислен от этой должности. В начале первой мировой войны по состоянию здоровья был «признан комиссией негодным к военной службе и освобождён». Получив отставку, Степан Николаевич поселяется в Тобольске. Еще в первые годы службы в армии Степан Николаевич обнаружил талант историка-архивиста и библиографа. В 1881 году он стал заведовать архивом Тобольского резервного батальона. Собрал материал по истории батальона и написал большой исторический очерк, приуроченный к его 175-летию. В связи с близившейся трёхсотой годовщиной основания Тобольска он стал составлять библиографию по истории города. В Тобольске много времени проводил среди фондов губернского музея или библиотеки, в результате чего было написано более 20 исторических работ, среди них «Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея за XVII в.», «Материалы для библиографии Сибири», «Периодическая печать в Сибири». В 1909 году он переезжает в Петербург, где учились сыновья. На протяжении тринадцати лет Степан Николаевич по просьбе Ботанического сада и музея Академии наук пополняет коллекцию флоры Тобольской и Енисейской губерний. Одна из открытых им разновидностей берёзы с тёмно-бурой корой, найденная вблизи Тобольска в 1912 году, названа была главным ботаником музея Д.И. Литвиновым его именем. «С.Н. Мамеев много потрудился с редким умением и знанием дела по изучению флоры и обо-

гатил безвозмездно гербарии Ботанического музея Академии наук своими великолепными сборами». Поступило от него в Сибирский гербарий музея 2744 растения с весьма тщательными определениями, сделанными им самим в музее. 86 наиболее интересных растений лесной флоры были в «Гербарии русской флоры».

Во время экспедиции летом 1918 года в Тобольскую губернию 58-летний Мамеев попал в водоворот гражданской войны. Обратной дороги в Петроград не было — в Сибири он остался навсегда. Поздней осенью 1919 года Степан Николаевич перебрался в Красноярск и устроился в библиотеку музея Приенисейского края. Вскоре после восстановления советской власти Енисейский губернский отдел народного образования возложил на него заведование историческими архивами музея. 10 марта 1939 года Степана Николаевича Мамеева не стало. Похоронили его на Красноярском Троицком кладбище вблизи могилы декабриста В. Л. Давыдова.

* * *

Мамеев С.Н. Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея за XVII и первую четверть XVIII столетий // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1897. — Вып. 7. — С. 1–75.

Мамеев С.Н. Список тобольским воеводам и их товарищам, губернаторам, правителям наместничества, вице-губернаторам, главным начальникам края и архиереям с 1587 по 1888 гг. // Календарь Тобольской губернии на 1890 год. — Тобольск, 1889. — С. 56–60.

Мамеев С.Н. Указатель личных имён географических и предметных названий, встречающихся в материалах для библиографии Сибири за 1892 год / С.Н. Мамеев. — Тобольск: Тип. Тобол. губ. правл., 1893. — 6 с.

Мамеев С.Н. Алфавит личных имён географических и предметных названий, встречающихся в материалах для библиографии Сибири за 1893 год, собранных С.М. Мамеевым / С.Н. Мамеев. — Тобольск: Тип. тобол. губ. правл., 1894 [ценз]. — 7 с.

Мамеев С.Н. Документы, относящиеся к ссылке Августа Коцебу в Сибирь в 1800 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1894. — Вып. 2. — С. 1–10.

Мамеев С.Н. Рукописи библиотеки Тобольского губернского музея за XVII и первую четверть XVIII столетий. Опись дозорных, переписных и других книг городов Верхотурья, Пельма, Туринска, Тюмени, Тары и Тобольска с их уездами // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1894. — Вып. 2. — С. 1–6.

Мамеев С.Н. Библиотека Квятковского в г. Омске. Каталог изданий на русском и иностранных языках, с указанием на редкие ценные книги / С.Н. Мамеев. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства, 1897. — 3, 96, 20 с.

* * *

Годеев О. Степан Николаевич Мамеев // Лукич. — № 3. — 1999. — С. 3–36.

Мамеев Степан Николаевич // Сибирская Советская энциклопедия / Под ред. Б. З. Шумяцкого: Т. 3. — М., 1932. — С. 281.

Носов Иван Назарович

(? — ?)

Агроном, заведующий департаментом
в Совете по крестьянским делам

И.Н. Носов за время своей двухлетней работы в Тобольской губернии сделал ценные наблюдения в области местного крестьянского хозяйства, составил проект желательных нововведений и мероприятий для устранения дефектов в сельском хозяйстве и представил этот проект на рассмотрение местной администрации.

Результаты своих трудов он напечатал в «Ежегоднике Тобольского губернского музея».

Даты рождения и смерти не установлены.

* * *

Носов И.Н. Отчёт отряда преподавателей Красноуфимской сельскохозяйственной школы // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1893. — Вып. 1. — С. 1–101.

Носов И.Н. Как дать сельским учителям Тобольской губернии возможность читать / И.Н. Носов. — [Тобольск, 1896]. — 6 с.

Носов И.Н. Каталог и объяснения коллекций, представленных из Тобольской губернии на художественно-промышленную выставку в Нижнем Новгороде в 1896 году. Ч. 2. Кустарная промышленность / И.Н. Носов. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства, 1896. — 9, 16 с.

Носов И.Н. Каталог и объяснения коллекций, представленных из Тобольской губернии на художественно-промышленную выставку в Нижнем Новгороде в 1896 году. Ч. 3. Переселенческий отдел / Сост. И.Н. Носов. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства, 1896. — 12 с.

Носов И.Н. К каталогу коллекции по переселенческому отделу // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1896. Вып. — 6. — С. 6–12.

* * *

Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Тобольской губернии // Календарь Тобольской губернии на 1895. — Тобольск, 1894. — С. 2.

Пигнатти Василий Николаевич

(1877—после 1918)

Тобольский адвокат, общественный
и государственный деятель

Родился в 1877 году. Окончил Житомирскую гимназию, был студентом филологического факультета Московского университета. В 1899 году был арестован и выслан под надзор полиции в Тобольск. Два года спустя уехал за границу и закончил

юридический факультет Парижского университета. В 1903 году по приезде в Россию на каникулы подвергся аресту и выезд за границу ему был запрещен. В 1906 году получил звание частного поверенного и стал заниматься адвокатской практикой. Одновременно сотрудничал с Тобольским губернским музеем, был его библиотекарем, помощником консерватора (с 1908 года), а вскоре избран консерватором. Исполняя эти обязанности вплоть до марта 1917 года, много сделал для обогащения музейных фондов и продолжения изучения Тобольской губернии, в особенности её северной части; привлёк к сотрудничеству с музеем ряд талантливых исследователей, организовал несколько экспедиций, сам совершил поездку в 1910 году на реку Конду. В марте 1917 года Тобольским временным комитетом общественного спокойствия был избран губернским комиссаром и утверждён в этой должности Временным правительством. Проводил курс на демократизацию переустройства всех сторон жизни края, способствовал становлению земских учреждений, развитию кооперации, улучшению дела народного просвещения. По партийной принадлежности — народный социалист. Печатался на страницах «Ежегодника». Большое значение имеет статья Пигнатти «Искер» (Кучумово городище) им были проведены раскопки исчезнувшего в водах Иртыша памятника Сибири — города Искера. Исследована была часть площади полей деревни Алемасовой.

Умер после 1918 года.

* * *

- Пигнатти В.Н.* Ихтиологическая коллекция Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1908. — Вып. 18. — С. 1–8.
- Пигнатти В.Н.* Гербарии Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1909. — Вып. 19. — С. 1–36.
- Изделия осянков Тобольской губернии / Сост. Пигнатти В.Н., Ивановский В.А., Шульц Л.Д.* // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1909. — Вып. 19. — С. 1–136.
- Пигнатти В.Н.* Гербарий Тобольского губернского музея / В.Н. Пигнатти. — Тобольск, 1910. — Вып. 20. — С. 1–12.
- Пигнатти В.Н.* Краткое сообщение о поездке на реку Конду летом 1910 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1910. — Вып. 20. — С. 1–15.
- Пигнатти В.Н.* Гербарии Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1914. — Вып. 24. — С. 1–14.
- Пигнатти В.Н.* Искерь (Кучумово городище) // Ежегодник Тобол. губ. музея. — Тобольск, 1915. — Вып. 25. — С. 1–28.
- Пигнатти В.Н.* Каталог коллекции находок на Искере, принадлежащей Тобольскому губернскому музею // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. 26. — С. 1–90.

Пигнатти В.Н. Н.Л. Скалозубов и его деятельность в Тобольской губернии / Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 27. — С. 1—89.

Пигнатти В.Н. Из тобольской старины: (Материалы) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1917. — Вып. 29. — С. 1—8.

Пигнатти В.Н. Предписание Тобольского губернского комиссара Временного правительства Берёзовскому, Ишимскому, Курганскому, Тобольскому и Ялуторовскому уездным комиссарам принятия мер против захвата крестьянами земель духовенства 3 мая 1917 г. // Наш край в документах и иллюстрациях. — Свердловск, 1966. — С. 109.

Пигнатти В.Н. Доклад председателя Тобольской городской комиссии попечения о народном образовании гласного В. Н. Пигнатти / В. Н. Пигнатти. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства. — 22 с. — (Извл. № 96 «Сиб. листок»).

* * *

Дмитриев-Садовников Г.М. [Пигнатти В. Н.] // Дмитриев-Садовников Г.М. Вёрсты и строки / Ред.-сост. В.К. Белобородов. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 294 с.

Пигнатти Варвара Яковлевна

(?—?)

Библиотекарь Тобольского губернского музея

Действительный член Тобольского губернского музея. Внесла большой вклад в развитие библиотеки музея. Варвара Яковлевна являлась также консерватором (хранителем) музея, поэтому коллекции музея были в полной сохранности. Составила систематический каталог библиотеки Тобольского губернского музея (1914 г.).

В него вошли все печатные издания, поступившие в библиотеку с января 1906 года по 1 января 1915 года в количестве 7000 томов, а также почти все издания, хотя и поступившие в библиотеку музея до 1906 года, но не вошедшие ни в один из первых двух выпусков каталога.

Издания, вошедшие в этот выпуск, распределены по 4 отделам, «каждый разделен на несколько подотделов».

1. Богословие.
2. Философия, психология, этика.
3. Языковедение.
4. Правоведение и тюрьмоведение.
5. История.
6. Археология.
7. Естествоведение и математика.
8. Медицина.
9. Сельское и лесное хозяйство.

10. География и этнография.

11. Статистика, социология, политическая экономия, народное хозяйство.

II. 1. Гражданское управление, городское, земское и сельское самоуправление.

2. Военное и морское дело.

3. Поземельное устройство и переселенческое дело.

4. Врачебно-санитарное и продовольственное дело.

5. Народное образование, печать.

6. Взаимопомощь и благотворительность.

7. Финансы и кредит.

8. Промышленность и технология, торговля, пути сообщения и сценическое искусство.

III. 1. Периодические издания.

2. Справочные издания.

3. Смесь.

IV. 1. Государственные дела.

В конце каталога помещены именной, предметный и географический указатели.

На страницах «Ежегодника» В.Я. Пигнатти печатала отчёт о состоянии библиотек Тобольского губернского музея за 1912, 1913, 1914 гг.

Дата жизни и смерти не установлены.

* * *

Пигнатти В.Я. Систематический каталог библиотеки Тобольского губернского музея с «Алфавитным» имён личных, предметных и географических, встречающихся в «Каталоге»: Вып. 3 / Сост. В. Я. Пигнатти. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства, 1915. — 358 с. (На общ. тит. л.: «Ежегодника Тобольского губернского музея». Вып. XXIII 1913 г.).

Писарский Евгений Леонидович

(?—?)

Заведующий метеорологической станцией
Тобольского губернского музея

Наблюдал за измерениями Тобольской метеорологической станции. С 1908 по 1915 гг. корреспондент Николаевской Главной физической обсерватории. С 1917 г. состоял секретарём постоянной сельскохозяйственной комиссии. Составил картонный каталог рыбного отдела, а также список коллекции карпологической, ихтиологической, млекопитающей амфибий. Неоднократно печатал свои труды на страницах «Ежегодника».

Даты рождения и смерти не установлены.

* * *

- Писаревский Е.Л.* Материалы для истории метеорологических наблюдений в г. Тобольске // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1917. — Вып. 17. — С. 1—17.
- Писаревский Е.Л.* Отчет Тобольской метеорологической станции 1 класса 2 разряда при губернском музее за время с 1 сентября 1908 г. по 31 августа 1909 по новому стилю / Е.Л. Писаревский. — Тобольск, 1909. — 13 с. — (Извлеч. из вып. 13 «Ежегодник»).
- Писаревский Е.Л.* Отчёт Тобольской метеорологической станции при губернском музее за 1909—1910 годы / Е.Л. Писаревский. — Тобольск: Тип. Тобол. епарх. братства, 1911. — 14 с.
- Писаревский Е.Л.* Отчёт метеорологической станции 1 класса 2 разряда при Тобольском губернском музее за время с 1 сентября 1910 г. по 31 августа 1911 г. / Е.Л. Писаревский. — Тобольск, 1912. — 14 с.
- Писаревский Е.Л.* Отчёт метеорологической станции 1 класса 2 разряда при Тобольском губернском музее, за время с 1 сентября 1912 г. / Е.Л. Писаревский. — Тобольск, 1913. — 13 с.
- Писаревский Е.Л.* Отчёт метеорологической станции 1 класса 2 разряда при Тобольском губернском музее за время с 1 октября 1912 г. по 31 августа 1913 г. / Е.Л. Писаревский. — Тобольск, 1914. — 13 с.

Росляков Иван Павлович (?—?)

Ссылный этнограф

Выходец из семьи обдорского рыбака, испытал сильное влияние политических ссыльных (его сестра Анна — сельская учительница — вышла замуж за ссыльного И. А. Ирвасия). Переводил на язык ханты Святое Писание, молитвы и богослужебные книги, сотрудничал в «Сибирском листке», где опубликовал любопытную статью «Обдорская миссия и её деятели». С Бартенёвым написал работу «Обдорское наречие остяцкого языка», положительно оценённую в «Известиях Петербургской Академии наук» (1896). В 1890-х гг. примкнул к эсерам, сослан в Енисейскую губернию.

Даты рождения и смерти не установлены.

* * *

- Росляков И.П.* Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895 — 1896. — Вып. 5. — С. 1—9.

* * *

- Росляков Иван Павлович* // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — нач. XX века / Сост. Л. П. Рошеская, В.К. Белобородов. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — С. 416.

Рузский Михаил Дмитриевич

(1864–1948)

Доктор зоологии

Профессор зоологии в Томском университете, работавший с 1913 года. До приезда в Томск он написал капитальную двухтомную монографию «Муравьи России» (1905, 1907), за которую Харьковский университет присвоил исследователю звание доктора зоологии, а Российская Академия наук прислала премию им. академика К.М. Бэра. Его перу принадлежит более 160 научных печатных работ о самых разнообразных типах и классах животных: «Муравьи Сургутского уезда Тобольской губернии» (1914), «Краткий фаунистический очерк южной полосы Тобольской губернии» (1896), «О зоологических исследованиях в Енисейских губерниях» (1916), «О рыбах верхнего течения реки Енисея» (1919), «Рыбы реки Томи» (1920), «Материал по биологии озера Карачи и Карачинского курорта» (1924), «Новые данные по фауне муравьёв Сибири» (1925), «Малярийный комар в Сибири и борьба с ним» (1927), «Зоодинамика Барабинской степи» (1946), «Ракообразные Томской области» (1947). М. Д. Рузский положил начало томской зоологической школе. Научная деятельность М. Д. Рузского в Сибири была весьма разнообразной и плодотворной. В 1896 году была совершена экспедиция по южной полосе Тобольской губернии. Участниками этой экспедиции были: приват-доцент Императорского Казанского университета А.Я. Гордягин, М.Д. Рузский, В.Р. Зеленский и брат Е.Д. Рузский. Целью поездки было: производство зоологических исследований, собирание и коллекционирование. Экскурсия проходила с середины июня из г. Кургана до середины августа. Были исследованы озёра (Большой Неведим, Солёное, Камышенное и Вишнёвое), на которых изучались их орнитологические и ихтиологические фауны, и собрана коллекция позвоночных животных (всего 9 видов, в количестве около 200 экземпляров: птиц — 70 видов (93 экз.); пресмыкающихся и земноводных — 3 вида (15 экз.); рыб — 12 видов, (64 экз.); насекомых: прямокрылых, жуков, двукрылых, перепончатокрылых — 100 видов, муравьёв — 34, пауков — 40 видов (свыше 100 экз.); многоножек, моллюсков, ракообразных, червей. Все коллекции были переданы в Тобольский губернский музей. Результаты этой экспедиции были изложены в его статье «Краткий фаунистический очерк южной полосы Тобольской губернии», напечатанный в «Ежегоднике Тобол. губ. музея» (Тобольск., 1897, Вып. 7. С. 37—80). Его работа пользовалась большим спросом. Управление Томской железной дороги (Михаил Харлампович Хлыстунов) обратилось к

Тобольскому музею помочь приобрести «необходимый для справок труд М. Рузского «Краткий фаунистический очерк южной полосы Тобольской губернии».

В последние годы М.Д. Рузский изучает фауну окрестностей Томска, ездит в Кузнецк, Колопашево, с. Богородское (теперь Шигарское), в долину Оби, Мариинск, в бассейн Или, на курорт Ишра (1917–1922). С 1923 по 1939 г., работая летом биологом-консультантом на курорте озера Карачи, занимается изучением фауны Барабинской степи. На курорте учёный создал краеведческий музей, которому в 1934 году постановлением Наркомздрава РСФСР было присвоено его имя. За огромную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность М.Д. Рузский был награждён орденом Трудового Красного Знамени и почётным званием «Заслуженный деятель наук РСФСР».

* * *

Рузский М. Краткий фаунистический очерк южной полосы Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1897. — Вып. 7. — С. 37 — 80.

* * *

Крылов Г.В. Исследователи природы Западной Сибири / Г.В. Крылов, В.В. Завалишен, Н.Ф. Казакова. — Новосибирск: Кн. изд-во, 1988. — С. 294.

Сирелиус Уно Тави (1872–1929)

Основоположник финно-угорской этнографии в Финляндии

Родился 5 мая в деревне Яски, ныне Лесогорский Ленинградской области. С 1921 г. профессор университета в Хельсинки. Испытав влияние эволюционного метода А. Бастиана, Сирелиус в дальнейшем стоял ближе к взглядам немецкого этнографа Ф. Ратцеля. Работы Сирелиуса основаны на материалах, собранных им в России в 1900–1910 гг. у ханты, коми-зырян, удмуртов, татар, карелов и др. Единственная его статья была опубликована в «Ежегоднике» под названием «Домашние ремесла остяков и вогулов» (переведена с немецкого). Первоначально это произведение было напечатано в «Журнале финно-угорского общества» в Гельсингфорсе. Редакционная комиссия музея признала перевод труда Сирелиуса на русский язык полезным для местной этнографии и решила опубликовать на страницах «Ежегодника». В Тобольском губернном музее сохранилась его коллекция предметов остяков и вогулов. Умер в 1929 году.

* * *

Сирелиус У.Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1905. — Вып. 15. — С. 1–40.

Сиязов Михаил Михайлович
(1858–1914)

Ботаник, преподаватель Омской женской гимназии,
корреспондент

Родился 17 декабря 1858 года в Томске. В 1882 году окончил естественное отделение Казанского университета. Был назначен в Омск в женскую гимназию, где проработал до 1906 года. В это же время работал он и в мужской гимназии. 32 года прожил в Омске, где занимался изучением растительности. Стремясь составить полный список растений омской флоры, Сиязов следил за её изменениями в течение 30 лет. «Очерк о растительности долины реки Оми близ её устья» (1895) даёт ценный исторический материал, позволяющий судить о влиянии большого населённого пункта на растительность его окрестностей. Почётный член ЗСОРГО, автор более 100 научных работ по природе края. Благодаря его трудам флора окрестностей Омска явились одной из наиболее изучаемых в природе Сибири.

В 1894 году Сиязов проводит недельную ботаническую экспедицию в окрестности Екатеринбургского завода в Тарском уезде, где описывает 234 вида. В 1904 году в «Записках ЗС ОРГО» в книге 31-й Сиязов даёт полный список видов флоры для центральной части губернии в статье «Post goldeana новый список растений Омской флоры», где описывает 588 видов растений. В 1910 году он повторяет ботаническую поездку в Тарский уезд. На левобережье Иртыша у города Тары Сиязов описывает 316 видов сосудистых растений из 46 семейств.

Результаты исследований Сиязова были изложены им в ряде докладов, заметках в местной печати и во многих (более 30) статьях, напечатанных в издательстве ЗСОРГО и в столичных журналах. За большую работу по изучению флоры Сибири Сиязов был награждён золотой медалью Императорского Русского Географического общества.

Умер Сиязов М. М. 9 июля 1914 года в Омске.

* * *

Сиязов М.М. Итоги исследования омской флоры // Записки ЗСОРГО — Омск, 1888. — Кн. 10. — С. 1–2.

Сиязов М.М. На краю урмана // Записки ЗСОРГО. — Омск, 1894. — Кн. 17. — Вып. 3. — С. 1–35.

Сиязов М.М. Ботанические экскурсии в Черлаке и Ачаир // Известия ЗС ОРГО. — Омск, 1913. — Т. 1. — Вып. 2. — С. 1—4.

Сиязов М.М. Флора левобережья реки Иртыша подле города Тары: (Результаты исследований 1910 года).

// Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1914. — Вып. 22. — С. 1—38.

* * *

Мелков И.В. Михаил Сиязов — исследователь ялutorовской флоры // Словцовские чтения-99. — Тюмень, 1999. — С. 310 — 313.

Бекишева И.В. История изучения флоры Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — Омск, 1996. — № 4. — С. 31—32.

Скалозубов Николай Лукич

(1861—1915)

Агроном, исследователь Тобольского Севера.

Родился в г. Костроме 29 октября 1861 года и происходил из семьи мещан. В семейном кругу патриархального склада протекло детство Николая Лукича, мать сама выучила его грамоте по старинному способу. Затем учился в приходском и уездном училищах, а среднее образование получил в Костромском реальном училище (1881) по механико-техническому отделению.

Высшее образование получил в Петровско-Разумовской академии, где окончил курс со званием кандидата сельского хозяйства (1885). После окончания курса был приглашен на земскую службу в Красноуфимский уезд Пермской губернии. В 1886—1892 гг. занимал место заведующего статистическим отделом Красноуфимской уездной управы. Здесь он разъезжал по Красноуфимскому уезду, изучал условия жизни местного населения, собирал материалы соответственно задачам земства, заводил знакомства. Плодом статистических работ являются «Материалы для статистики Красноуфимского уезда» (1890—1894). Во время своих поездок по Красноуфимскому уезду собрал большой гербарий «Флора востока Европейской России» (1892) «Tentamen» (СПб, 1898). Часть этого гербария хранится в Тобольском губернском музее. В 1892 году Николай Лукич женился и перешел на службу в Пермь, где получил место заведующего статистическим бюро Пермской губернии (1893—1894).

В 1894 г. Н. Л. Скалозубов был приглашен на службу в Тобольскую губернию, где был назначен на должность Тобольского правительственного губернского агронома, на которой проработал почти 12 лет (1894—1905). В Тобольске он принимает участие в самых

разнообразных предприятиях: хлопочет об открытии в Тобольске артельной мастерской изделий из мамонтовой кости (1894), об устройстве кредитных товариществ, при его участии открывается первое в губернии Беловское кредитное товарищество (1903). Принимал участие во всенародной переписи 1897 г., состоял секретарём Тобольского кружка любителей садоводства и огородничества, постоянным (1901) членом местного епархиального училищного совета. Около 10 лет состоял (1896—1906) преподавателем местной акушерско-фельдшерской школы, где он читал курс ботаники. В 1907 году его избирают членом Государственной думы 2-го созыва. В Тобольском губернском музее хранятся папки переписки Николая Лукича с частными лицами, общественными организациями и административными учреждениями по вопросам, связанным с жизнью Тобольской губернии. В 1912 году начинает работу в Тобольской губернии: в имении Л. Д. Смолина «Петровское», близ Кургана, он работает как селекционер, ставит опыты по выведению новых сортов полевых растений в Сибири. В Тобольске агроном начал издавать газету «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности». В 1900 году он организовал в деревне Соколовке первую в губернии начальную сельскохозяйственную школу и вёл в ней занятия. Благодаря усилиям Николая Лукича в музее был создан отдел кустарной промышленности. При его участии были организованы артель косторезов, кружок садоводов, кредитные маслодельные товарищества.

С 1894 по 1903 год является консерватором Тобольского губернского музея. Им были собраны образцы почв. Николай Лукич был наблюдателем Тобольской метеорологической станции. Составлял гербарий дикорастущих растений, делал гербарные сборы и культурных растений, интересовался всеми науками. В 1894 году им было собрано и разослано по губернии карточка по сбору сведений о произрастании зерновых и прядильных растений. Впоследствии программа обследования культурных растений заметно расширилась. Н.Л. Скалозубов занимался изучением биохимии зерна. Он посылал партии образцов тобольской пшеницы в лабораторию Петербургского лесного института для исследования их химического состава. Особенно велика его роль в собирании и изучении материалов о сельском хозяйстве и кустарных промыслах губернии.

Умер 19 февраля 1915 года в 5 часов утра в городе Кургане, в крестьянской больнице от сыпного тифа.

* * *

Скалозубов Н. Л. В департамент земледелия докладная записка о ближайших нуждах сельского хозяйства в Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. — Тобольск, [б.г.] — 25 с.

- Скалозубов Н.Л.* Коллекция образцов почв Тобольской губернии, принадлежащая Тобольскому губернскому музею // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895. — Вып. 4. — С. 1—34.
- Скалозубов Н.Л.* Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895. — Вып. 4. — С. 1—105.
- Скалозубов Н.Л.* О дальнейшем направлении деятельности Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1895—1896. — Вып. 5. — С. 39—36.
- Скалозубов Н.Л.* Ботанический словарь: Народные названия растений Тобольской губернии дикорастущих и некоторых культурных // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1898. — Вып. 21. — С. 1—86.
- Скалозубов Н.Л.* Маслоделие и условия крестьянского скотоводства в Курганском маслодельном районе / Н.Л. Скалозубов. — Тобольск, 1898. — 34 с.
- Скалозубов Н.Л.* Народный календарь: Поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1898. — Вып. 19. — С. 69—80.
- Скалозубов Н.Л.* Какими мерами можно уменьшить вред, причиненный хлебам кобылкою / Н.Л. Скалозубов. — Тобольск, 1901. — 6 с.
- Скалозубов Н.Л.* Народный календарь // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1901. — Вып. 12. — С. 146—126.
- Скалозубов Н.Л.* Хроника музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1901. — Вып. 12. — С. 1—24.
- Скалозубов Н.Л.* Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1902. — Вып. 18. — С. 1—162.
- Скалозубов Н.Л.* Материалы к вопросу о народной медицине // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1904. — Вып. 14. — С. 1—25.
- Скалозубов Н.Л.* Материалы к изучению почв и растительности Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1905. — Вып. 15. — С. 1—45.
- Скалозубов Н.Л.* Культура озимой пшеницы в Томской губернии / Н.Л. Скалозубов. — Тобольск: Тип. Тобол. губ. правл., 1906. — С. 3.
- Скалозубов Н.Л.* От Тобольска до Обдорска // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1906. — Вып. 16. — С. 1—18.
- Скалозубов Н.Л.* Утилитарные растения флоры Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1907. — Вып. 17. — 142 с.
- Скалозубов Н.Л.* Продуктивность молочного скота на ферме низшей Тобольской сельскохозяйственной школы по данным 1904—1906 гг. // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1908. — Вып. 18. — С. 1—4.
- Скалозубов Н.Л.* Список растений Тобольской губернии и окрестностей г. Омска // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1908. — Вып. 18. — С. 1—55.
- Скалозубов Н.Л.* Мастера маслоделия в Сибири и мероприятия к улучшению сельского хозяйства. — Тобольск, 1911. — 3 с. — (Отт. из № 10 «Сиб. листок» за 1911 г.).
- Скалозубов Н.Л.* Заметки по вопросу о будущем Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 27. — С. 109—110.

* * *

- Первый агроном Сибири: (Н.Л. Скалозубов) // Западно-Сибирское краеведение. — Ишим, 1993. — С. 43–49.
- Суринов В.М. Н.Л. Скалозубов: Опыт идейно-биографического исследования // Религия и церковь в Сибири: Сб. научных ст. и докум. мат. Вып. 2. — Тюмень, 1991. — С. 39–47.
- Осколков М. Губернский агроном // Тюм. правда. — 1990. — 18 мая. — С. 5.
- Надточий Ю.С. Скалозубов Н.Л. //Ю.С. Надточий. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник — Свердловск, 1988. — С. 90–93.
- Суринов В.М. Роль Скалозубова в научно-исследовательской работе Тобольского музея // Материалы научной конференции, посвященной 110-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. — Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1975. — С. 22–24.
- Суринов В.М. Н.Л. Скалозубов (1861–1915): Из истории сиб. краеведения // Ежегодник. / Тюм. краевед. музей. — 1963. — Вып. 3 — С. 70–82.
- Шелухин И.С. Н.Л. Скалозубов / И.С. Шелухин. — Новосибирск, 1961. — 79 с.
- Пигнатти В. Н.Л. Скалозубов и его деятельность в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1916. — Вып. 27. — С. 1–89.
- Овчинников Н.Г. Агроном Н.Л. Скалозубов как селекционер // Нужды Западно-сибирского сельского хозяйства. — 1915. — № 2. — С. 1–15.
- Фортунатов А. О литературном наследии Н. Л. Скалозубова // Вестник сел. хоз-ва. — 1915. — № 4. — С. 3–5.
- Френкель З. Н.Л. Скалозубов: [Некролог] // Земск. дело. — 1915. — № 5. — С. 321–323.

Окончание в следующем номере.

Демьянский бытописатель

О К.В. Гамолецком, отбывавшем ссылку в Тобольской губернии, я впервые узнал как об исследователе нашего края в середине 90-х годов от историка Н.А. Балюк, работавшей тогда научным сотрудником Тобольского музея-заповедника. В то время в Ханты-Мансийской окружной библиотеке как раз рождался замысел составления сборника «Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX—начала XX века», и по инициативе Натальи Алексеевны труд Гамолецкого «Демьянская волость», в котором дано историко-этнографическое описание этой территории, вошел в сборник, изданный в 1998 году под редакцией доктора исторических наук Л.П. Рошевской.

Константин Владиславович Гамолецкий (ок. 1865 — после 1893) родился в Кованской губернии в семье надворного советника. Учился в Виленской гимназии и по окончании ее поступил в Петербургский университет. В марте 1887 г. был арестован и осужден по делу дворянина Иосифа Пилсудского и др. на пять лет ссылки в Западную Сибирь под гласный

надзор полиции. В начале лета этого же года он прибыл в село Пельмское Туринского округа, а через год был переведен в село Демьянское Тобольского округа.

Имея наклонности к исследовательской работе, Гамолецкий еще в Пельме в январе 1888 г. ходатайствовал о разрешении ему отлучек до инородческих поселений для изучения края в этнографическом отношении, но это не было ему дозволено. В Демьянске же нашлись возможности для такого рода занятий. Результатом их стала работа «Демьянская волость».

Успеху труда Гамолецкого, несомненно, способствовали его внутренняя свобода, открытый и независимый характер. Прожив в Демьянске четыре года, он не стал, конечно, своим человеком в селе, но и не был затворником, а свободно сходил с местными крестьянами, зорко всматривался во все стороны их жизни и многое сумел разглядеть.

В жизни Гамолецкий не стеснялся открыто высказывать свое мнение. Он безбоязненно конфликтовал с волостным старшиной Николаем Овсянником и писарем А. Соколовым,

чем вызвал их жалобы начальству, что будто бы он распространяет между крестьянами «вредные поучения» и настраивает их против волостной власти. За оскорбление волостного старшины словом в сентябре 1889 года Гамолецкого заключили в Тобольский тюремный замок, а за оскорбление действием волостного писаря привлекли к следствию.

Однако в работе «Демьянская волость» трудно усмотреть столь сильный темперамент автора. В ней последовательно, систематично, всесторонне описывается сельская жизнь, ее экономические основы, крестьянский семейный уклад и быт, состояние здравоохранения и просвещения, особенности сельского общества. Все интересно автору, вплоть до речи демьянца. И предстает он перед читателем не только как бытописатель, этнограф, развешивающий «простое полотно» жизни северного села, но, пожалуй, в еще большей степени и как социолог: ему любопытен крестьянин с его темным умом индивидуалиста как личность и как общественное существо; за внешней оболочкой он хочет увидеть мотивы его поступков, скрытые движущие пружины сельского социума. Все это делает текст «Демьянской волости» увлекательным чтением, несмотря на отсутствие какой бы то ни было его «художественности».

Позднее, когда сборник работ политссыльных уже вышел в свет, представился случай прочитать в тобольской газете «Сибирский листок» в рубрике «Внутренние известия» серию корреспонденций из Демьянска 1891—1892 гг. Первая была подписана инициалами «К.Г.», остальные напечатаны без подписей. Не пришлось долго ломать голову, чтобы понять, что автор «Демьянской волости» и автор этих корреспонденций — одно и то же лицо. В этом убеждают и идентичность многих сообщаемых фактов и всей тематики, и использование порой одинаковых речевых конструкций, и то, что корреспонденции из Демьянска перестали появляться в газете после сентября 1892 г., когда окончился срок ссылки Гамолецкого и он уехал из Тобольской губернии.

Последний абзац последней корреспонденции наверняка дописан сотрудником редакции как прощальное благодарственное слово все тому же «К.Г.».

В газетных публикациях выпукло проявилась еще одна особенность, свойственная и труду «Демьянская волость»: автор имел свободу передвижения, достаточную для того, чтобы охватить взглядом большое пространство между Тобольском, устьем Иртыша и нижним течением Конды. В корреспонденциях то и дело встречаются сопоставления фактов жизни этих соседних территорий, а одна из тех, что

публикуются ниже, написана не в Демьянском, а в Самаре.

Воспроизводимые по публикациям «Сибирского листка» корреспонденции дополняют содержание «Демьянской волости» и вместе представляют существенно обогащенную новыми деталями картину жизни нашего края. Ценность ее, на взгляд автора строк, заключается еще и в том, что она помогает преодолеть идущее от учебника схематическое представление о прошлом и сквозь вековую толщу истории увидеть живые черты наших предков.

Биографические сведения почерпнуты из дела о высылке К.В. Гамалецкого в Тобольскую губернию (Тобольский филиал гос. архива Тюменской обл., ф. 152, оп. 12, д. 7).

Демьянск, 13 января. «Бог милует нас, покудова не дозволяет погибать крещеным», — говорит здешний крестьянин, беседуя о настоящей зиме. Действительно, зима пока «милостива». С 17 ноября морозы прекратились, и по 10 января стоял все умеренный холод, изредка прерываемый морозами. В теплые дни скот требует меньше корма, и эта статья заставляла мужика думать о Божьем милосердии. Как известно, по низу Иртыша и по Оби — бессенница, и населению пришлось перерезать большую часть скота, «пуская» на зиму соразмерно

запасу сена довольно низкого качества. Скот, ослабевший вследствие летней голодовки, так как и летом корм был весьма скуден сравнительно с прошлыми годами, плохо выдерживает нынешнюю бескормицу, и было уже несколько случаев падежа скота от изнурения. Недостаток сена везде, запасы прошлых лет истреблены весною прошлого года, и крестьянину придется плохо, если зима продлится долее обыкновенного. Цена на сено недавно была 25—30 копеек кучка, воз продавался по 3—3½ рубля, теперь же сена купить невозможно нигде.

Улов рыбы у Демьянска средний, ездившие на низ Иртыша промышленники-переметчики добыли мало, добыча самоловщиков весьма удовлетворительна. Одна беда — цены нет: масса обской рыбы понизила сильно цену.

Словом, подати уплачивать демьянцу трудно, скотину кормить также, положение незавидное. Счастье, что хоть урожай хлеба удовлетворителен. Зато в соседних низовых волостях ни хлеба, ни сена — пашни и луга были затоплены водой.

На волостном сходе 6 января решено положить часть податей и мирских сборов в количестве 200 рублей на так называемых «крепостников», которых особенно много в черноморском обществе. Крепостники — это крестьяне, владеющие большими участками земли сенокосной

или пахотной по купчим крепостям. Покупка земли совершалась лет 150 тому назад и ранее у владельцев ее остояков, которые уступали огромные пространства задешево («за крынку молока», как выражаются злые остряки). Угодья эти, составляя неприкосновенную собственность и их потомков, составляли издавна предмет вожделений со стороны не крепостников, пользующихся довольно скудными участками. Общества неоднократно пытались нарушить купчие крепости и взять землю в передел, но безуспешно, потому что «Петербург тоже на крепостном месте стоит». Теперь общества изменяют тактику и облагают собственников крепостей повинностями и поборами соразмерно количеству владеемой земли. Несколько лет тому назад наложили на крепостников земскую гоньбу, теперь же накладывают на них подати сверх платимых за надельную землю.

В соседних с нашей местностью инородческих волостях — Меньше-Кондинской и Верхне-Кондинской (Назрачинской) — свирепствовала до недавнего времени горячка. Остояки и вогулы массаами заболевали. Развилась сильная смертность. Помощи медицинской почти никакой, единственный фельдшер в с. Нахречах без медикаментов не в силах был справиться с эпидемией.

К.Г.
(1891. 27 янв.).

Демьянск, 10 февраля. Невеселая участь сельского корреспондента констатировать на каждом шагу разные беды, под бременем которых стонет население. Редко увидишь в деревне что-нибудь радующее душу и еще реже имеешь возможность поделиться этим с читателями Впрочем, нытьем горю не пособишь, перейдем к записыванию фактов.

В Демьянске докармливают остатки сена, и некоторые, кончив свое, принимаются увозить с покосов чужое. То и дело слышатся жалобы на покражу сена.

За неимением сена многие начали кормить скот тальником, у дворов навалены его кучи. Для корма оскабливают кожуру, запаривают горячей водой, молодые гибкие побеги дают скоту целиком. Скот поедает тал охотно.

Недостаток сена не позволяет употребить скот для работы, что сильно затруднит вывозку дров на парходную пристань, каковой промысел для большинства населения составляет единственное средство уплаты долгов за муку и другие предметы первой необходимости, забираемые в долг у здешних торговцев.

Лес для дров добывается за 20—30 верст от Демьянска на р. Демьянке, в одной-двух верстах от берега реки, куда подвозят его на лошадях. Теперь крестьяне должны искать год-

ного лесу по берегу Демьянки и сваливать на берег своей силой. При таких условиях цена 1 р. сажень, за которую крестьяне подражаются выставлять, окажется слишком низкой, но о надбавке подрядчики, конечно, и слышать не хотят.

Общество начинает раздумывать о неудобствах нынешнего способа выставки дров и намерено наложить на подрядчиков арендную плату за пользование пристанью, на которой до сих пор они складывали дрова без всякого вознаграждения обществу, хотя есть основание полагать, что они получают с компаний пароходных за пользование пристанью известную сумму, которая должна передаваться обществу. <>

Легче всего дается демьянцу проведение таких дел, как, например, общественный кабак. Открыт он 4 февраля после бурной сходки, на которой посрамлены были горланы, пропивавшие общественное дело и противившиеся открытию общественного питейного.

Неудовлетворительное санитарное состояние края: климатические и почвенные условия, обстановка жизни обывателя, вызывающая массу заболеваний, — заставляет нас ждать с нетерпением одного из паллиативов в этом отношении — открытия предполагаемой в Демьянке больницы. Вот уже три года, как мы лелеем надежду на ее устройство и присылку врача. В насто-

ящее время есть надежда, что ожидания наши исполнятся в не столь отдаленном будущем. Местность наша сильно нуждается в больнице, особенно низовые волости, отстоящие от Тобольска на 500 с лишком верст. Затрудненное сообщение с Тобольском, отсутствие врача и неимение зачастую лекарств у фельдшеров заставляет население пользоваться своими домашними средствами или прибегать к разным врачевателям из поселенцев, которые эксплуатируют больных самым наглým образом.

В 1888 г. в Демьянке ходил какой-то поселенец, который, накупив серы, квасцов, селитры и т.п., лечил ими крестьян, навывая эти снабдьба то «американским купоросом» (?), то каким-то «эмэн-арманом» (латинское якобы слово); рядился за лечение по 3—5—7 рублей, выманивал затем деньги под разными предложениями и увертывался от дальнейшего лечения. Таким образом в Демьянке и соседних деревнях он обобрал людей на 30 и более рублей.

Большие сравнительно суммы, которые крестьяне ему платили, дают повод предполагать, что они не пожалели бы денег на открытие на свой счет больницы, содержание врачу, лишь бы видели в этом несомненную пользу. Открыть свою больницу на средства нескольких волостей было бы для крестьян удобнее, чем ждать свыше почина в этом деле. Но беда в том,

что крестьяне не ожидают от этого нововведения пользы, кроме увеличения поборов. Медицинскому персоналу, действующему здесь, не особенно доверяют. Возбудить доверие населения может здесь только преданный своему делу врач или фельдшер. В этом отношении сослужил хорошую службу фельдшер В., проживший здесь полтора года. Население вспоминает с сожалением о его отъезде. <>

(1891. 28 февр.).

Демьянск. 17 марта. В Алексеев день, престольный праздник в здешнем приходе, в Демьянске по заведенному издавна обычаю собираются торговцы, едущие на «низ», и здесь устраивается торжок. В это время демьянцы стараются побольше купить товара, так как демьянские торговцы накидывают 30—50 процентов против тобольских цен. Так, например, кирпич чаю стоит здесь 1 р. 60 к. (в Тобольске — от 80 к. до 1 р.), фунт сахару — 24 к., бумаги № 7 или 9 стопа — 2 р. 40 к. (лист $1/2$ коп.), керосин 1 ф[унт] — 8 к., табак, махорки — 32 к., тысяча серянок — 8 к., один фунт кренделей — 10 копеек. Мука продается по 80 коп. за наличные деньги (на барке брана по 54, 55, 60 и 70 коп.). Остякам, которые берут муку у крестьян-кулаков, она обходится в 1 р. 20 к. и более, если присчитать вино, ко-

торым они угощают благодетеля за одолжение и поручителей за поручительство. Мука обыкновенно берется в долг к 6 декабря н[астоящего] года. Окрестные крестьяне, кроме рыбы, ничего не привезли для продажи. Кустарных промыслов в нашей местности почти не существует, разве изредка встретишь крестьянские изделия, но они производятся редко, и производство их не составляет постоянного занятия.

Ремесленников здесь нет, да и трудно у нас удержаться мастеровому ввиду дороговизны жизненных продуктов и низкой заработной платы. К этому еще присоединяется бедность крестьянина и крайняя недобросовестность (это есть качество не только многих бедняков, но и многих «справных»). Крестьянин или крестьянка делает заказ, ремесленник исполняет его, заказчик приходит за изделием и тут-то оказывается, что денег у него нет или не хватает, что цена дорога, просят сбавить гривенник или пятак и т.п. Если ремесленник уступчив и отдаст изделие без денег или получит только часть платы, то ему придется ходить к заказчику много раз, покада ему «мутно не станет» и не махнет рукой на долг. От долга здесь редко отпираются, но зато постоянно оттягивают уплату. Глаже дело идет, если ремесленник пьет, тогда часть заработка получает он деньгами, а осталь-

ная пропивается обоюдно заказчиком и ремесленником.

При таких условиях не может жить здесь долго ни один хороший мастеровой.

Народное здравие крайне неудовлетворительно. Только и слышишь: горячка да горячка. Между тем наш фельдшер почти бездействует.

(1891. 4 апр.).

Демьянск, 18 июня. В конце учебного 1890—91 года в Демьянском сельском училище выпускные экзамены не состоялись благодаря нерадению смотрителя народных училищ, который проездом из Самарова в Тобольск не пожелал остановиться в Демьянске для производства экзаменов («проспал», как сам писал к экзаменаторам).

С Пасхи еще ученики, кончающие курс, готовились к экзаменам, которые были назначены смотрителем в конце мая. Наступил назначенный день, но смотритель не явился, и только неделю спустя демьянский отец благочинный получил предложение проэкзаменовать учеников Юровского училища, но ни юровскому священнику, ни учительнице не предложено было сделать то же относительно демьянских учеников. Таким образом, труды и старания семи кончающих курс мальчиков Демьянского училища пропали даром и сомнитель-

но, чтобы все они явились к экзаменам будущего года ввиду нынешней неудачи. <>

(1891. 30 июня).

Демьянск, 23 июля. Необходимость открытия значащегося на бумаге демьянского спасательного поста кажется еще настоятельной ввиду частых несчастных случаев (в нынешнее лето в Демьянске было уже два случая), но, вероятно, открытие поста скоро не последует. Во-первых, заведение спасательной лодки, наем людей для поста (а их потребуются не менее четырех для охраны пристани и противоположного берега, на котором ловят переметами) потребует немало денег; во-вторых, потеря людей не особенно огорчает крестьян, ибо каждый надеется, что, даст Бог, не он утонет, а его ближний; в-третьих, по их мнению, в июле месяце перед Спасовым днем всегда «водяной дикует», и тут, разумеется, никакой спасательный пост не поможет.

Недавно в июне в Юровской волости произвели на сельском сходе выкуп и раздел по душам крепостных покосов, находившихся до сих пор во владении некоторых членов общества по праву наследства. Собственники крепостных мест получили вознаграждение в полтора рубля и угощение и уступили обществу свои владения, вступая в пользование ими

наравне с прочими (по числу дельных работников в доме).

Частые дожди, выпадавшие в начале июля, повлияли успешно на рост хлебов и трав. Сена надеются поставить много. По Конде урожай трав посредственный. Сенокос начался. <>

(1891. 1 авг.).

Демьянск, 9 ноября. Времена изменяются! Год-два тому назад крестьянин здешний, интересуясь судьбами мира, спрашивал: нет ли где войны? Очевидно, отношения между народами ему представлялись в виде военных действий, сменяемых перемириями. В настоящее время он спрашивает: нет ли каких новых законов? Как там сверху* живут, какие урожаи, почем мука? О военных действиях и помину нет.

Понижение покупательной силы населения заводского Приуралья и южных округов Тобольской губернии, мест потребления предмета промыслов Севера — рыбы — отразилось у нас и в Тобольске падением цен на этот продукт, что опять ослабило движение его к Тобольску. Промышленники не могут сбыть товар, ямщики не получают клadi для перевозки. Провозная цена понизилась. От Самарова везут 30 к. с пуда. Многие, не нанявшись, возвращаются домой, другие уезжают на «низ» искать заработка. <>

Демьянск, 4 декабря. Мука дорожает у нас с часу на час — недели две тому назад стоила 1 р. 20 к.—1 р. 30 к., теперь 1 р. 50 к. Часть населения, у которой запас хлеба невелик, с опасением смотрит в будущее.

Соседняя Конда оглашается стоном остяков, застигнутых бесхлебицей, и радостными кликами дельцов, слетевшихся туда во множестве, как вороны на падаль. Везут туда все, что можно сбыть: картофель мерзлый, лук, репу, ячмень, муку, поношенную одежду и водку, которая, несмотря на воспрещение, льется туда обильным потоком. Остяк так привык к водке, что без нее он не примет и на ночлег. Здешние кулаки едут «в остяки» собирать долги и берут с них ягоды, рыбу «без цены», а так, почем продается в городе. Впрочем, некоторые берут товар определенной мерой: так, один спекулянт взял у здешнего кулака 25 пудов муки по 1 руб., а в Конде взял два с половиной пуда ягод за один пуд муки. Затем приехал в Демьянск и взял еще больше, но тут демьянскому спекулянту завидно стало, и он набавил по 20 к. на пуд. Все это, конечно, остякам «на шею».

Процедуры обирания ближнего производятся, по рассказам обирающих, весьма добродушно, «любя». Они рассказывают об этом с прибавлением

* Страны далекие крестьянину представляются все сверху Иртыша.

тех благонравных поговорок и прибауток, которыми изобилует речь нашего крестьянина, особенно начинающего жиреть «от трудов своих»: «Набрал рыбенки, да не знаю, чего Господь даст», «Бог дал по трудам нашим», все это дает право восклицать после удачной операции: «С нами Бог, и кто же...».

Впрочем, настоящая бесклебница в Конде не проходит без полезного урока осякам. Многие из них решились завести хлебопашество, а некоторые, пробовавшие сеять, расширить свои запашки.

Пожелаем успеха в этом деле сынам этого злосчастного, но симпатичного племени!

(1891. 15 декабря).

Демьянск, 29 января. Хлеб в Демьянске дорожает <>. Массы нищих — курганцев, ялуторовцев, камышловцев и жителей низовых волостей — ходят и вымаливают кусочки. Весной ожидается недостаток хлеба. Организации продовольственного дела нет никакой, т.к. хлеба недостает не у всех, а у половины. Имеющие большие запасы хлеба заранее предвкушают барыши, а те, которые надеются «пробиться до барок», мало интересуются этим делом. Нуждающиеся в хлебе предоставлены, таким образом, своим силам, и весною им придется туго.

(1892. 6 февр.).

Демьянское, 27 февраля. Я уже сообщал о предстоящей голодовке некоторой части населения Демьянской волости. В настоящее время голодовки настоятся фактом, много семей «приело» свой хлеб, некоторые и семенной; есть люди, которые жили по несколько дней без хлеба.

В черноморском обществе за пуд ржаной муки дают 1 р. 50 к., но «справные» удерживаются продавать, надеясь на повышение цен.

Словом, голодовка наступает и вместе с нею обычные сцены издевательства и грабежа со стороны богатых по отношению к беднякам.

Так, например, в д. Шуклиной Константин Шуклин несколько дней сидел без хлеба с семьей. Наконец обратился к «справному» соседу Н.З. с просьбой ссудить ему пуд муки. З. выгнал вон просителя.

В Больше-Кондинской волости голод: во всей волости не более десяти семей прокормятся до весны без посторонней помощи. В Меньше-Кондинской голод не так чувствителен благодаря удачным промыслам, но и там дела не блестящи.

Раньше я сообщал о способе ведения здешними кулаками торговых операций с инородцами, именно, что товар забирается кулаками на комиссию, а после его продажи поступает расчет.

Теперь факты, проясняющие эту процедуру.

Демьянский кулак П. взял у инородца юрт Красноярских Леонтия Пахтышева рыбы и ягод на комиссию с тем, чтобы продать товар в Тобольске, взять провоз, 10 процентов за хлопоты и выверстать долг за муку, взятую Пахтышевым в прошлые годы по 1 р. 30 к. П. товар продал, деньги положил себе в карман, захватил, кроме того, находившееся в деле у кожевника две копии должника и не дает последнему никакого расчета, на требование Пахтышева расплатиться мукой за оставшиеся за П. деньги кулак гонит Пахтышева вон из дому. П. проделал то же самое с инородцем Алексеем Пахтышевым.

Согласитесь, читатель, что парадокс Прудона «Собственность есть воровство» вполне приложим к собственности П-а и ему подобных, даже если неверен слух, что капиталец, которым сей муж благодетельствует остякам, найден им или отцом его в стоге сена, куда задунил под пьяную руку известный в прежние годы демьянский промышленник Питухин. Существование этого слуха есть факт, который признает сам П. (1892. 5 марта).

Демьянск. 27 марта. Демьянский сельский сход 8 и 22 марта постановил просить казну о пособии 4 р. на душу.

Чем мотивирована просьба в приговоре, не знаю, сообщу

только мнения крестьян, бывших на сходе. «Самаровцы и филинцы ввиду голодовки просили пособия — а мы чем хуже их? Говорят — у нас хлеб есть, а поглядите, как самаровцы живут: дома двухэтажные, крашенные, одежда купеческая, брюки навывпуск, калоши, а долгу купцам страсть! (Прибавим от себя: грамотность в Самаровом развита сильнее здешнего). Мы, хлебные мужики, ходим в холстинных шабурах, в броднях, жилища наши низки, грязны; ездим в Самаровскую волость промышлять — с нас кортом берут, да еще мы обязаны им помогать гоньбой земской — 700 руб. платим. У них промыслы богатые. Нет, коли самаровцам пособие, так нам и подавно».

На вопрос, почему все общество просит пособия, а не все нуждающиеся, которых сравнительно немного, отвечают: «Раньше выходило пособие бедным, а взыскивали потом со всего общества, так уж теперь пускай дают всем — не обидно будет потом и платить».

Помянутый приговор общества вызван вовсе не нуждой, нечего и говорить, что он совершенно неоснователен. Причины его: 1) чувство обиды, которое испытывает демьянец, сравнивая свое положение с жизнью самаровца и видя его несомненно высший уровень потребностей, и 2) желание многих мужичков воспользо-

ваться подачкой при удобном случае, бедные — только предлог для получения пособия.

Мысль о «поравнении» с самаровцами глубоко засела в головах демьянцев. Жизнь самаровцев им кажется весьма заманчивой, и они не видят причин, почему бы и демьянцам не пользоваться благами жизни подобно самаровцам, хотя они и не развивают своего рассуждения далее и не доходят до вывода: «потребности человека в среднем одинаковы».

Нуждающиеся семьи демьянского общества ходатайствовали о ссуде муки из демьянского запасного магазина в первых числах марта, список по семейный нуждающихся отослан исправнику недавно, задержка произошла по вине сельского управления, которое ввиду желаяния обществом денежного пособия задерживало список.

Торжок в Демьянске в Алексеев день прошел удачно. Несмотря на дурную погоду, десяток торговцев торговали бойко — выручили 80—140 рублей. Из местных кустарных произведений впервые появились по десятку пряслиц и тюриков (основные цилиндры, на которые наматывают пряжу), которые были мигом разобраны, т.к. в настоящее время крестьянки прядут и готовят пряжу для тканья.

(1892. 5 апр.).

Демьянск, 20 мая. Нынешний год для Демьянска особенно неблагоприятен в санитарном отношении. Сырая зима и продолжительные холода весной способствовали развитию простудных болезней и тифа (брюшного), занесенного сюда, как можно полагать, с осени выходцами из южных округов. Смертность, впрочем, от тифа весьма незначительна. Медикаментов для борьбы с эпидемией не было и высланы они сюда недавно комитетом общественного здоровья по требованию вновь прибывшего сюда заседателя г. Н-ва, который сам заболел недели через две по приезде. В настоящее время новых заболеваний не наблюдается. <>

Теперь кое-что о грунтовой дороге Тобольск—Самарово.

В конце марта и начале апреля начальство предложило волостным правлениям составить список желающих наняться на общественные работы. В Демьянской и, сколько известно, Юровской волостях охотников не оказалось. Дело в том, что назначенная цена 40 копек в день на своих харчах, со своими инструментами — ниже местных цен. Здесь зарабатывает рабочий 30—40 коп. на хозяйских харчах, причем часто пользуется хозяйской одеждой. Работа домашняя (пилка лесу, например) требует меньше издержек на одежду, т.к. в лесу

сильно изнашивается одежда и обувь.

В Юровской области ссыльный элемент доставлял бы много наемников, но все они раньше нанялись — «продались в невод». Деньги взяты вперед, отданы в уплату податей, стало быть, люди связаны.

10 мая прибыл сюда поручик Левантцев для устройства склада продовольствия рабочим и руководства работами.

15-го прибыла на паузке партия в 270 человек, состоящая из крестьян голодающих местностей и частью уголовных ссыльных.

Работы начались 18 мая.
(1892. 7 июня).

Демьянск, 9 июля. Не оправившись от весенней голодовки, низовый край встречается с новой бедою — бессенницей. Луговой берег волостей Демьянской, Филинской, Самаровской, а также набережные Оби в Березовском округе затоплены водою. Пашни и сенокосы — под водою.

От с. Реполовского прибрежная равнина Иртыша верст на 80 длины, 15—25 ширины, именуемая сором, представляет громадное пространство, насколько глаз хватает.

Сор этот есть сенокосное угодье реполовцев, жителей с. Базьякова и д. Фроловой и Мануйловой, поэтому можно себе представить опасение жителей,

видящих воочию грядущую бессенницу. Скот в большинстве случаев держат дома, на наземах, каждый день отправляясь в тальники за таловыми ветвями на корм. Некоторые, не боясь медведей, отправили лошадей на гору в лес. Ныне вода начала сбывать, но убывает медленно, и рассчитывать на урожай трав невозможно.

(1892. 2 авг.).

Самарово, 17 июля. В «Сибирском листке» нам уже было сообщено о необходимости устройства демьянцами хлебозапасного магазина. И вот на сельском сходе, состоявшемся 7 июля, обсуждался вопрос: куда употребить прибыль от общественного питейного заведения (приблизительно 1100 руб.).

Волостной старшина, а также сельский староста предложили общественникам на имеющийся капитал купить муки на случай недостатка.

После долгих споров и толков было постановлено: «кабацкие деньги» разделить по душам и зачислить в подать. Некоторые протестовали, заявляя, что устройство магазина и закупка хлеба полезнее, но безуспешно. В самом деле, купленная мука была бы продана к наступлению 1893 года, и тогда обратно вырученные деньги можно было бы употребить на уплату податей. Слов нет, зачисляя мирской капитал в подать, они

поступили благоразумно, тем более от прежних лет за ними считается недоимка, но разве лучше, если крестьянин и на деньги нигде подчас не может купить муки?

Живым примером может служить соседняя Конда (в 60 верстах от с. Демьянского зимой), где жители в конце минувшего и начале настоящего года терпели недостаток в хлебе, для приобретения которого нужно было платить баснословную цену — за один пуд муки отдать несколько пудов рыбы, орехов и пр. Таким образом, упомянутые продукты переходили к торговцам за самую ничтожную цену. Рад бы кондинец продать рыбу и пр. за наличные деньги, но вопрос — кому? Ехать в Тобольск с 10—15 пудами для него также невыгодно: во-первых, он потеряет несколько рабочих дней на проезд 600 с лишком верст вперед и обратно, а во-вторых, нужно прокормить лошадь и себя в течение полутора-двух недель. Пользуясь этим, не один демьянский мужичок, не говоря, конечно, о местных кулаках, нажились за счет обывателей Конды. Так, отправляясь в Конду с 3—4 пудами муки и таким же количеством картофеля, возвращались с 35 и более пудами мелкой рыбы. Принимая стоимость четырех пудов ячной муки в 4 р., картофеля 1 р. 20 к., т.е. всего на сумму 5 р. 20 к., а 35 пудов рыбы, считая по

65 коп. пуд, — 20 руб. 25 коп., получается чистая прибыль 15 руб. 05 коп.

Из этого ясно видно, насколько должно было пошатнуться экономическое положение кондинцев. При подобных операциях, как надо полагать, дело не обходится без водки, которую торгаши, вопреки закону и под предлогом «для себя», увозят в Конду (там питейных заведений нет).

Впрочем, у большинства крестьян при денежных расчетах, продаже, покупке и прочих сделках без винопития не обходится!

Виды на урожай в Демьянской и Филинской волостях следующие: хлеб на горе выжжен местами, иные полосы хороши, урожай ожидается посредственный.

Вода в Иртыше спадает медленно и на урожай трав рассчитывать нечего.

12 июля в Сенкиной речке (на демьянских покосах), по словам крестьян, выпадал град величиною с куриное яйцо.

(1892. 2 авг.).

Демьянск, 11 сентября.
Наши крестьяне в нерешимости: сеять ли им озимый хлеб на бывших под водой полях или нет. Однако перспектива будущей голодовки заставляет паших мужичков потрудиться над своими полосами, как говорят, на «авось», т.е., быть может,

вода в будущую весну будет мала, и хлеб останется цел, а не погибнет, как в этом году. Большеводие имеет вообще важное значение в низовьях Иртыша не только в деле хлебопашества: от воды зависит успех рыбного промысла, играющего главную роль в экономическом положении местного населения, она может надолго затопить все луга и породить бессенницу. Вообще вид сел и деревень, расположенных на низких и отлогих берегах реки, представляет весьма печальную картину, когда вода, поднявшись, затопляет их; еще хуже, если она до очистки своей ото льда выйдет из берегов, тогда на несчастных селениях еще сильнее отражаются ее последствия, ибо лед в подобных случаях нередко движется через села и деревни, унося попавшиеся на пути предметы. <>

Село Демьянское расположено на правом берегу Иртыша, который вблизи села протекает на северо-запад, а подходит к нему с юго-запада; таким образом, образуется изгиб под прямым углом, и течение вследствие крутого поворота реки, ударяя в берег, подмывает его; последний, к сожалению, очень высок (несколько сажен) и состоит из глинисто-иловатой почвы, быстро разрушающейся от действия воды.

Чем выше уровень воды в Иртыше, тем сильнее и больше обваливается берег, иногда па-

дает массу в несколько сажен длины и ширины. Нередко скот, находящийся вблизи, также сваливается в воду вместе с землей. В продолжение пяти лет берег был уничтожен, самое меньшее, сажен на 70 по направлению к селу.

Демьянцы относятся к этому гораздо равнодушнее, чем бы следовало, и, как видно, мало обращают внимания на тот ущерб, который им причиняет вода.

Впрочем, несколько лет тому назад со стороны крестьян по чьей-то инициативе была попытка предохранить берег от постепенного разрушения. Для того предполагалось изменить направление реки, прорыв ей новое русло, к устройству которого способствовала сама природа. Хотя им удалось выполнить задуманный план — прорыть, но тем не менее труды остались тщетными: течение не оставило прежнего русла и по-прежнему уничтожает каждую весну берег, заставляя живущих возле него переносить жилые помещения на более безопасные места.

Пройдет несколько лет, и река, если вторично не будут приняты меры, результат которых устранил разрушение берега, примет уже вместо северо-западного направление северное. Немало домов придется перенести на другие места, не исключая церкви, училища и пр., перестройка которых будет стоить недешево. <>

Нельзя пропустить без внимания трудов К.Г., который весной боролся с тифом, а при появлении холеры заявил в волостном правлении о своей готовности оказывать помощь заболевавшим; подвергаясь опасности, Г. являлся к больным по первому требованию и, на-

сколько известно, дело вел успешно. Этот же добрый человек пожертвовал в Демьянское училище инструменты для переплетного мастерства, а также столярного, в надежде, что рано или поздно учащиеся будут заниматься ручным трудом. (1892. 20 сент.).

*Александр Гумбольдт в Тобольской губернии
и его контакты с губернатором Вельяминовым
и доктором Альбертом*

Тобольский вариант путешествия А. Гумбольдта по России

О феномене Александра фон Гумбольдта как ученого и личности написано немало, и в рамках этой статьи не ставится задача охарактеризовать и объяснить его. Общеизвестны такие качества Гумбольдта, как небывалая работоспособность (список научных трудов из 636 названий, до 2000 писем в год научной и деловой переписки), целеустремленность и самосовершенствование, самодостаточность и жесткое планирование своего времени. Гумбольдт принадлежит к числу универсальных гениев человечества, современники называли его «Аристотелем XIX века». Как все деятельные мудрецы, он жил долго — 90 лет. Для современников он был, по образному выражению тюменского исследователя творчества Гумбольдта А.К. Омельчука, чем-то вроде первого «космонавта».

И не только потому, что написал капитальную монографию «Космос», но и потому, что открыл для землян планету Земля, умел смотреть на нее обобщенно, как с космического корабля.

В немногочисленных работах российских исследователей жизни и научного творчества А. Гумбольдта достаточно подробно, с хронологической точностью описывается его путешествие по России в 1829 году. Совершенно справедливо отмечаются заслуги ученого в географическом изучении Алтая, Урала и Прикаспия.

Александр Гумбольдт чрезвычайно высоко оценивал значение поездки в Россию: «1829 год был светлой точкой в моей жизни, обогатившей мое воображение великим множеством идей» (Гумбольдт Канкрину, 11.04.1839, Переписка 1962. С.

139). К путешествию в Россию А. Гумбольдт шел долго — через сельву Амазонии и льянос Ориноко, все последующие годы обработки материалов своей американской экспедиции. Россия встречала Гумбольдта уже как известного и прославленного географа в зрелом возрасте (именно в России, в уральском городе Миассе он праздновал свой 60-летний юбилей). Поездка в Россию явилась последней крупной экспедицией А. Гумбольдта, наблюдения и результаты которой наряду с прочими легли в основу фундаментального труда «Космос» — вершины научно-творчества исследователя.

Мысли о России посещали Гумбольдта еще в молодости. Однако от замысла до реализации планов относительно России прошло почти 40 лет. В этой связи нам кажется небезынтересным проследить эволюцию намерений Гумбольдта, связанных с Россией.

Российский интерес Гумбольдта, скорее всего, формировал приятель его молодости русский студент Фрейбергской горной академии В.Ю. Соймонов, потомок выдающегося сибирского губернатора с «дранными ноздрями» Федора Ивановича Соймонова, впоследствии управляющий барнаульскими горными заводами. В письме Гумбольдта Владимиру Соймонову впервые проявляется его желание путешествовать по

России, его страстный интерес к неведомой стране Сибирь. «Я становлюсь дерзким, дорогой друг, — писал Гумбольдт Соймонову, — но я должен обратиться к Вам с одной-единственной просьбой: если в течение 20 лет Вы будете иметь возможность или сами по себе, или в связи с уважаемым семейством, из которого Вы происходите, послать кого-нибудь в экспедицию или даже на постоянную должность в Сибирь для работы по геогнозии или ботанике, не забудьте о своем старом друге в Фихтельгеберге уже три года это (посещение Сибири) одно из моих самых горячих желаний» (Гумбольдт Соймонову, 11.07.1793, Переписка 1962. С. 27–28). С учетом этих трех лет «начало» путешествия Гумбольдта в Россию, на ментальном уровне — в замыслах и проектах, можно датировать 1790 годом.

Впоследствии «азиатско-русский» интерес Гумбольдта проявился в 1805 году, когда он после пятилетнего американского путешествия снова появился в Европе. «10 марта 1805 года, — как отмечает К. Бирман, — Гумбольдт высказался о своем намерении отправиться в районы Крайнего Севера Азии и провести там комплекс наблюдений в период долгой полярной ночи. Начиная с 1807 года, поездка в Центральную Азию стала для него решенным делом, о чем знали все друзья и

знакомые» (Biermann, 1976. S. 331—336).

Более конкретно речь о потенциальном путешествии Гумбольдта в Россию идет в письме к высокопоставленному соотечественнику на русской службе А. Ренненкампу в январе 1812 года: «Я желал бы получить разрешение проехать через всю Азию под 58 и 60 градусом широты от Екатеринбурга, Тобольска, Енисейска, Якутска до вулканов Камчатки и побережья Южного моря». Это письмо представляет собой ответ на приглашение русского правительства исследовать внутренние районы Азии. Общая продолжительность путешествия планировалась Гумбольдтом на срок 7—8 лет. «Не можете ли вы дать мне точные сведения о том, под какой широтой лежит самое северное и обитаемое зимой селение в Сибири? Было бы очень интересно узнать также часовые колебания магнитной стрелки и силу магнетизма во время северного сияния среди полярной ночи» — это лишь часть вопросов относительно России, интересовавших ученого (Гумбольдт Ренненкампу, 7.01.1812, Переписка 1962. С. 31). В планы естествоиспытателя, однако, вторгся Наполеон, развязанные им европейские войны отодвинули осуществление заманчивой для Гумбольдта идеи на целых 17 лет. Много лет спустя Гумбольдт с грустью сравнивал

свои давнишние обширнейшие планы с теми сравнительно скромными результатами, которых ему удалось позднее достичь реально, как ни дорога была ему поездка по Сибири, состоявшаяся в 1829 году (Скурла, 1985. С. 179).

Летом 1827 года русский министр финансов граф Канкрин по поручению правительства обратился к Гумбольдту с просьбой дать заключение о целесообразности чеканки монеты из платины, добывавшейся в небольших количествах на Урале (Гумбольдт Канкрину, 15.08.1827, Переписка 1962. С. 38—41). Завязалась переписка А. Гумбольдта с Е.Ф. Канкриным, в ходе которой в течение двух лет обсуждалось в деталях предстоящее российское путешествие. Александр Гумбольдт вплотную приблизился к реализации своего давнего желания.

В переписке с Е. Канкриным за год до путешествия А. Гумбольдт согласовывал маршрут предстоящей поездки: «Я все время говорю о Тобольске, потому что именно этой милости — разрешить мне доехать хотя бы до Иртыша — я и прошу его величество (Кольвань — было бы слишком много для одного лета). Тобольск — это мечта моей юности» (Гумбольдт Канкрину, 26.02.1828, Переписка 1962. С. 54). Годом позже накануне экспедиции он пишет: «У меня было еще в юности, может быть, детское, но горячее

желание увидеть реку Амазонку и Иртыш (Вы замечаете, что я напоминаю Вам о Вашем любезном обещании насчет Тобольска); теперь оно, наконец, исполнится» (Гумбольдт Канкрину, 10.01.1829, Переписка 1962. С. 60).

Интерес А. Гумбольдта к сибирским просторам был очень велик. Однако желание пересечь Россию в широтном направлении, увидеть Байкал и Камчатку осталось нереализованным так же, как и не сбылась другая его заветная мечта — исследовать горы Центральной Азии. Огромность страны, ограниченные сроки, финансируемое правительством задание (оценка горно-промышленного потенциала Урала) сделали А. Гумбольдта реалистом.

Обращает внимание стойкое и даже настойчивое желание А. Гумбольдта посетить Тобольск — негласную столицу Сибири. Именно на пребывании Гумбольдта в Тобольске и Тобольской губернии хотелось бы остановиться особо. В монографиях и публикациях, посвященных его путешествию по России, этот период и этап путешествия освещается незаслуженно скупо. Тобольск в ряду других городов упоминается лишь как транзитный пункт, через который пролегал маршрут экспедиции. Имеющиеся документы свидетельствуют о другом — они позволяют рассматривать город Тобольск как «по-

воротный» пункт, предопределивший дальнейший маршрут экспедиции, а «тобольский период» путешествия, как важный и значимый для Гумбольдта. Пользуясь терминологией И.М. Забелина, наряду с алтайским и каспийским вариантом (Забелин, 1988. С. 199, 213) можно говорить и о северном (тобольском) варианте азиатского путешествия Гумбольдта — варианте, увы, неосуществленном, оставшемся лишь в замыслах великого ученого. В доказательство данного смелого утверждения можно привести следующие соображения И.М. Забелина: «Первоначально предполагалось, что конечным восточным пунктом путешествия Гумбольдта будет Тобольск, но в Тобольске Гумбольдт посчитал, что по времени (до зимы) он еще успеет посетить южный Алтай, и получил согласие властей на продолжение путешествия. В Тобольске к Гумбольдту и присоединился «долговременный попутчик Ермолов, племянник «покорителя Кавказа» и сам на Кавказе бывавший».

В письме Е. Канкрину, отправленном из Тобольска, он сообщает: «я поеду отсюда через Тару, Каинск, Барнаул и Змеиногоorsk в Усть-Каменогorsk и Бухтарму, а оттуда через Усть-Каменогorsk обратно в Семипалатинск, Омск и Троицк» (Гумбольдт Канкрину, 11.07.1829, Переписка 1962. С. 76—77). Меся-

цем раньше в письме к Г. Фишеру из Екатеринбурга, как и в начале поездки, Гумбольдт указывал совсем другой маршрут своего путешествия: «Екатеринбург, затем Тобольск, Омск, Златоуст, Оренбург» (Гумбольдт Фишеру, 12.06.1829, Переписка 1962. С. 72).

Таким образом, в российском путешествии Гумбольдта можно различать программу-минимум и программу-максимум. Программа-минимум определялась правительственным заданием и ограничивалась Уралом в соответствии с главной целью экспедиции. По просьбе Гумбольдта, цитированной ранее, в обязательную программу был включен Тобольск. Программа-максимум не была строго определена, Гумбольдту в случае наличия резерва времени предоставлялось право самому выбирать маршрут дальнейшей поездки. Именно в Тобольске Гумбольдту предстояло сделать такой выбор. По всей видимости, это решение далось ему нелегко, после недолгих колебаний он принимает решение включить в маршрут своей дальнейшей поездки Алтай.

Гумбольдт во время непродолжительного пребывания в Тобольске (8—12 июля) высказал намерение побывать на Тобольском Севера и даже на Полярном круге. Видимо, любопытному естествоиспытателю очень хотелось попасть на Северный полярный круг (вспом-

ним его желание, высказанное в 1805 году). И если бы не уговоры спутников тогда, сейчас, возможно, А. Гумбольдта характеризовали бы еще и как исследователя севера Западной Сибири. Естественно, если бы Гумбольдт настоял на своем, то в этом случае не было бы ни алтайских, ни прикаспийских маршрутов. Реально оценив возможности продолжения путешествия в северном направлении, А. Гумбольдт отказывается от этой идеи. Тобольск становится самым северным пунктом его путешествия по Сибири.

В Тобольске Гумбольдт познакомился со своим соотечественником — инспектором местной врачебной управы доктором Яковом Ивановичем Альбертом, который совершал регулярные поездки в Березов и Обдорск. Доктор Альберт, по воспоминаниям современников, определялся «опытным и искусным врачом». Член Тобольской врачебной управы Франц Белявский, автор одного из первых медико-географических описаний Тобольского Севера, писал о своем коллеге: «После поездки инспектора Альберта в Березовский уезд началась деятельная переписка с высшим начальством, и с этого времени почти ежегодно на несколько месяцев отправлялся туда инспектор Альберт и по мере возможности подавал помощь инородцам». По тем временам подобная забота

была делом немалым. Небезынтересно отметить еще одну сторону биографии доктора Альберта. Доктор был родным племянником Шарлоты Буфф, той самой, которую в 23 года безнадежно любил великий Гёте, и которая осталась в истории мировой литературы под именем Лотты из «Страданий молодого Вертера». Именно в доме доктора Альберта останавливался Александр Гумбольдт во время пребывания в Тобольске в июле 1829 года. По всей видимости, рассказы доктора о Тобольском Севере увлекли Гумбольдта. Документальным свидетельством пробудившихся «северных» интересов Гумбольдта является письмо доктору Альберту относительно исследования севера Западной Сибири. (Гумбольдт Альберту, 1829, Переписка 1962. С. 96—97). Письмо было написано, вероятнее всего, в августе 1829 года на обратном пути Гумбольдта с Алтая, а не в конце 1829 года по возвращении в Германию, как указывают некоторые авторы, потому что в письме речь идет о проведении исследований в сентябре текущего года. Письмо по содержанию можно рассматривать как наказ, в котором Гумбольдт обозначил главные пункты исследований мерзлых грунтов. По всей видимости, тобольский доктор не без гордости исполнил просьбу великого ученого. Письмо не

долго, но хорошо характеризует интересы ученого. Поэтому приведу его полностью:

«Если уже и в отсутствии моем должен я обеспокоить господина статского советника Альберта, то откровенно выскажу свои желания.

Первое. В июне в ближайших к Северу местах, везде или только в болотистых лесах, под растаявшим слоем а-в находится замерзший слой б-с, лежащий, вероятно, на незамерзшей земле с-д. Должно думать, что слой б-с с каждым летним месяцем становится постепенно тоньше. Вообще весьма бы любопытно было посредством выкапывания колодезей узнать:

а) находится ли в Березове и Обдорске замерзший земляной слой б-с до окончания лета (т.е. до начала сентября) везде или только в некоторых болотистых местах;

б) действительно ли существует постоянный замерзший слой б-с;

в) какую толщину имеет этот замерзший слой в конце августа и в начале сентября.

И потому надобно бы аршинами определить, в какой глубине находится лед в слое а-в, какова толщина замерзшего слоя б-с. Может быть, этот слой имеет такую толщину, что ее можно определить только посредством бурава в начале сентября».

Второе. Измерить на льду ширину Иртыша при Тобольс-

ке и Омске, ширину Оби при Березове и Обдорске.

Третье. Перевести на остяцкий язык некоторые фразы, чтобы иметь понятие о грамматическом изменении слов в сем языке. Например, молитву «Отче наш!» (и перевод написать русскими буквами). Далее, например: «Я имею большого оленя, а маленькие олени принадлежат моему брату», «Моя жена ест большую рыбу, а маленькие будут есть завтра», «Олени моего брата крупнее, нежели олени моего отца».

С благодарностью вспоминая о приятных днях, проведенных мною с друзьями моими в гостеприимном доме господина статского советника Альберта, остаюсь и прочая Александр Гумбольдт».

В постскриптуме ученый добавлял: «Письма ко мне адресовать всегда в Берлин на имя министра финансов фон Канкрина или графа Нессельроде и князя Волконского».

Толстоту льда в Березове и Обдорске нельзя ли будет измерить в конце нынешнего лета, то есть в начале сентября сего 1829 года».

Информации о пребывании А. Гумбольдта в гостеприимном доме доктора не сохранилось. Пока лишь удалось обнаружить по плану Тобольска 1831 года дом доктора Альберта, в котором, по нашей версии, почти неделю проживал Гумбольдт в 1829 году. Этот дом, располо-

женный в подгорной части города по соседству с губернаторским особняком на улице Мира, 4, был известен как дом купца Володиминова конца XVIII века. В инспекции по охране памятников культуры города Тобольска и в областной инспекции это единственная имеющаяся информация по этому дому. Из найденных в Тобольском филиале государственного архива Тюменской области документов (План города Тобольска 1784, 1831 года; Дело № 457. Оп. 1. Фонд 355 ТФ ГАТО) явствует, что в этом здании существовала «казенная аптека с принадлежностями». Дом, по всей видимости, недолго принадлежал купцу Володиминову или после постройки его на купеческие средства был передан городу в ведение Приказа общественного призрения. Возможно, купец Володимиров обанкротился, как это произошло с купцом Куклиным (его дом стал штаб-квартирой Западно-Сибирского губернаторства, о чем речь пойдет далее), либо он по своей инициативе передал дом под аптеку. По разновременным картографическим источникам и на основании справки, содержащейся в «Деле об открытии в Тобольске аптеки титулярным советником Фарбеком», которое, кстати сказать, вел доктор Альберт, удалось установить дату появления в доме аптеки — 1763 год. На картах города То-

больска рассматриваемого периода данный дом является единственным больничным учреждением. Учитывая, что доктор Альберт сам непосредственно занимался казенной аптекой, логично предположить, что «принадлежности к аптеке», указываемые в легендах к картам являлись одновременно апартаментами для доктора Альберта, а значит, именно в нем проживал Гумбольдт пять июльских дней во время пребывания в Тобольске. Еще одной существенной деталью истории этого дома является то, что он был первой каменной постройкой в подгорной части города Тобольска. Это тем более важно, если учитывать, что в XVIII веке Тобольск был единственным городом помимо Санкт-Петербурга, где было разрешено каменное строительство. На прилагаемых к статье фотографиях представлены два дома-соседа и ровесника с разными судьбами — аптека (дом доктора Альберта — Albert Haus — рис. 1, 2) и дом генерал-губернатора (Gubernator Haus — рис. 3, 4). Если на фотографиях вековой давности внешний вид домов выглядит одинаково респектабельно (рис. 5, 6), то в настоящее время он представляет разительный контраст. Сейчас дом доктора Альберта находится в аварийном состоянии. Последние десятилетия он использовался под размещение детской поликлиники, т.е. ме-

дицинский профиль данного строения сохранялся практически с момента его постройки. Год назад вследствие аварийного состояния поликлиника переехала, а дом передали детскому авиаспортивному клубу. Дети под руководством энтузиаста авиации, прекрасного педагога и любителя тобольской старины Николая Нестеревича Южакова в настоящее время восстанавливают этот дом. Необходимы срочная реставрация и мемориальное оформление его как «дома, в котором останавливался Александр Гумбольдт во время своего путешествия по России».

Теперь кратко остановимся на контактах Гумбольдта с «власть предержащими». Император Николай I принял горячее участие в организации исследовательского вояжа по сибирским просторам. Принял участие, как понимал, по-императорски: в пути следования Гумбольдту губернские чины оказывали почтение не как простому путешественнику: это была своего рода официальная экспедиция. Что, впрочем, иногда мешало, иногда помогало. Особую роль в судьбе экспедиции сыграл тобольский генерал-губернатор, правитель Западной Сибири Иван Александрович Вельяминов. Возможно, их встреча проходила именно так, как ее описывает Вадим Сафонов: «Одиннадцатого июля Гумбольдт смотрел с высокого бе-

рега на сизо-бурое непомерное пространство движущейся воды. Это походило на равнину, на осеннюю степь. И Гумбольдт сказал Вельяминову: «Я с юных лет мечтал об Иртыше и Тобольске». К сожалению, тобольский архив не сохранил каких-либо документов, связанных с контактами Гумбольдта и Вельяминова в «тобольский период». Известно лишь, что генерал-губернатор устраивал шумные приемы по случаю визита прославленного ученого, отрядил с путешественниками своего адъютанта Ермолова (племянника «покорителя Кавказа») для сопровождения экспедиции на Алтай и на обратном пути до Оренбурга. Лучше всего ее характеризуют слова самого Гумбольдта «Генерал-губернатор Тобольска, который осыпает нас любезностями, дает нам в сопровождение одного из своих адъютантов. Всюду нас встречает самый радушный прием».

Губернаторский дом, в котором в июле 1829 года неоднократно бывал Гумбольдт, является достопримечательностью Тобольска. Это здание, известное в Тобольске еще и как дом купца Куклина, было построено в конце XVIII века. С 1817 года здесь жили генерал-губернаторы Западной Сибири, а после перевода генерал-губернаторства в Омск — тобольские губернаторы. С 13 августа 1917 г. по 13 апреля 1918 г. в этом доме со своей семьей жил в тобольс-

кой ссылке царь Николай II. Впоследствии Вельяминов находился в переписке с Гумбольдтом. По мнению многих современников, этот факт был одним из немногочисленных достоинств генерал-губернатора. По словам декабриста Н.Н. Лорера, «Вельяминов был добрый старик, занимался много литературой, читал много, переписывался с Гумбольдтом, но дурно управлял огромным краем, ему вверенным» (Лорер, 1931. С. 168). Подобным же образом о Вельяминове высказывался А.И. Герцен: «Года два [после назначения в 1828 году] он побился в Тобольске, желая уничтожить злоупотребления, но, видя безуспешность, бросил все и совсем перестал заниматься делами». Детальная оценка деятельности Вельяминова на посту генерал-губернатора, совпадающая в общих чертах с приведенными выше высказываниями, сделана А.В. Ремневым. Ну а дом Вельяминова в настоящее время выполняет также административную функцию — в нем размещается администрация Тобольского района.

Посещение Гумбольдтом Тобольска явилось значительным событием в жизни города. На одном из вечеров, устроенном по случаю визита прославленного путешественника в Тобольск, состоялась оживленная беседа на французском языке Гумбольдта с П.А. Словоцким, крупным исследователем Сиби-

ри, в которой знаменитый путешественник великодушно согласился, что будущий историк Сибири не должен проходить мимо сведений естественных наук об этом крае. К сожалению, собеседники не оставили мемуаров этой встречи. Сам же П. Словцов писал: «В июле 1829 года мы имели честь видеть у нас славного Гумбольдта, сего дипломата больших физических проблем, сего Зороастра, которого дух носился над водою и сушею обоих полушарий; и мы со вниманием прислушиваемся, что он в Европе произнесет о сотворении Сибири и о невесомых силах, в Тобольске им допрошенных». Под впечатлением от встречи с Гумбольдтом Петр Андреевич Словцов написал в следующем году книгу «Прогулки вокруг Тобольска». В 1830 году по инициативе и под руководством Словцова были проведены первые метеорологические наблюдения в Тобольске, ставшие регулярными. Беседа касалась мысли тобольского историка, с присущей ему страстью он доказывал, проверяя на знаменитом собеседнике, свою идею: человеческая история должна вписываться в естественно-природные условия и ландшафт. Словцов позднее выписывал парижские издания Гумбольдта и корректно ссылался на них.

Говоря о пребывании А. Гумбольдта в Тобольской губернии, нельзя не остановиться на

реакции просвещенной общест-венности на визит прослав-ленного ученого. В честь знат-ного гостя А. Алябьев — «си-бирский Россини» — сочинил гимн для хора с оркестром. На заглавном листе партитуры на-писано: «Гимн на случай посе-щения его превосходительством бароном А. Гумбольдтом учи-лища Сибирского линейного казачьего войска 1829-го авгу-ста. Слова Ивана Черкасова, гвардии штаб-ротмистра». Это сочинение было создано уже после отъезда Гумбольдта из Тобольска, а исполнено в во-енном училище Омска на его обратном пути с Алтая. Сопро-вождавший иностранных уче-ных от Тобольска до границы Оренбургской губернии адью-тант тобольского генерал-губер-натора Вельяминова Ермолов в своем частном письме писал: «15-го (августа) мы в Омске. В войсковом училище приняли барона с большим казачьим оркестром музыки и певчими». «Сыны Сибири отдаленной Приносят радостный привет, Живым восторгом

вдохновенный,

Тебе — кому дивится свет,
Кому все таинства открыты
Природы и ее чудес!
Наш посетитель знаменитый,
Живи под благостью небес.
Хвала тебе и удивленью
Предшествуют из края в край.
Ты наших чувств благословенье,
Усердьем полное, внимай:
Сей день, как дар неоцененный,

В сердцах мы вечно сохраним,
И в благодарности священной
Из рода в род передадим.
Алябьев А., Черкасов И.

1829».

Переписанную партитуру с приложением французского прозаического перевода Гумбольдт взял с собою в Берлин. И как затем писал Гумбольдт генералу Вельяминову, «играли у себя и были многие довольны». Так тепло и торжественно встречали знаменитого гостя в далекой Сибири за два месяца до того, как ему устроили шумный прием в Москве.

С этим замечательным гимном «тобольского соловья» контрастирует прием, устроенный Гумбольдту ишимскими властями. С путешествием Гумбольдта по Tobольской губернии связан забавный эпизод, произошедший в Ишиме и дающий наглядное представление об уровне культуры отдельных провинциальных чиновников. Гумбольдт остановился в Ишиме для астрономических наблюдений. Не имея представления, что такое астрономия и телескоп, ишимский городничий пришел в ужас от поведения ученого. В результате городничий послал тобольскому губернатору донесение следующего содержания.

«Несколько дней тому назад прибыл сюда немец по имени Гумбольдт, худой, невысокого роста, а на вид ничего не значащий, но важный и при

этом он был снабжен письмом ко мне от Вашего высокопревосходительства, в котором Вы приказываете мне обращаться с ним вежливо и с воздержанием. Я же хотя и принял его с должным уважением, но все же должен заметить, что личность эта кажется мне подозрительною и весьма опасною. С самого начала он мне не понравился. Слишком много болтает и пренебрег моим гостеприимством пренебрег и мною и моим угощением. При всем том, явно не почтив своим вниманием высшие официальные лица в городе, вступил в разговор с поляками и другими политическими преступниками, находящимися у меня под надзором. Осмеливаюсь донести Вашему превосходительству, что подобные разговоры не ускользают от моего внимания, особливо с той поры, как после продолжительных с ними переговоров, ночью ушел он с ними же на вершину одного холма. Туда притащили они какой-то ящик и вынули из ящика инструмент, имеющий вид длинной трубы, которая и мне, и всему обществу кажется пушкой. Утвердивши трубу эту на трех ножках, он направил оную прямо на город, и каждый из них стал к ней подходить и смотреть, верно ли она прицелилась. Видя во всем этом великую опасность для города (так как весь он деревянный), я немедленно приказал гарнизону,

состоящему из одного подпорщика и шести нижних чинов, идти к тому же месту с заряженными ружьями, глаз не спускать с немца и следить за его штуками. Если изменнические проделки этого человека оправдают мои подозрения, то мы положим животы наши за царя и святую Русь».

Это анекдотическое донесение было опубликовано еще в XIX веке (Полонский, 1889). В

последние годы оно несколько раз публиковалось на страницах местной печати и посмешило уже не одно поколение тюменцев.

В заключение хотелось бы пригласить всех интересующихся в Тюменскую область (Тобольскую губернию), в частности в Тобольск, древнюю столицу Сибири, и в Тюмень, ворота Сибири, чтобы прикоснуться к юношеской мечте Гумбольдта.

Сибирский Сократ

Скульптурно эффектный профиль этого человека с величественным лбом тотчас же возникает в памяти при произнесении непривычного сочетания «Сибирский Сократ». Так нарек его А. Омельчук в своих телевизионных «Беседах с Сократом», неординарность которым придала личность этого интеллектуала. Его помнят по яркому диалогу «Театрального Зрителя» со знаменитым режиссером Ю. Любимовым, как-то утратившим столичный лоск перед духовидческой пронизательностью уникального ума. Его помнят по блестящим выступлениям в академических собраниях и университетских аудиториях. Его знают несколько поколений студентов-психо-

логов и филологов Тюменского университета по феерическим, интеллектуально насыщенным лекциям по философии, антропологии, социальной психологии.

Это — Юрий Михайлович Федоров, один из немногих философов современности, которому удалось составить собственную философскую систему. Достаточно назвать его «Сумму антропологии», монументальный труд (более 1500 страниц), объемлющий все мыслимое мироздание от происхождения человека и человечества до того драматического срока, когда они должны дать отчет о своем существовании. Первые книги этой энциклопедии российской духовности рubeжа тысячелетий

можно было встретить на выставках интеллектуальных бестселлеров в Москве и Петербурге. Первые итоги «Суммы антропологии» обсуждались в Институте философии РАН, на всемирных конгрессах философов, на одном из которых Федорову дали возможность выступить с изложением своей системы. Такой аудитории и такого живого интереса, затянувшегося на 5–6 часов диалога, не удастаивались самые громкие кумиры духовного постмодерна второй половины XX в., как например, С.Д. Сахаров и С.С. Аверинцев.

Однако мало кому ведомо, что «Сумма антропологии» замышлялась как состоящая из 5 книг, которые должны, подобно Торе, Пятикнижию Библии, труду Августина «О граде Божием» и «Сумме» Фомы Аквинского охватить все сферы бытия Человека.

Впрочем, сам автор интуитивно улавливает аналогию не с этими столпами духовности, а с «Пятикнижием» Федора Михайловича Достоевского. Автору судьба уготовила удивительное пересечение с путем, некогда пройденным Достоевским, привела к своеобразной метафизической встрече с ментальным полем Достоевского. В середине 70-х годов Ю.М. Федоров оказался в военном госпитале в Омске, в той самой палате, в которой более 100 лет назад лежал Федор Михайлович. После этого появилась книга Федоро-

ва «Универсум морали», положившая начало будущей «Сумме антропологии». В середине 90-х годов Ю.М. Федоров обзавелся летним домиком в с. Заводоуспенка, где Достоевский останавливался во время своей сибирской ссылки, вбирая идеи и образы для своих будущих сочинений. И именно в с. Заводоуспенка были написаны 2 и 3 книги «Суммы антропологии» Федорова.

Метафизика места, в действительности, оказывает гораздо большее влияние на личность, чем это представляется обыденному сознанию. Ю.М. Федоров происходил из абхазского городка Гудауты, учился в азербайджанском селе Мардаканы, где витала аура ярких поэтов серебряного века В. Хлебникова, С. Есенина, написавшего именно там свои «Персидские стихи». Русский язык и литературу преподавал Ф.А. Лосский, создавший свою теорию языка.

Здесь Федоров впитал страсть к поэтическому слову, завораживающему звучанию восточной просодии, ирано-греко-понтийской старине. В сегодняшней квартире Юрия Михайловича царит дух места той юношеской поры. Посетителя обступают чеканные вазы и чаши персидской и кавказской работы, мраморная капитель коринфского ордера и деревянная скульптура, Библия Екатерининской эпохи и Коран в пергаментном переплете.

Хозяин удивительно органично соединяет в себе самые различные, казалось бы, далеко отстоящие друг от друга культурные традиции. Он может самозабвенно декламировать по-тюркски стихи поэтических гениев пятисотлетней давности и пускаться в изощренные толкования художественной образности символистов и акмеистов. Юношеская страсть к поэзии в дальнейшем была умерена разумом. Сегодня Ю.М. Федоров иронизирует по поводу горячности давних лет, когда он готов был допускать мысль о самоубийстве, если не станет великим поэтом.

Но и сегодня поэтический темперамент побуждает его заняться переводами произведений польского поэта Анджея Бартынского, его друга, лидера европейского поэтического авангарда, и в 2001 в Новосибирске издается сборник стихов Бартынского в переводе Ю.М. Федорова.

Другим фундаментальным основанием личности является, хотим мы того или не хотим, наследственность. Ю.М. Федоров происходит из дворянской семьи. Его прапрадед, генерал Ласточкин, воевал с Шамилем; затем круто изменил жизнь, став монахом. Его именем названо одно из селений на Кавказе. Дед — полковник царской армии, был расстрелян в ходе красного террора. Отец учился в Москве в пушном институте, был репрессирован.

Был в лагере, на печально знаменитом Беломорканале. Чудом бежал. Жил на Кавказе, женился, в 1936 на свет появился сын Юрий. В 41-м, дабы избежать новых репрессий, добровольцем ушел на войну. Возвратился телесно и духовно обессиленным, умер в больнице.

От них Ю.М. Федоров унаследовал благородство, возвышенную духовность, преданность православию и России. От них унаследовал интеллектуальный дар, в котором соединялись редкие математические способности и страсть к непостижимому, к метафизике. От них воспринял художественное воображение, способность тонкого понимания искусства и уже отмечавшийся поэтический темперамент. В школьные годы в математических решениях он превосходил учителя, который, как это нередко бывает, ставил ученику «тройки». Позднее, в курсантские годы, первой опубликованной работой Федорова окажется исследование по математике — «Об одном признаке сходимости рядов и несобственных интегралов» (Омск, 1960). Еще позднее, когда определяются философские интересы Юрия Михайловича, его труды будут отличать безупречная логика, математическая доказательность и графически ясное выражение самых сложных процессов разворачивания человеческого духа.

В сущности, и военная карьера Ю.М. Федорова (он имеет

звание полковника), на первый взгляд исключая развитие философской созерцательности, объясняется генетическими факторами. После окончания школы (увы!) с тройками в аттестате была поездка в Москву, устройство на завод авиационного приборостроения учеником токаря.

Потом — армия, служба под Ленинградом в полку истребительной авиации, имевшем опыт боевых действий в Корее против США. Ю. Федоров служил в штабе полка писарем. Здесь произошло событие, изменившее жизнь рядового солдата. Однажды полк был переведен на запасной аэродром для учений. По учебной схеме на это место предполагалось сбросить атомную бомбу. Эта информация стала известна штабному писарю Ю. Федорову; он известил об этом командира полка. Командир поднял полк в воздух за 15 минут до ядерного взрыва. На учениях присутствовал маршал Бирюзов, который сделал разнос командиру полка, требуя наказания виновных в срыве учебной задачи; однако командир полка заявил о неприкосновенности тайны его оперативной работы. Дело закончилось присвоением командиру очередного звания и повышением его по службе, а для солдата Федорова — внеочередным отпуском.

Из отпуска, не возвращаясь в полк, Федоров отправился поступать в Новосибирское пехотное училище. В 1956 г. это учи-

лище было расформировано, все курсанты переведены в Благовещенское общевоинское училище. В 1957 г. курсант Ю.М. Федоров был переведен в Омское высшее командное училище, которое окончил с отличием. Потом, в 1960–1963 гг., была служба в Польше, где первой книжкой по усвоению польского языка оказался небольшой сборник стихов А. Бартынского. После служил в Азербайджане. Важным событием жизни стала учеба в 1966–1969 гг. в Военно-политической академии в Москве. То было время интеллектуальной и поэтической оживленности; впервые читались лекции по социологии и политологии известными учеными Бестужевым-Ладой, Левандой, Межуевым; звучали публичные выступления А. Вознесенского, Р. Рождественского и Е. Евтушенко. То было время обновления театральной жизни. После академии была адъюнктура и защита диссертации. А затем, в 1973 г., последовала «ссылка» (иначе трудно оценить подобное назначение) неортодоксально мыслящего офицера в Тюменское высшее военно-инженерное училище. Но именно здесь, в Тюмени, в полную мощь развернулся интеллектуальный дар Ю.М. Федорова, снискавший ему заслуженные степени и звания доктора философских наук, профессора, академика Тюменской губернской академии.

Ю.М. Федорову в 1973 г. в Главном политуправлении МО

СССР предложили «на выбор» г. Благовещенск, г. Омск и г. Тюмень. В первых двух городах ему уже довелось бывать, и он знал, что они собой представляют. Тюмень же была для него terra incognita. Юрий Михайлович остановил свой выбор на неизвестном. Экзистенциальная драма отозвалась в сознании случайным парафразом одного «героя» незамысловатого русского детектива той поры: «Уезжай в Тюмень и ляг на дно!». Тюмень представляла некоей непроницаемой мглой, где могли исчезнуть в неизвестности от Всесоюзного розыска криминальные авторитеты.

В Тюмени Федоров оказался в ТВВИКУ, едва ли выделявшемся интеллектуальной жизнью среди вузов города. Тюмень вызывала странное ощущение сюрреалистического коллажа — соединение патриархальной архаики и начинающейся созидательной активности нефтегазовых гигантов, соседство трогательной души старины первого русского города Сибири и хаоса новостроек, соприкосновение простодушия, открытости ее жителей и чудовищного ненормативного арго. Никакой сколько-нибудь заметной, выходящей за рамки «вещи в себе» культурной и научной жизни. Никакой истинной интеллектуальной элиты, свободной от номенклатурно-административной принадлежности.

И все же, Тюмень обладала одним немаловажным преимуще-

ством по сравнению со столицей: она давала редкую свободу творчества и самовыражения. Известно, под каким тотальным контролем в центре находился каждый выступающий с лекцией, каждый пишущий и думающий.

Ю.М. Федоров выступил с инициативой организации социологических курсов. Идея была поддержана тогдашним обкомом, и эти курсы заложили основу общественно-научного и гуманитарного образования в только что созданном Доме политпросвещения. Позднее, в конце 80-х — начале 90-х гг. были инициативы развития конфликтологических исследований в Тюмени в рамках программ Института проблем освоения Севера СО РАН и Института криосферы Земли СО РАН, надо признать, пионерных в России. Были разработки сценариев развития конфликтов в Чечне, Поволжье и на Ямале, получившие высокие оценки столичных и зарубежных экспертов, и, сегодня приходится признавать, во многом сбывшиеся. В середине 90-х гг. Ю.М. Федоров выступил с еще одним значимым для научной жизни региона проектом создания Тюменской губернской академии. Этот акт воспринимается как показатель формирования собственного научного сообщества в регионе, подлинной интеллектуальной элиты Тюмени и края.

Главный труд жизни Ю.М. Федорова — «Сумма антропологии». Это не простой

труд, который непосильно не только оценить, но даже охватить взором одному человеку. Мне, в соответствии со своими профессиональными пристрастиями историка, хотелось бы представить третью книгу¹, увидевшую свет в начале 2001 г. и лишь недавно дошедшую до Тюмени. Хотя мне посчастливилось быть читателем этой книги еще два года назад, когда она была в рукописи, и вести активный диалог с автором.

Весь пафос размышлений философа здесь обращен к метаистории. Это понятие чаще всего используется для обозначения запредельной, потусторонней (трансцендентной) истории, имеющей слабое соприкосновение с действительной историей. Опыт Даниила Андреева, при всем поэтизированном богатстве его «Розы мира», встречает в научной среде чаще всего негативную оценку за его мистическую природу, за отсутствие многолетних усилий интеллекта по освоению предшествующих ментальных традиций.

В философии Федорова метаистория становится глобальной историей от ее начала до неизбежного финала. При внешнем подобии с идеей «универсальной истории» средневековых хронистов, охватывавшей весь путь человечества от Сотворения до Конца Света, концеп-

ция Федорова отличается фундаментально осмысленным и прописанным антропоцентризмом. Нередко мне доводилось слышать от знакомых философов, что доктрина Федорова пессимистична, что она представляет собой новую теорию катастрофизма, что она описывает развитие человечества через последовательную цепь катастроф — космологической, антропологической, социальной и природной, канун которой вот-вот наступит. Однако подобное суждение неверно, оно является следствием невчитанности в текст до последней точки. Финалом человеческой истории, по убеждению Ю.М. Федорова, должен стать не Апокалипсис, но Апокатастасис, а именно: Возрождение Духа.

Автор предлагает оригинальную схему мировой истории — Культ, Культура, Цивилизация, Технология. От теоретической работы такого масштаба неразумно ожидать точного указания дат, когда начинался или заканчивался тот или иной период. Гораздо существеннее здесь методологические посылки подобной всемирноисторической схематики. основополагающим принципом здесь является человек, или Субъект.

Периоду Культа, примерно соотносившемуся с дописьменной, догосударственной истори-

¹ Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн.3: Антропологическая историософия. Новосибирск: Наука, 2000. 714 С. Издана при поддержке Тюменской ассоциации офицеров запаса (В.Б. Загорчик).

ей (моя интуиция историка подсказывает — до IV тыс. до н.э.), соответствует Астральный Субъект. Его отличали явные приоритеты жизни небесной над земной. Нормой его ориентации в мире являлось предельное бытие. Он находился в непрерывном общении с космическими силами, среди которых все земное являлось зеркальным отражением небесного. Доминирующей фигурой прасоциума, обладавшей авторитетом, являлся маг. Для этого периода были характерны пращивилизация с центрами в виде астральных святилищ, пранормы в виде табу и тотемов, предписанных космическими силами, пратехнологии, основанные на трансцендентном опыте, пракультура, описываемая автором как запредельная и наивысшая, и пранаука в форме магии. Высшими проявлениями духовной мощи Астрального Субъекта стали палеолитические полихромные росписи, монументальные мегалиты, Стоунхендж, просуществовавшие тысячелетия и способные просуществовать еще бесконечно долго, в то время как современная техника нуждается в быстротечном обновлении. Период Культа завершился космической катастрофой, отклик которой сохранился в мифах об Атлантиде и Всемирном потопе.

Реликтами Астрального Субъекта оказываются угро-самоджийские народы Приполярья,

племена африканских джунглей и южно-американской сельвы, продолжающие жить в гармонии с природой. Косвенным показателем духовной силы Астрального Субъекта является пример жизни одного недавно открытого племени в горах Тибета на высоте более 3 тысяч метров над уровнем моря. Средняя продолжительность жизни в племени составляет 120 лет. Болезни, от которых страдает современное общество, включая самую страшную — рак и самую безобидную — кариес, там не известны. Племя не знакомо с алкоголем, табаком, не пользуется огнем, довольствуясь живой пищей, ледяной родниковой водой, разводит коз. Люди отличаются веселым нравом, значительную часть времени посвящают общению с любимыми — женами и детьми.

Второму периоду — Культуре, примерно совпадавшему по времени с существованием древних и средневековых государств (вероятно, нижней хронологической границей могло бы выступать IV тыс. до н.э., а верхней — сер. II тыс. н.э.), соответствовал Антропный Субъект. Нормой его поведения было: «скорее быть, чем иметь». Он отличался антропоморфным творчеством, невиданной творческой энергией. Ведущей фигурой протосоциума, по преимуществу родового, являлся предводитель рода (царь, монарх, вождь). Протощивилизацию этого периода автор склонен называть эвалю-

ативной, т.е. ценностной, основанной на общезначимых ценностях. Ее центрами были города, полисы, цивитас, коммуны, с присущими для них патристическими ценностями, когда сами эти образования воспринимались как «высшие родители». Нормы этого периода представляли собой предписания религии, церкви; они не обеспечивались принуждением. Технологии, культура, наука отличались антропосоразмерностью. Даже колоссы этого периода — Египетские пирамиды, Вавилонская башня, Великая китайская стена, чудеса света греков, готические соборы Кельна и Страсбурга — измерены футом и пядью, т.е. ногой и пятерней человека. Этот период закончился антропной катастрофой, каковой оказались Возрождение, с его своеволием, бесстыдством и презрением к человеку земледельческой культуры, Реформация, с ее профанацией богоизбранничества до уровня пошлого жизненного успеха, и «Великие географические открытия», приведшие к гибели высокие культуры Нового Света. Реликтами Антропного Субъекта являются традиционные восточные общества и, может быть, патриархальная семья.

Третьему периоду — Цивилизации, начавшемуся предположительно с сер. II тыс. (вероятнее всего, с рубежа XV—XVI вв.) и продолжавшемуся, судя по смысловому контексту измене-

ний, до середины XX в., соответствовал Социальный Субъект. Его собственнический *modus vivendi*: «скорее иметь, чем быть». Социум этого периода автор нередко именует социомассой. Он скреплен социальной идеологией, социальной политикой, социальными программами. В нем господствовали социальные интересы, мотивы общей пользы. Главенствующую роль в обществе играли идейные, партийные лидеры, функционеры, организаторы. В этот период креационистская, творческая деятельность сменилась репродуктивной по уже известным шаблонам, схемам, эталонам. Нормы в этот период приобрели прескриптивный характер, они жестко предписаны, фиксировали должностное и налагали санкции за неисполнение долга. Технологии становились все более массовидными, направленными на удовлетворение растущих потребностей социума. В цивилизации в еще большей степени подавлялась личность. Автор оспаривает иллюзию теоретиков либеральной и неолиберальной традиций, утверждавших, что только в цивилизации человек обретает свободу. В действительности, приоритет социума в период Цивилизации приводит не только к самой высокой производительности, к самым высоким стандартам потребления, но и к самым масштабным репрессиям против личности. Достаточно вспомнить трагедию народов,

уничтоженных конкистой, судьбы колонизованных континентов, геноцид тоталитарных режимов, холокост и концлагеря. Период Цивилизации закончился, по убеждению ученого, социальной катастрофой. Ее очевидными признаками стали фашистские и иные авторитарные диктатуры первой половины XX в.

Четвертому периоду — Технологии, начавшемуся, как можно заключить, с середины XX в., соответствовал Телесный Субъект. Главным требованием его существования становится предельное обладание. Социум ограничивается до того круга, в который вошли лишь общества, победившие в конкуренции высокие технологий. Пределом социума становится пресловутый «золотой миллиард». Главными акторами общества оказываются самые состоятельные изобретатели ноу-хау, наподобие созда-

теля Microsoft. Это общество автор порой именует псевдоцивилизацией. Миром начинает править Ничтожество, которое ради тотального обладания всем и вся ставит мир перед еще более глобальной катастрофой — природной. Альтернативой этому сценарию может быть только проявление духовной элиты, которая содержит в себе культуро- и культуросозидающие силы предшествующих Субъектов.

Знаком надежды здесь является становление подобной элиты и в нашем регионе, до сих пор являвшемся лишь гумусом, питающим центр.

PS. В день, 23 июня, когда завершился этот этюд, его главный герой, профессор Ю.М. Федоров, отметил свой 65-летний юбилей. Друзья и коллеги поздравляют его с этим событием и выражают надежду на продолжение «Суммы антропологии».

Заграничный родственник

Весной этого года в Тобольский филиал государственного архива Тюменской области пришел запрос из Департамента по социально-экономическому развитию села администрации Тюменской области. И.о. председателя комитета аграрной реформы С.А. Пахомчик просил

отыскать в церковных метрических книгах дату рождения тоболяка Ивана Васильевича Емельянова. Интерес к нему был вызван тем, что, переехав из России в США, бывший наш земляк стал крупным теоретиком и практиком кооперации, автором «Экономической теории коопе-

рации» («Economic theory of cooperation»), переизданной в 1995 году издательством Центра по изучению кооперативов университета Калифорнии. Умер И.В. Емельянов в Вашингтоне в 1945 году.

Тобольские архивисты под руководством начальника отдела Тамары Анатольевны Пановой по документам переписи населения 1897 года установили, что Иван Васильевич Емельянов 16 лет, сын священника, родился в Тюменском округе Тобольской губернии и на момент переписи учился в Тобольской духовной семинарии. В клировых ведомостях о церквях Тюменского округа нашлись сведения и об его отце: Василий Зиновьевич Емельянов в 1880 году служил настоятелем церкви Успенского завода. Дату рождения его сына Ивана отыскать не удалось.

До обидного скупой оказалась биографическая справка о выдающемся выходце из Тобольской губернии. Однако, по русской поговорке «на ловца и зверь бежит», всего лишь через несколько дней в тобольской газете «Сибирский листок» за 10 июня 1910 г. в подборке хроникальных сообщений мы нашли следующую заметку: «Недавно один из бывших воспитанников здешней духовной

семинарии Иван Васильевич Емельянов приглашен Екатеринославским губернским земством на службу в Соединенные Штаты агрономом-агентом. Г. Емельянов по окончании духовной семинарии в 1900 году поступил на естественный факультет Юрьевского университета, но с третьего курса перешел в Киевский политехникум, который и окончил в 1907 году по агрономическому отделению. После этого два года служил в Харькове земским энтомологом, а ныне выехал в Америку, в г. Миннеаполис в штате Миннесота, где Екатеринославским земством выбран, с одной стороны, как наиболее подходящий к своим почвенным и климатическим условиям к Екатеринославской губернии, а с другой, потому, что Миннеаполис после Чикаго величайший в мире пункт хлебной торговли, а по производству муки даже первый в мире. Здесь ее мелют более 500000 пудов в день. Здесь 48 хлебных элеваторов-зернохранилищ вместимостью до 80 млн. пудов хлеба. Лучший элеватор оборудован по последнему слову науки — он грузит по 130000 пудов зерна в час. Все это делается машинами, а людей при нем только семь человек: машинист, кочегар и пять чернорабочих».

*Докладная записка тюменского городского головы
А.И. Текутьева в комиссию о путях сообщения в
Государственной Думе**

В комиссии Государственной Думы имеет быть рассмотрение вопроса о проведении рельсового пути Тюмень—Омск и Екатеринбург—Шадринск—Курган. По этому вопросу екатеринбургские и шадринские мельники под разными нелепыми доводами стараются ввести в заблуждение правительственные власти.

В дополнение этого решились прибегнуть к ложным порицаниям тюменцев, каковы порицания помещены в телеграмме следующего содержания:

«Ваше сиятельство и ваше превосходительство, наболевшим сердцем просим поддерживать направление Шадринск—Курган, вопрос жизни нашего края, мы не обладаем большими средствами. Как тюменцы, мы не можем дать гешефта и обречены почти на гибель ради того только, что тут капитал борется с правдой, надеемся на вас, народные избранники, что поддержите. Председатель совета Федор Петров».

В телеграмме не пояснена сумма гешефта и кому.

Между тем шадринцы в дополнение телеграммы распусти-

ли слух, что Текутьев затратил на гешефт сто тысяч рублей и шадринский купец Соснин тридцать тысяч рублей, который ходатайство их находит неосмысленным, почему защищает право Тюмень—Омск.

Что же касается выражения в телеграмме шадринцев «не обладают они большими средствами, как тюменцы, и не могут дать гешефт, и обречены почти на гибель», такие выражения клеветнические, оскорбительные, относятся не только к одним тюменцам или к Текутьеву, а также и к партии инженеров, исследовавших по поручению правительства местность Тюмень—Омск, и к контролерам, проверявшим действия партии командированных от министерств и Государственного контроля. Вопрос. Неужели эти уполномоченные от правительства в таком важном народном вопросе могли продать свою честь за гешефт тюменцам или Текутьеву? Текутьев же такой нахальной суммы для гешефта не мог бросать потому, что местность Тюмень—Омск для общего народного блага сама за себя говорит и без гешефта.

* Докладная записка г. Текутьева помещается ввиду важности затронутого вопроса, притом без всяких изменений. — Ред.

За выражение в телеграмме: гешефт «шадринцы должны подлежать законному преследованию, если только не докажут, кому давали тюменцы гешефта». Что же касается вопроса о пути Тюмень—Омск, то начало ходатайства против шадринцев было одиночное Текутьева по случаю полученного сведения о ходатайстве екатеринбургских и шадринских мукомолов о третьем пути, совершенно излишнем для местности и для общего блага, и так как не обращалось внимания ни с чьей стороны относительно введения в ошибку правительства шадринцами. По ходатайству их дорога в настоящее время была бы сооружена неправильно. Текутьев, зная местность екатеринбургских и шадринских мукомолов, опровергал несоответствующий третий рельсовый путь в отношении культурной и торговой промышленности, которая в данной местности вся исчерпана и не может дать ничего для общего блага государства.

Между тем местность Тюмень—Омск, обладающая громадным пространством во всех отношениях для пользы общего блага и сотни лет забытая Богом и правительством, с таким богатством могла остаться забытой без всякой пользы, и местность Тюмень—Омск имеет значение транзитное по перевозке грузов на лошадях в продолжение столетий по случаю неимения рельсового пути, а местность Екате-

ринбург—Курган имеет значение местности проселочное, что доказывается фактами.

Если бы транзитный путь был выгоднее в Сибирь через Шадринск—Курган, в таком случае не был бы этот транзитный путь через Тюмень—Омск, который существует более ста лет и признан был полезным в 1866 году правительством, почему начало рельсового пути и было начато в 1884 году от Екатеринбургa на Тюмень, а не на Шадринск.

В настоящее время при разборке этого важного вопроса в комиссии Государственной Думы не лишним иметь в виду не затрату капитала единовременно на постройку того или другого пути, а на будущую заработку на много лет с проходящих грузов и с перевозки пассажиров, а главное — от развития в культурном и торговом отношении местных грузов и пользы для общего блага от рельсового пути. В этом случае несравненно может быть полезной местность Тюмень—Омск, чем Екатеринбург—Курган.

При сем имею честь приложить печатный проект для точного определения вопроса о выгодности, совокупляя, что проект этот точных подробных статистических данных не имеет, так как по безграмотности и по кругу крестьянской своей жизни я не имел возможности собирать статистические подробные данные, однако же, в этом проекте достаточно данных мною объяснений для своевре-

менной остановки постройки не-
нужной дороги Екатеринбург—
Курган, которая может дать гро-
мадные убытки для государства.
Если и был утвержден проект от
Екатеринбурга на Шадринск ве-
ликим государем, то этот проект
должен был государю императору
преждевременно, неосмотритель-
но, основан был только лишь
на данных инженера Савельева. В
это время не было обращено вни-
мания на местность Тюмень—
Омск, поэтому настоящее обраще-

ние шадринцев к посредствующе-
му ходатайству перед его импера-
торским величеством через на-
чальника кабинета его величества
князя Оболенского о том, что буд-
то бы проектом Тюмень—Омск
железной дороги нарушены свя-
щенные права русского царя, яв-
ляются совершенно неоснователь-
ными и оскорбительными для
истинно верноподданных.

Городской голова Текутьев.
**(Сибирские вопросы. 1908.
№№ 33—34.)**

Хроника

Новое школьное здание. Го-
родом выстроено для Успенско-
го женского училища новое
обширное здание по знамени-
той улице против дома Давы-
дова. 22 августа состоялось ос-
вящение училища законоучите-
лем о. Лапиным в присутствии
учащих, учащихся, городского
голова и редакторов трех мест-
ных газет.

Новое здание производит в
высшей степени приятное впе-
чатление: масса света, большой
рекреационный зал, высокие
комнаты — все вполне удовлет-
воряет современным требова-
ниям учебного дела. С внешней
стороны школа также обраща-
ет на себя внимание, она не-
сколько отступает от тротуара,
будет огорожена решеткою, за
которой будет устроен цветник.
Кроме Успенской школы, в зда-
нии помещено Потаскуйское
женское училище, переведен-

ное из дома Текутьева, так что
учениц разместились сейчас 250
человек, почти вдвое более, чем
было рассчитано. Находящееся
на одном дворе Успенское муж-
ское училище тоже заново от-
ремонтировано, внизу помеще-
но одно из отделений Потас-
куйского же училища. К пост-
ройке нового большого камен-
ного здания для всех отделений
Потаскуйского училища, из-
гнанных Текутьевым из пожерт-
вованного здания, будет при-
ступлено на городском месте
близ народного дома, и пост-
ройку предположено окончить
к будущему учебному году.

Таким образом, пожертво-
ванное Текутьевым для училищ
здание освобождено, и он мо-
жет теперь там открыть «гости-
ницу с номерами», и тем закон-
чить свою знаменитую обще-
ственную деятельность.

(Ермак. 1912. № 18. С. 20)